

Российская Академия Наук
Институт философии

И.И.Кравченко
БЫТИЕ ПОЛИТИКИ

Москва
2001

УДК 320
ББК 66.01
К–78

В авторской редакции

Рецензенты:

доктор филос. наук *Е.П. Никитин*
кандидат филос. наук *В.Е. Чертихин*

К–78 **Кравченко И.И.** Бытие политики. — М., 2001. — 259 с.

В книге формулируются начала общей теории функциональных общественных систем (экономики, политики, права, культуры, морали, идеологии, науки, религии), теории их взаимодействий и место политики в их составе. Определяются отношения структуры политической системы, государства и общества, структура и динамика политического процесса в его действительных и превращенных формах; разработаны проблемы общей теории функциональных пространств и функционального времени и их политическое воплощение.

Далее анализируются отношения политики, морали, экономики, права и других функциональных систем.

ISBN 5–201–02068–2

© И.И.Кравченко, 2001
© ИФ РАН, 2001

Введение

Бытие политики – это ее социальность во всех ее проявлениях, политическая жизнь общества и жизнь политики в обществе. Этому сюжету и посвящена предлагаемая книга. Как исследуется это бытие, читателю, очевидно, так или иначе известно. Все же напомним некоторые особенности этого процесса.

Институциональное исследование политики и власти¹ или, иными словами, субстанциональное изучение политической статике – самый ранний и доньше распространенный подход к изучению такого общественного феномена, как политика. Разумеется, субстанциональное изучение политики не может быть только статичным. Объяснение институциональной статике, естественно, предполагает и функциональный анализ политических форм: государства, политического режима, должностных лиц и т.п.

Институциональный характер политических процессов еще более органично включает исследование политической динамики – имманентность политического участия свободного гражданина полиса, стратегия диктаторского правления в республиканском Риме и пр. Тем не менее функциональное исследование политики оформилось в теории политических процессов во вторую очередь и главным образом в Новое и Новейшее время. Аристотелевское отношение политики и государства трансформировалось в функциональные теории управления, власти и разделенных властей, политической организации общества и мн. др.

Еще позже в политическом знании легализовались их древнейшие, античные связи с другими областями культуры и науки: жгучими конфликтами власти и политики, отображенными в художественно-литературном, музыкальном, изобразительном творчестве и науками о человеке – психологии, учениях о принятии решений,

управлении, лидерстве и т.д. Политическое знание, формировавшееся благодаря обособлению от других областей общественнознания, обретя, наконец, в начале XX в. независимый статус, быстро влилось в более развитой, современный процесс взаимодействия с другими формами знания и использования их концептуального аппарата и исследовательской технологии: моделирования, методологического арсенала современной прогностики, математических исследовательских методов и т.п. Социальность политики постигалась все полнее, позволяя рассчитывать и на повышение ее эффективности.

Если политическим наукам все эти достижения дались с трудом и лишь в исходе двух с половиной тысяч лет их истории, то политико-философское знание, как известно, столь же древнее, изначально оказалось органично связанным с философской мыслью в неполитических функциональных сферах общества, и эта связь позволила ей постепенно сделать понимание политики всеобъемлющим и слитым с другими общественно ориентированными («практическими») философскими дисциплинами, в первую очередь философией морали, а впоследствии с философией права, истории, культуры и др. по мере их формирования, уже в Новое и Новейшее время. Объединение это объяснялось, как мы знаем, тем, что разные направления общественной мысли исследовали один общий объект — общество и одни и те же общественные явления: государство, общественную жизнь, власть и ее функции, общественные отношения разных видов и т.д. Когда определялись предметные различия разных философских дисциплин, начиналась дифференциация этих последних. Она достигалась, как известно, не без усилий и не сразу, так что сама политическая философия, например, обособилась от философии права, морали и других философских дисциплин лишь в XX в., последней из всего комплекса, который продолжал и продолжает пополняться новыми дисциплинами.

В результате отделения политического знания от других направлений обществензнания их взаимодействие приняло форму сочетаний: «политика и экономика», «политика и мораль», «политика и право» и т.п. Союз «и» обозначает, однако, далеко не простые сочетания. Как реально они образуются и функционируют – достаточно сложная проблема. Ее расшифровке и посвящено последующее изложение.

Исследования отношений политики с другими функциональными системами позволяет связать политико-философское знание с научным. Иначе говоря, синтезировать различные направления в единое политическое знание. Что еще важнее, философский анализ межсистемных отношений позволяет связать на новой дифференцированной основе некогда слитные, синкретические философские направления – политическую, моральную философию, философию права, истории, новые отрасли философского знания – философию экономики (политическую экономию), философию культуры, науки, религии и пр. Что особенно важно, это новые возможности исследовать иррациональные начала политики, которые не изучает политическая наука и которые во многом скрыты в неполитических системах.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА И ИХ ОТНОШЕНИЯ

Преобладающее и традиционное исследование отношений общества и политики/власти путем их сопоставления или противопоставления в качестве двух рядоположенных величин давало и дает основание для несомненно весьма важных (правда, достаточно банальных) выводов: эффективная или неудачная политика, прогрессивная либо консервативная или реакционная и т.п. Более существенные результаты отличает, как давно известно, анализ политики в отдельных сферах жизни общества, например экономической, правовой, культурной и др. Существует ли возможность построить общую теорию такого аналитического метода — мы и попытаемся теперь выяснить.

Будем исходить из некоторых известных представлений об обществе как сложной, сверхсложной («большой») системе, состоящей из ряда подсистем также большой сложности (поэтому будем относиться и к ним как к большим системам). Таких систем семь: экономика, политика, идеология, право, культура, мораль, наука (знание) и, факультативно, в зависимости от конкретного общества, к ним добавляется религия. В их число не входят бесчисленные системы меньших рангов (например, системы коммуникаций, образования, сельского хозяйства, других видов материального производства и пр.). Все они в качестве различных подсистем входят в названные выше большие системы и отличаются от них своими функциональными характеристиками. Изучение их отношений с политикой —

прерогатива теоретических эмпирических политических наук, хотя в принципе политико-философское знание может обращаться к изучению конкретных систем (ведь существуют философия техники, искусства, обыденности и т.п. И пресловутые «философские вопросы» или «проблемы» всякого рода – медицины, биологии, экологии и т.д. и т.п.). Не могут быть причислены к названным системам и предельно общие системы, например «социальная система», поскольку она объединяет все системы и служит метафорой понятий «общество» или «государство», «государственный строй», «политический режим» и пр. Сама же социальность больших общественных систем не вызывает сомнений. Социальность – это и есть их основной функциональный признак. Она состоит в организационной и регулятивно-контрольной и формообразующей роли больших систем, формирующих общество, как уже отмечалось, определяющих его тип, его место в истории, уровень и содержание его развития.

Есть, по-видимому, основание распространить представление о специфическом политическом общественном начале, направляющем общество², на другие, неполитические системы, т.е. говорить об экономическом, идеологическом, культурном, моральном, правовом и др. общеисторических универсальных началах, которые служат основой конкретных видов и форм, входящих в каждую систему (т.е. их частные воплощения, их подсистем), обобщающих и организующих их. Такого рода фундаментальная функциональность определяет ее конкретные признаки.

Функциональные характеристики больших общественных систем

1. Начнем с того, что все системы равны в едином формирующем обществе процессе, не существует систем, которые бы формировали другие системы. 2. Со-

ответственно системы не заменяют и не вытесняют друг друга в нормальном общественном процессе (например, политика не может управлять материальным или духовным производством и т.п.). 3. Таким системам присуща универсальность, способность охватывать общество, совпадать с его социальным началом, совокупностью неприродных отношений между любыми частями общества. 4. Способность одной системы взаимодействовать с другими системами и проникать в них, образовывать общие системы: политика и идеология, политика и экономика, политика и право и т.д., так же как сочетания экономики и права, экономики и культуры, культуры и политики, сочетаний различных систем с наукой и т.д. 5. Вытекающая из этого взаимодействия атрибутивность большинства систем, способность образовывать совместные сферы теоретической и практической деятельности, области знания, так же, как *политическая* экономия, идеология, нравственность, наука, культура и т.п., *экономическая* политика, наука, культура, право, *правовая* культура, политика, идеология, *культурная* политика, *научная* политика, идеология, *моральная* политика, моральное право, *религиозная* политика, культура, религиозное право. 6. Возможность отрицательных сочетаний, свидетельствующих о нарушениях функционирования той или иной системы или группы систем и нарушении их взаимодействий: *ненучная* политика, идеология, *неморальная* политика, и т.д. 7. Возможность обретать *формы*, что и позволяет им функционировать, объективироваться в идеальных и материальных выражениях – идеях, взглядах, теориях, концепциях, проектах, интуитивных и эмоциональных настроениях и побуждениях и одновременно в деятельности, институтах, учреждениях и целых системах учреждений (аппаратах), документах, в языке, речи, текстах. 8. Существование соответствующих видов власти, организующей и обеспечивающей функционирование

систем — политической, экономической, идеологической, власти культуры, морали, права, религии и 9. Материализации или нематериального объективирования этой власти: *политической* — в государстве и его институтах, политических режимах и системах, средствах и методах, отношениях, актах веры, доверия и других идеальных выражениях, *экономической* — в том же государстве, в органах управления производством, обменом товарами и услугами и т.п.; *идеологической* — в партиях, убеждениях, взглядах и т.д. Особые виды власти отличаются сферы культуры и морали — авторитет принципов, традиций, идеальных образцов, признанных правил и норм, источников культурного или нравственно-го, религиозного влияния и т.п.

Все общественные системы, организующие жизнедеятельность и отношения в обществе и контролирующие их, осуществляют служебные, инструментальные функции по отношению к обществу. Соответствующие формы власти инструментальны по отношению к системам, в которых они функционируют, а тем самым и по отношению к обществу в целом. Более того, сами эти системы — экономика, идеология, политика, право и другие — обладают властью, персонализированной в людях и учреждениях, институтах, которые они создают, властью вторгаться в другие системы. Взаимное проникновение одной системы в другую — необходимая или неизбежная форма их взаимодействия. Однако оно может принимать экспансивный и агрессивный характер, чем нарушается сам принцип взаимодействия. Иными словами, существует проблема предела допустимого воздействия одной системы на другую, границы, за которой оно становится разрушительным.

В этом отношении организационные системы общества неравноправны и неравны. Из их числа выделяются специфически экспансивные системы — политика и идеология. Политизация и идеологизация неполи-

тических и неидеологических систем — экономики, науки, культуры, морали и общества в целом допустима лишь в известных пределах и формах, которые определяются конкретными условиями времени и задачами общества. Превышение допустимой меры, гиперполитизация и гиперидеологизация общества существенно изменяют политический режим государства, они характерны для авторитарных и тоталитарных политических режимов и губительно сказываются на состоянии и развитии организующих общество начал, таких, как экономика, культура, мораль, наука, право и др. Доминирование экономики, гипертрофированный «экономизм», возможный в периоды экономических кризисов, реформ, даже чрезмерно бурных периодов экономического роста также может стать причиной подавления некоторых сфер жизни общества, таких, как культура, мораль, идеология, даже политика и религия. Тотальная политизация и идеологизация общества может сопровождаться и его избыточным юридическим регулированием (по запрительному принципу — «запрещено все, что не разрешено»), обилием запретов, санкций, ограничений, юридических и бюрократических процедур, столкновением встречных потоков — прошений, петиций, жалоб с одной стороны и ответов и отказов — с другой. Чрезмерно зарегулированное постановлениями, законами, подзаконными актами, распоряжениями, инструкциями общество теряет жизнеспособность, как это и происходит в тоталитарных государствах и губительно сказывается не только на менее экспансивных, но и на потенциально агрессивных системах — политике и идеологии. Истории известна и весьма активная экспансия религии в светскую жизнь общества, культурную, моральную, политическую, экономическую, правовую и научную, сопровождавшаяся борьбой за влияние, за формы развития, вплоть до создания теократических политических режимов, существующих и по сей день религиозными войнами, нередкими и в наше время.

Не может быть избыточной проникающая способность лишь двух систем — культуры и морали. Их экспансия ограничивается, однако, сопротивлением других систем, их инерцией.

Оптимальное определение этих границ — это, по существу, проблема стабильности общества и его развития.

Другая, альтернативная проблема — образование вакуума в отношениях между системами, вызванного слабостью одной или нескольких систем либо их ненормальным, каким-либо образом извращенным развитием. Так неспособность общества гармонично развивать экономику (в результате ее милитаризации или из-за плохой организации) вынуждают восполнять дисфункции такой системы именно агрессивными системами. Отсюда и возмещение экономической слабости политизацией и идеологизацией общества, компенсация низкого уровня жизни ее гипертрофированным правовым регулированием (вплоть до репрессий) и т.д.

Особенно склонны к взаимной экспансии политика и идеология. Они функционально наиболее тесно связаны друг с другом. Но общая слабость социальной организации общества, отсутствие равновесия между государством, властью и народом, не сложившиеся гражданские отношения, скрытые внутренние напряжения политической системы, какие-либо ее скрытые или явные дефекты устремляют эти две системы друг к другу. Особенно часто гиперидеологизация политики происходит при решении обществом крупных преобразовательных задач — реформ, революций, в периоды политических и общественных кризисов.

Большая, уже традиционная, но далеко еще не завершенная тема исследования отношений политики и экономики, политики и морали, идеологии и т.д. состоит в изучении двух или нескольких рядов отношений различных систем, скажем, взаимоотношений политики и идеологии, а не только сложного двойного

образования, именуемого политической идеологией; политики и экономики наряду с анализом политической экономии и экономической политики, политики и науки, а также политической науки и научной политики, так же, как разграничиваются и сочетаются исследования отношений идеологии и науки наряду с анализом научной (или ненаучной) идеологии, изучение отношений права и культуры и феномена правовой культуры и т.д.

Все системы существуют в обществе в двух формах: потенциальной и актуальной. Потенциально они возможны и с необходимостью возникают из неразвитых или первичных форм, правовых, например, научных, идеологических, политических и т.д. Их актуализация определяется историей общества, уровнем и темпом его развития.

Актуализация, объективирование систем происходит в трех известных формах: идеальной в виде идей, замыслов, теорий обычаев, традиций; в деятельности, поведении, в политическом труде, общении, отношениях, организационных, институциональных процессах и т.п. И в материализованных формах, таких, как учреждения, предприятия, документы, вещная продукция, коллективы людей, организации, персонал учреждений, предприятий и т.д.

Во всех трех формах объективируются все системы, но с двумя существенными исключениями. Для полной трехмерной актуализации система должна быть субстанциональной, нужна, иначе говоря, некая социальная материя, которая объективируется в самостоятельной предметной форме, как, например, теории, правила, процедуры, документы, учреждения, в которых актуализируется политика, документы (законы), юридические процедуры и учреждения, объективирующие право, предприятие и продукты производства, в которых овеществляется экономика и т.д. Культура же в ее наи-

более значительном и глубоком смысле (который Б.М.Парамонов образно определил как «способ жизни») со всеми ее ментальными измерениями, бессознательными и эмоциональными началами, самосознанием и мировидением субстанциональна лишь в той мере, в какой ее способны хранить и передавать обычаи, традиции, условности общения, поэтому она нуждается в носителях – других системах, в которых она проявляется («политическая культура», «культура научного исследования», «культура поведения» и т.д.). И только материализованная в искусстве или в пресловутых «учреждениях культуры» культура приобретает подлинную субстанциональность, утрачивая при этом свой исходный смысл.

Нормы, правила, ценности морали еще менее способны актуализироваться сами по себе. Феномены морали нуждаются в «носителях» – фактах других систем, вместе с которыми они обретают субстанциональность и объективируются. Примечательно, что такими носителями не могут стать предметы вещного мира – мораль обретает вместе с другими системами идеальную субстанциональность, но эта субстанция не может стать материальной. Таковы вступительные замечания к последующему анализу.

Функциональные и языковые воплощения атрибутивных отношений больших общественных систем

Образование атрибутивных связей между парами систем («политическая экономия») – особая, наиболее выраженная форма взаимодействия систем. Ее возникновение определяется возможностью одной системы (получающий определение) использовать средства другой системы (определяющей) для решения общих задач

или использовать средства одной системы для решения задач другой системы. Иначе говоря, эти две системы должны быть совместимыми.

Языковые формы таких связей могут не совпадать с их содержательным выражением. Так в понятии «Политическая культура» определяемое представлено прилагательным («политическая»), определяющее — существительным («культура») и таким образом обозначается качество политики и ее способность подчиниться другой системе, которая тем самым участвует в решении политических задач.

Иначе построены атрибутивные, а значит, и содержательные отношения в сочетаниях типа «Экономическая наука» или «Политическая идеология». Существительные в них по всем правилам определяются прилагательными, содержание и исследовательские задачи науки — изучение политики. В другом случае содержание, специфика политики также определяют характер, тип идеологии.

Язык точно отражает особенности взаимодействия систем. Если задачи одной системы не решаются средствами другой системы, то они не образуют атрибутивных связей и их взаимодействие осуществляется иным, более сложно организованным образом. Соответственно в языке ограничивается число атрибутивных форм. Определенно можно отнести к ним такие сочетания, как политическая экономия, идеология, наука, культура, этика; научная политика, научная культура; экономическая наука; правовая наука; религиозная идеология, религиозная мораль, религиозная культура.

Если же средства какой-либо системы не могут достигать цели другой системы, то их атрибутивные сочетания не складываются и язык их не принимает, несмотря на неизбежное взаимодействие этих систем. Так политические задачи не достигаются, например, религиозными или моральными средствами, поэтому не

образуются такие атрибутивные сочетания, как «политическая религия» или «политическая мораль»³, так же как «экономическая религия» или мораль, «идеологическое право», «экономическая мораль», «экономическая религия» и т.п.

В нестрогом терминологическом языке некоторые из таких понятий могут оказаться метафорами оценочных суждений о тех или иных системах. Так «правовая мораль» или «политическая мораль» могут означать моральность права или политики. «Научная этика» может означать этическую характеристику научной деятельности, так же, как «научная культура», но не научные достоинства этики или культуры. В ряде случаев атрибутивные сочетания означают политику в той или иной функциональной сфере внутри соответствующей системы и ее средства. Таковы «экономическая политика» или осуществление какого-либо начала в иной системе с ее соответствующей оценкой: «экономическая этика», «религиозная этика», «моральное право» и т.д.

Все эти замечания вызваны не одним беспристрастным интересом к чистоте и точности терминологии и теории (хотя эта цель сейчас, в стартовый период нашего политического знания особенно актуальна). Анализ отношений систем призван способствовать осуществлению нашей главной задачи — исследованию отношений политики и общества. Уточним теперь положение политики в совокупности больших систем.

Место политики в ряду других систем

Выше постулировалось функциональное равенство всех больших общественных систем. Вернемся теперь к аргументации их отношений, чтобы уточнить положение политики в этой систематике.

Известны споры о существовании или отсутствии какой-либо ведущей общественной системы, или сферы, которая порождает и направляет другие. Основными претендентами на детерминирующую роль выступали, как известно экономика (которая порождает и определяет политику, согласно марксистской традиции) и политика, которая регулирует, контролирует и направляет все другие системы. Чтобы не забегать далеко вперед, остановимся на этой последней версии: мнении об определяющей роли политики, т.е. политической организационной и регулятивно-контрольной системы.

Всеобщность форм и процессов организации, управления, контроля породила представление о всепроникающих, всеобъемлющих возможностях и функциях политики. Это представление вполне оправдано. Однако выше говорилось о пределах возможностей систем, включая и политику. Политика может и со всей социальной необходимостью должна взаимодействовать с другими системами (так же, как и они), но не может замещать их — об этом уже говорилось. Объяснение этого кажущегося противоречия между всеприсутствием политики и пределами ее возможностей объясняется существованием «неполитической политики», тем, что каждая система функционирует как осуществление ее собственной «политики», не приходящей из политической системы, а имманентной каждой системе, ибо политика, если дать ей самое полное, универсальное и простое определение, представляет собой замысел решения какой-либо задачи, связанный с определением целей, выбором времени и места деятельности, рассчитанной на получение желаемого результата, обеспеченной необходимыми ресурсами, подбором сторонников и участников процесса и нейтрализацией вероятных противников⁴.

Сказанное о политике полностью относится и к власти. Универсальность власти — еще более привычное понятие в таких формах, как экономическая, су-

дебная власть, власть церкви, в иносказаниях, метафорах — власть знания, закона и т.д. XX в. стал эпохой абсолютизации власти, представлявшейся объективной автономной сущностью⁵. Так или иначе власть имманентна политической системе и во всех ее формах органично вступает в отношения с обществом.

Не только сама политика в обычном смысле слова («политическая политика»), т.е. политическая система, но и все другие системы функционируют благодаря осуществлению собственных «политик». Их общественные начала (экономическое, правовое, культурное, моральное и пр.) совмещаются с политическим началом или, говоря иначе, это последнее начало становится всеобщим, общесистемным.

Функционирование систем представляет собой общественный процесс — политический, экономический, правовой, культурный, идеологический и др. Совокупность этих процессов и формирует общество, организует, направляет его, определяет его социальную и историческую динамику. В этой динамике определяются и взаимные отношения систем. Системная динамика и станет предметом исследования социальности политики.

Как и в «политическом», в «началах» общественных систем обобщаются и концентрируются их конкретные формы, они же образуют их потенциал, который актуализируется в этих формах. Следует отметить как нечто само собой разумеющееся, что функционирование, взаимодействие, объединение систем — не есть некое самодвижение общественных процессов. Излишне, видимо, напоминать, что системы, о которых идет речь, формируются обществом и они же формируют, организуют и регулируют общество. Отметим все же этот факт, чтобы уточнить понимание отношений политики и общества определением самого общества.

Общество и общественные системы

Рассмотрев предварительно общественные системы как составные части целого, т.е. общества, естественно уточнить понимание этого целого. К сожалению, опереться на достаточно удовлетворительное определение общества не представляется возможным. По разным причинам ни в отечественной, ни в зарубежной литературе из многих определений ни одно, как это ни странно, не представляется убедительным, несмотря на исключительное внимание к обществу как объекту исследований, особенно в наше время, в XX веке — эпохе расцвета обществознания. Не вдаваясь в обсуждение исследований в этой области, наметим некоторые исходные представления, которые могут лечь в основу искомого определения по следующей схеме.

Все сообщества людей можно, как известно, систематизировать по степени их удаления от их исходной биологической основы (семья, род, племя, народ, нация) с соответствующими формами коллективности, организации совместной жизни, которая усложняется при переходе от этнических доминант — к социальным со все более сложной, параллельно развивающейся социальной организацией: клан, каста, община, сословие, класс, общество. От других видов сообществ⁶ общество отличается наиболее развитой, целостной политической организацией, включающей участие общества в политике. Это последнее условие — критерий сложившегося общества⁷. Страна, в которой часть населения, а тем более значительная или подавляющая принудительно или добровольно отлучена от политического участия, либо не обладает сформированным обществом (государства с деспотическими режимами, средневековые феодальные или новоевропейские абсолютистские страны), либо сводит политическую активность к привилегии правящего класса, тонкого слоя «высшего» и «образованного» общества.

Так подавляющая часть подданных короны в дореформенной России – крепостное и не крепостное крестьянство, городские податные сословия, рабочие, словом, народ и купечество, разночинная интеллигенция, да и дворянство при отсутствии представительных учреждений, были лишены каких-либо форм участия в политической жизни, самоуправления и избирательного права, и потому в России в этой ситуации не приходится говорить о существовании общества и такой его политической организации, с которой общество могло бы образовать органическое целое, способное взаимодействовать с государством в качестве равного с ним партнера. Отсутствие же такого партнерства означает сужение сферы политики и, следовательно, политической организации страны, которая управляется не политикой, а принуждением, господством и повиновением⁸. Асоциальность такой ситуации останавливает социальное развитие на уровне сообщества того или иного типа, а не общества в полном смысле слова, хотя в научном и ненаучном обиходе широко употребительны термины-символы – «первобытное общество», общество охотников и собирателей, «сословное общество», феодальное, культурное и т.д. и т.п. – существуют ведь общества филателистов, спортсменов и пр.

Итак, если сообщества, какими бы они ни были, более близкими к своей биологической, природной прародине, к той или иной этнической, национальной, институциональной (семья, клан, класс и пр.) специфике охватываются всеми системами, формирующими их социальную организацию, то интегральной политической организацией обладает лишь общество во всей полноте его политической активности. Приняв это положение, можно определить общество как *исторически сложившуюся организованную неприродную совокупность людей, объединенных совместной духовной и материальной жизнедеятельностью, сплоченных общей судьбой, об-*

щностью основных интересов и целей, взаимодействующими организационными и регулятивно-контрольными системами и политическим участием в управлении страной и в работе государства.

В этом определении названы главные, но не все даже существенные признаки общества, поскольку сами они нуждаются в оговорках⁹.

Впрочем, ни это, ни какое-либо иное определение, каким бы обобщенным и полным оно ни было, не убеждает в монолитности общества. На деле, как всем известно, общество дифференцировано по многим признакам — социальным, материальным, культурным, территориальным (центр — периферия, город-деревня), политическим, идеологическим и пр. Политика обращена поэтому и к обществу как целому, и ко всем типам социальной коллективности, к отдельному человеку как члену целого и как члену сообщества, с которым он себя идентифицирует (семье, роду, национальности, профессии и т.п.), к большинству и меньшинству.

Особую проблему в отношениях общества и политики составляют крупные исторические трансформации общества, формирование его новых состояний: переход от патриархального, традиционного общества к современному, индустриальному, от него — к постиндустриальному во всех его разновидностях. Общество как некое целое неоднородно и динамично, оно не просто преобразуется, но и порождает «дочерние» формы, новые типы сообществ, возникновение и развитие которых непосредственно связано с функционированием и эволюцией самой политики. Такова, в частности, история и судьба *гражданского общества*.

Его основа — не просто и не только средний класс, но и все другие классы, в той мере, в какой они овладевают основным его свойством (комплексом свойств) — *гражданственностью*. Но центром социальной основы гражданского общества является *достаточная* часть этого

многоклассового слоя — в материальном и духовно-интеллектуальном отношениях. Стимулятором и ведущей силой этого центра служит интеллигенция.

Суть этой дифференциации в том, что гражданское общество — это не все общество, не весь народ и тем более не вся совокупность населения страны. Это лишь лучшая, наиболее развитая и динамичная, связанная с прогрессом общества часть социума. Поэтому подлинно гражданское общество может составлять лишь меньшую и даже незначительную часть общественно целого. Эта часть может сужаться и расширяться с тенденцией охватить в более или менее отдаленной перспективе большинство либо общество в целом. Поэтому гражданское общество — это процесс и составная часть общественного и исторического процесса, не только результат, но и показатель и фактор прогресса общества.

В этом смысле гражданское общество подобно демократии и либерализму: первоначально локальным, но расширяющимся явлением с определенной сословной и классовой идентификацией — городской феодально-буржуазной общиной, аристократической элитой, сословием буржуа, просвещенным дворянством, интеллигенцией; затем — расширяющейся средой городских и сельских рабочих, фермеров, крестьян, политического класса, армии, репрессивных органов и бюрократии.

Поэтому должна расширяться *социальность* гражданского общества по мере того, как оно становится *массовым*. Переход этот не менее сложен, чем начальное становление гражданского общества. Если вначале пути ему приходится *выделяться* из общественной среды (откуда и его элитарный и сословный характер, например буржуазный), то впоследствии ему приходится сливаться с этой, хотя и более развитой, средой, с риском раствориться в ней. При этом и мера риска для гражданского общества не уменьшается, ибо вновь решается его судьба, поскольку процесс альтернати-

вен: либо массовое общество станет гражданским, либо гражданское общество – массовым, но без его гражданских качеств.

О трудностях и особенностях такого перехода можно судить по эволюции культурных аспектов подобных трансформаций. Феодалное и сословное общество породило великую живопись и архитектуру, т.е. не массовые формы искусства. Буржуазное и гражданское общество – более массовые формы – музыку и литературу. Переход к омасовлению гражданского общества породил самые массовые формы – кино, радио, звукозапись и телевидение. Вместе с тем происходили и утраты: гражданское общество не сохранило элитарный аристократизм великой живописи и значительной архитектуры, массовое и еще не ставшее гражданским современное общество не сохранило великой музыки и литературы. Каков будет результат культурного синтеза гражданского и массового общества, неизвестно. Можно лишь надеяться на синтез и великое искусство.

Целостность общества включает, как отмечалось, его внутреннюю дифференциацию (социальную, экономическую, культурную и проч.), т.е. деление (в известных пределах) на многие «общества»: городское-сельское, столичное-провинциальное, аристократическое-рядовое и т.п., но все они как части целого определяются этими признаками. Специфика отношений таких частных «обществ» с политикой несомненна, о чем еще пойдет речь ниже.

Обратимся теперь к определению политики в ее собственно политической функции, имея в виду, что понимание политики – как организационной и регулятивно-контрольной системы верно, но не выделяет ее из ряда других систем. Речь идет, таким образом, о собственно «политической политике», отношение которой к обществу нам надлежит рассмотреть.

Определение политики логично вытекает из ее исследования: *политика — одна из основных формирующих общество организационных и регулятивно-контрольных систем теоретической и предметно-практической деятельности со структурой действительных и превращенных форм, рациональных и иррациональных идей, действий и отношений, определяющихся вероятностным характером политического процесса и политической жизни общества*¹⁰.

Таким же может быть определение политической власти: власть — равнозначная политике общественная сущность, составная часть политической системы — средство организации общества, его контроля и управления им, способ существования политики, присущий всем, не только политическим общественным отношениям, во всех их действительных и превращенных формах, рациональных и иррациональных.

Аналогичным может быть и самое полное совместное определение политики и власти: политика — власть есть двуединое общественное начало одной из основных организационных и регулятивно-контрольных, формирующих общество систем, со структурой из действительных, рациональных и превращенных, иррациональных форм, действий и отношений, присущих вероятностному характеру социально-политического процесса.

Политику и ее имманентную взаимосвязь с властью в любой сфере деятельности (политической и неполитической) можно определить и иным образом: *политика — это целенаправленное субъект-объектное отношение, осуществляемое властью.*

Этой формулой определяется и сущность власти: она не только средство, но и способ существования политики. Определение политики в этой формулировке совпадает с известной реляционной формулой власти по схеме $S_1—S_2—S_n$, в которой S_1 — первый, активный субъект политики и власти, их источник, генератор политической воли; S_2 — второй, пассивный субъект,

воспринимающий волевой импульс, исполнитель политической воли. Он может быть и объектом-целью политического процесса, если на нем он завершается (созданием нового объекта – политического или иного института, проведением какой-либо организационной или прочей операции и т. п.). Если процесс продолжается, S_2 становится носителем власти и политики и передает политическую энергию следующему субъекту и далее, вплоть до достижения объекта-цели.

Рассмотрим теперь как взаимодействуют, противостоят друг другу или объединяются эти две социальные силы.

Участие в политике Гоббс оценил как возникновение *политического общества*, общества, способного перейти от «естественного состояния» необузданной свободы к политической самоорганизации – заключению соглашения (гоббсианского «пакта») между людьми об отказе от взаимного насилия и страха смерти и передаче права на законное насилие государству. Страх смерти оставался, но он контролировался властью. Таким образом подданные вступали с ней в договорные отношения. Так, собственно, из хаоса естественного состояния и возникала *политика*, т.е. не насилие, а взаимодействие, соглашение, согласие и если и принуждение, то законное.

Собственно говоря, Гоббс возрождает Аристотелевскую традицию, в которой политика, т.е. занятия делами полисного общества и государства, была имманентна существованию человека и полисного коллектива свободных¹¹. С политическим участием связана и гоббсианская, а затем и в целом новоевропейская идея свободы, а также и идея равенства, без которого невозможно участие и которое делает возможным свободу, необходимую для участия, ибо неравенство делает свободными одних и отнимает свободу у других.

Участие означает превращение общества в субъект политики, равно как членов общества (при условии их действительного политического участия). Оно означает

индивидуальный и общественный *интерес* к тому, что Платон называл *res publica* (общее или общественное дело, а также политическую грамотность и понимание политики). Таким образом, общество становилось равноценным партнером государственной власти или, иначе говоря, полноправным сочленом политической системы, которую оно же и создает. Поэтому одним из центральных вопросов отношений политики и власти с самой глубокой древности был вопрос: кто правит? Иначе говоря, кто определяет и осуществляет политику? У кого власть? Ответ на этот вопрос связывал новоевропейскую схему Гоббса-Локка общество-государство и в перспективе гражданское общество Гоббса – правовое государство Локка, по самой своей сути уже не с Аристотелевской традицией, а с романо-средневековой.

В этой традиции, складывавшейся, начиная с VI в., уже не было полисных граждан и римского народа (*populus romanus*), произошло разделение субъекта и носителя власти. Субъектом власти и права оставался народ – это была попытка сохранить античную демократию на развалинах Римской империи. Народ (синоним античного общества) оставался сувереном власти и права, как сказали бы ровно через тысячу лет. Поскольку, однако, времена народных собраний, прямой демократии безвозвратно прошли¹², причем не только из-за разрушения римской политической организации, но и по вполне физическим причинам: дробление страны, ее децентрализации, нарушения административных связей и простого общения. По этим же причинам распалось и античное представительное правление. В результате возникла концепция передачи власти и права, а следовательно, и суверенитета правителю. Передача производилась с соблюдением некоторых условий: 1) полностью или частично (с сохранением элементарной демократии); 2) с отзывом правителя или без отзыва; 3) с определением модальности власти, передаче ее

монарху или республиканскому сенату. Так или иначе, передача производилась с общего согласия: *actum subjectionis*, договор граждан, субъектов права — прообраз Гоббсианского пакта, общественного договора.

При всех колебаниях в пользу правителя, идея суверенитета народа и его передачи правителю закрепились на много столетий. В комментариях к Кодексу Юстиниана, Дигестах, один из крупнейших юристов того времени Ульпин подчеркивал, что принадлежащая народу власть делегируется правителю только по мандату суверенного народа, правитель же лишь исполняет ее, получая при этом *титул*. Отсюда возникло понятие титулярности, служения. Одно из значений латинского *titulus* — почет, честь — закрепились в понятии *титул*, который мог стать королевским, княжеским и т.п.

Уголино (XIII в.), Марсилий Падуанский (1278–1342) и Дж.Фортескью (ок. 1391 – ок. 1476) и мн.др. продолжали разрабатывать эту идею. Подчеркивалось обязательство правителя соблюдать законы, которые ему доверяли принимать — общество в той его народной форме защищалось от тирании.

Таким весьма условным образом осуществлялась политическая организация общества в средневековой Европе (и в России примерно так же). Условность эта разрешилась в конце концов двояким образом: реально, как всегда¹³ правило меньшинством. Концентрация власти (один из ее законов) вела к феодальной системе монархического единовластия; в то же время, в южных, а затем и в северных городах Западной Европы развивалась новая, постклассическая форма демократического республиканского самоуправления: в городских коммунах. Параллельно там, где это было возможно, сосуществовали несколько видов отношений политики и того, что можно условно именовать обществом: 1) город — глава государства; 2) город — император (т.е. глава священной римской империи германской нации,

созданной в VIII – IX вв. Карлом Великим); город – вице-конт (конты, т.е. графы номинально управляли провинциями); город – епископ (обладавший значительной светской властью); город – коммунальное, общинное самоуправление (вплоть до XVIII в., когда оно превратилось в муниципальное самоуправление); деревня и деревенская община (там, где она существовала, например в Германии) – местный феодал; вассальный феодал-сюзерен (король, герцог, князь и т.п.). Монократия стала основным средством политической организации. Ее слабость – невозможность действительно-го контроля правителя наряду с ограниченным, хотя и своевластным подчинением ему его подданных – повторялась и внутри системы власти, где отношения феодалных вассалов с правителем-сюзереном определялись их личной преданностью ему (*fidelitas*) и юридически оформлялись клятвами верности, что по нормам того времени значило очень много, но при случае и совсем мало.

В этом одна из причин дублирования светской политической системы церковной политической властью, которая имела реальную возможность создать, не в пример светским феодалам, разветвленную структуру епископальной власти, укрепленной сетью церковных приходов и подкреплять светскую власть – властью духовной: *imperium indirectum in socialibus* (косвенной властью над сообществом). Соперничество двух властей началось лишь тогда, когда окрепла светская власть и то оно разгорелось не ради устранения церкви от власти, а всего лишь из-за стремления светских властителей назначать епископов и отнять это право у церкви¹⁴. Забегая вперед, напомним, что претензии церкви оказывать политическое влияние на общество, формировать его сохранились и в наше время. В ряде мусульманских стран они более чем реальны. В Европе секуляризация политической организации стала всерьез

ощутимой только в Новое время, в XVII–XVIII вв., когда окрепла светская власть, сложился абсолютизм, закончились религиозные войны, сформировалось государство Нового времени и возникавшее гражданское общество, *societas civili's*, более не нуждалось в двойной политической опеке. К тому же и Средние века, и Возрождение, и Новое время дополнили религиозную духовность человека и общества и потеснили ее новыми светскими формами, имеющими непосредственное отношение к политике: новым мировидением, новыми горизонтами знания, гражданским самосознанием, поисками нового, жаждой открытий, совершенствования, новым пониманием человеческого достоинства, чести и права.

Вернемся, однако, в эпоху формирования политической власти и ее отношений с народами многочисленных государств раннего средневековья. Политика и власть, формирующие политическую организацию общества, сами проходили стадию постепенного формирования. Аристотелевские и Платоновские теории государства и политических режимов отошли в прошлое, но понятие режима как характеристики отношений государства и общества сохранилось, хотя и в упрощенной форме. Так как вплоть до XVII в. не существовало термина «государство»¹⁵, оно обозначалось очень конкретно в зависимости от типа правления, режима и отношений власти и собственности — одного из самых устойчивых в истории и значительных в политике. Различались *imperium* — власть и *dominium* — владение. Власть, однако, означала обладание территорией и подданными, владение (*dominium*) означало власть над собственностью — страной и людьми. Поэтому государство именовалось точно: согласие и сотрудничество — *dominium publicum*, *dominium politicum* (*sic!*); господство — *imperium*, *potestas* (держава, могущество), *gubernaculum* (главенство), *dominium despoticum* (деспотическое владение); по имени главы государства — *principalis*,

dominium regnum – (королевское владение), откуда возникли французское наименование domain royal (королевский домен) и более поздние франц. royaume (королевство), немец. Königreich, англ. kingdom; ср. также русское государство от господство, господство и господь – господин. Повсеместно в Европе (и в Западной и в Восточной) формировалась новая государственность и создавались новые политические системы. В сущности, на Западе она воспроизводила античные схемы, но в новых образах и условиях и с новыми перспективами – создания крупных самостоятельных государств и наций. В более отдаленном будущем многие из них воспроизвели и имперские формы принудительной интеграции более слабого окружения: священная римская империя германской нации, основанная Карлом Великим в конце VIII – начале IX вв., испанской и австрийской (Габсбургской) континентальных империй и, наконец, Российской империи. В эпоху постсредневекового, зрелого феодализма имперская экспансия вышла за пределы Европы, как некогда произошло с римским и греческим империализмом, но в несравненно больших масштабах с созданием заокеанских колониальных владений.

Таким образом расширялась политическая организация, которая из племенной превращалась в национальную и транснациональную. Одновременно происходила концентрация и централизация власти. Итогом или, точнее, промежуточным этапом этих процессов стало возникновение государства Нового времени и образование абсолютистских и самодержавных режимов. Тип отношений государства и общества (или предобщественных сообществ) вполне определился. Суверенитет народа отошел в далекое прошлое и из политической практики, и из теории государства. Монархическое господство повсеместно возобладало в Старом свете и на подвластных ему территориях.

Напомнив об этих общеизвестных фактах истории, обратимся к фактам менее известным.

Управление и самоуправление, организация и самоорганизация в предобщественных сообществах

Параллельно процессам формирования макрополитической социальной организации институтами центральной власти в раннефеодальной Европе постепенно формировалась или, что касается романского наследия, воссоздавалась иная коллективность – сообщества разных типов, вторая сторона отношений власть/политика – народ и общество. Относительная слабость государства, которое могло повелевать, карать и просто грабить, но еще не могло управлять, допускала, или лучше сказать стимулировала социальную самоорганизацию. Политика становилась биполярной и силы партнеров до известной степени уравнивались.

Впрочем, эта вторая сторона, как известно, не была единообразной. После того, как воинственные кочевые племена германцев осели на землю и сблизились с романским населением, и стала формироваться структура феодального землевладения, деревня надолго, на многие столетия оказалась не только зависимой, но и замкнутой рамками сельской общины, в которых только и возможна была ее самоорганизация.

Города, более точно – вначале города Северной Италии и Южной Европы и позже – Северной оказались в условиях относительно большей свободы. Город, впрочем, не был единым и воспроизводил феодальные отношения эпохи. Сам процесс феодализации способствовал возникновению городского самоуправления. С воцарением династии Каролингов (768 г.), когда начался процесс передачи во владение и наследо-

вание ранее дарованных вассалами феодалов (капитулярий Карла Лысого 877 г.), началось обезземеливание не получивших наследства и обедневших феодалов, которые стали переселяться в города. Именно они первыми организовались в аристократические военно-феодалные коммуны и получили важную функцию: охранять город от грабителей и даже войск императора. Позже аристократическая коммуна пополнилась знатными и богатыми горожанами. Оборонительные функции господской (патрицианской в итальянских городах) коммуны все более получали prerogative самоуправления. Следующим шагом стало появление коммун молодой буржуазии. Их объединением в XII в. завершился первый этап коммунальной самоорганизации городского сообщества.

Следующий, второй этап ознаменовался в XIII в. объединением привилегированных коммун и образованием городских народных коммун. Город оказался полностью охваченным общинным самоуправлением. Оно с самого начала институционализировалось примерно по одной общей схеме: общий совет, Совет старейшин, глава Совета¹⁶.

Административная самоорганизация города рано обрела все признаки политической системы, а самоорганизация народа привела к многовековой борьбе коммун феодально-буржуазной и народной власти. Власть в городе принадлежала горожанам, хотя и была разделена: установилась *диархия*, которая завершилась взрывом коммунальной структуры, формированием сословного общества, образованием классов и политическим объединением города под главенством руководителя (*dominus'a*) подобия феодального городского правителя. Самоорганизация привела к созданию подобия города—государства. Города стали распространять свою власть на окрестности территории, получили право собирать на них налоги и благодаря развивавшимся меж-

городским экономическим и политическим связям еще более окрепли. В конце концов уже в XVIII в. коммунальное самоуправление уступило место муниципальному, т.е. сочетанию автономного и подчиненного государству (бинарного) местного самоуправления.

Впрочем, решающий удар феодальной децентрализации история нанесла значительно раньше, в начале Нового времени. Он готовился уже в XIII в., но в XVI столетии сказался в полной мере благодаря образованию современных наций и торжеству политической централизации: образованию монархического абсолютизма.

Тем не менее еще не сложившееся самоуправляемое общество Европы встретило абсолютистскую централизацию с прочно укоренившимися традициями демократической децентрализации. Коммунальная городская демократия стала основой и американской, и европейской демократии и ее интернационального распространения. Оно, это общество, оказалось сильным партнером государства¹⁷ и его сильным противником. Но соотношение сил изменялось. На место слабой центральной власти пришло сильное государство Нового времени.

Раннефеодальные политические отношения центральной власти, основанные на личной преданности вассалов сюзерену, отношения верности правителю – *fidelitas* (связанных этими отношениями *fideles*), которые укреплялись узами родства – *familiaritas*, освящались возвышенными чувственными моральными представлениями о долге преданности, его аффективном смысле – *affectio* – ушли в прошлое, вместе с преданностью и верностью, которые закреплялись устными клятвами – важнейшими неформальными документами эпохи.

Кризис политической организации государственной власти вполне обозначился уже в XIII в. Ее реорганизация привела в XVI в. к появлению государства Ново-

го времени и нового типа. Возник центральный и периферийный аппарат государственного управления, чиновники заменили прежних *fideles*, а служение правителю, аффективные связи уступили место служению долгу — *officium*. Канцелярия стала политической силой.

Однако сильное государство в Европе имело дело с достаточно сильным оппонентом. Обе стороны усиливались пока не столкнулись. Власть, стремившаяся определить политическую организацию общества, столкнулась с его стремлением к самоуправлению. Хорошо известно, к какому историческому кризису это соперничество привело: к четырем столетиям гражданских и национально-освободительных войн и революций.

Сложившиеся в конце концов отношения современной политической системы с обществом, отношения управления и самоуправления — это вечный динамический процесс, далекий от совершенства, но еще более далекий от его истоков. Он отличается, естественно, региональными, национальными, историческими особенностями, которые непременно должны отмечаться в конкретных исследованиях, но в нем есть универсальная основа, которая будет теперь рассмотрена.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА. КОНКРЕТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИКИ

Обобщенные определения больших общественных систем естественно конкретизируются при анализе этих систем, и тогда обнаруживаются составляющие их подсистемы и совокупность структур, из которых они складываются. При этом возникает хотя и схематичная, но близкая к действительности картина политической *грамматики* (чем обычно и удовлетворяются авторы системных описаний), которая, однако, может и должна быть дополнена исследованием *синтаксиса* системы. Тогда только возникает представление о динамике системы, ее функционирование, которое представляется как общественный процесс.

Что касается политической системы и политического процесса, то подобное ритуальное объяснение не столь однозначно, как хотелось бы по трем, по крайней мере, причинам. Во-первых, понятие «политическая система» воспринимается как метафора политического строя, государственного строя и политического режима («наша система»).

Политический режим действительно модифицирует системные структуры и, что важнее всего, характеризует отношения политики и общества, моральный облик государства, цели, к которым оно направляет страну и народ, определяет тип политических отношений и самого человека – члена общества, соучастника режима или его жертвы, если режим репрессивен. Не слу-

чайно античные классификации режимов исходили из анализа политических структур власти, функциональных и моральных признаков правителей: республика, тирания, сатрапия, и Платон при оценке режимов прежде всего задавал вопрос, в какой мере они воплощают добродетель.

Политический режим решающим образом определяет судьбы страны и ее межгосударственные отношения, участь человека и состояние общества. Все это хорошо известно, режимы относительно полно исследованы и тем не менее вопрос «при каком режиме мы живем» не сходит с повестки дня на самой современной политической сцене и не только в странах переходного времени, но и во вполне стабильных государствах. Естественно, что ориентация общества и политических сил, которые создают режимы в их происхождении, подлинном характере и перспективах — один из ключевых моментов функционирования политики, общественного сознания и политического знания. На деле же вряд ли можно назвать хоть один режим, который устанавливался бы с полным самоотчетом политического и общественного сознания, при ясном реалистическом понимании, что он собой представляет и каким очередным «поворотом истории» обернется. Не случайно же и в странах со стабильной демократией неизменно возникают загадки ее подлинности и совершенствования. В эпоху же большой исторической ломки, появления множества стран с еще не определившейся государственностью проблема режима становится особенно актуальной, ибо режим нужно выбирать, можно навязывать, за него приходится бороться. Не случайно XX век отличился невиданной доселе пестротой режимов, обилием самых одиозных политических конструкций, породивших гигантские войны, сотни вооруженных конфликтов с числом жертв порядка сотни миллионов человек и вдобавок глубокий идеологический раскол мира. Поэтому «режимный» аспект полити-

ки для нас весьма важен. Существуют теории различных режимов, многочисленные труды на эту тему, которые трудно обозреть и чего здесь сделать мы просто не можем¹⁸.

Во-вторых (мы продолжаем), влияние режимов на политические системы несомненно, хотя нередко оно сводится к созданию каких-либо политических структур и учреждений (например, создания в СССР СТО – Совета труда и обороны, ВЧК, деления или слияния наркоматов и министерств, сложной, многослойной структуры высших государственных учреждений в Китае и т.д.), но системных изменений не производят. Даже радикальная смена режима может не затронуть строе- ния системы (сохранился же, хотя и бездействовал, рейхстаг в гитлеровской Германии).

И в-третьих, как бы ни варьировались политические системы, основная их вариативность определяется вероятностным характером самого политического процесса. Анализ этой вариативности и обнаруживает, как в действительности выглядит система, каков ее синтаксис, как она работает.

Таким образом, нам остается в данный момент ограничиться нормативной грамматикой режимов и систем, которая не будет сильно изменяться в зависимости от политического диалекта, на котором будет разговаривать общество.

Номинальная характеристика политических режимов

Типология политических режимов известна, как и история ее исследований. Мы не будем на ней останавливаться, ограничимся их общими и универсальными характеристиками и начнем с проблемы числа, которая так интересовала древних. Суть ее в том, что движение

политических чисел (от 1 до ∞) функционально. В этом ряду простых чисел и располагаются все режимы, если мы зададим вопрос: «кто правит?», или, точнее, «сколько лиц правят?». Тогда в этом ряду мы найдем монархии, диктатуры всех типов (единичные и коллективные, классовые), олигархии, партии, «правлящие силы», большинство и меньшинство и т.п. Качественные характеристики режимов связаны с этой арифметикой, но, естественно, наполнены общественным содержанием. Оно определяет 1) социальный строй и классовый состав общества; 2) правящие в стране силы (политический класс или политическую общину), явные или скрытые – партии, группировки, влиятельные круги и т.п.; 3) тип политической организации общества, его политическую систему и институциональную структуру; 4) отношения политики и права – правовой или не правовой характер государства; 5) отношения государства и общества, возможности (или невозможности) равнозначных партнерских отношений между ними; 6) наличия или отсутствия сложившегося гражданского общества; 7) открытый или закрытый характер общества во всех формах внутреннего и внешнего общения; 8) степени развития ассоциативной жизни общества (партий, союзов, обществ, свободы групповой самоорганизации, публичного волеизъявления и т.д.); 9) положение человека в обществе, его правовую ситуацию и общее развитие правосознания; 10) состояние законности в государстве; 11) характер национальных отношений в стране; 12) национальной политики государства; 13) уровень централизации и децентрализации власти, соотношения управления и самоуправления в стране; 14) характер политических и идеологических ценностей, преобладающих в обществе и наличие либо отсутствие официальной идеологии; 15) международное положение страны, ее отношения с внешним окружением, международными организациями и т.д.; 16) иде-

ологии режима; 17) культуру общества, в котором режим возник и которая складывается в обществе под его влиянием, включая отношение к человеку, взаимоотношения большинства и меньшинства, методы разрешения конфликтов, политическую культуру и т.п.; 18) моральность режима и общества, степень развития индивидуального и коллективного самосознания; 19) характер принуждения (согласительного, договорного или репрессивного).

Вполне вероятно, что этой схемой не ограничивается общая характеристика режимов. Существует обширная литература, как уже отмечалось выше, в которой разрабатывается теория отдельных режимов, в которой рассматриваются их специфические особенности. Возможно, будет разработана и более полная, чем ныне, общая теория политических режимов. Во всяком случае, не требуется, как видно, доказывать какую историческую роль в жизни стран, целых континентов и всего мира играет режимная модальность политики и общий процесс ее эволюции: конкуренции монархических и демократических режимов, дублированной тираническими и гуманистическими вариантами их обоих – деспотическими монархиями (античного, восточного, феодального, абсолютистского, самодержавного и прочего всевластия) и республиками (тоталитарная Женевская республика Кальвина, фашистские и нацистские республики Италии и Германии и др. стран) и либеральными, в те же и другие времена монархиями и республиками.

Во всем этом процессе отношения политики и общества складываются не столь асимметрично, как можно себе представить: режим навязывается обществу. Да, очень часто он навязывается узурпацией, захватом власти, обликом правителей, их идеями, целями и способностями. Но и само общество нередко не только располагает к введению нового режима либо своей пассивностью, либо прямой поддержкой его создателям.

В экстремальных ситуациях оно способно активизироваться, поддержать или начать революционную или деволюционную смену режима – революционную или контрреволюционную. Иными словами, общество может быть и обычно бывает страдающей стороной в режимной связи: политика, государство, власть – народ, общество, но виною в этом бывает оно само. Правда, если говорить об исторической вине и жертвах режима (когда они появляются), то ответственность обычно возлагается на правящее меньшинство, а жертвы отводятся за счет безответственности управляемого большинства, т.е. народа. Следует при этом учитывать и международную ответственность режимов, особенно, если они задаются целью бороться с геополитическим окружением и цели своей политики видят за пределами своей страны.

История в конце концов как будто цивилизовала республиканские и демократические режимы и обуздала деспотические. Появился исторический шанс интернационализации современной демократии, которая снимает проблемы репрессивных режимов, хотя и не снимает проблем самой по себе репрессии. Речь идет о международном порядке.

Каким бы ни был политический режим страны, он существует в ткани реальной, практически универсальной политической системы современного мирового сообщества, которую он, как уже отмечалось, лишь частично модифицирует. Рассмотрим такую систему.

Нормативная политическая система современного общества западного типа

Эта популярная и вечно актуальная тема могла бы не присутствовать в этой книге, ибо литература о системах существует, но она либо описывает зарубежные

системы и мало доступна¹⁹, либо устарела, хотя отечественные авторы еще недавно очень любили писать о советской политической системе.

Изложим поэтому нашу версию политической системы применительно к демократическому обществу.

Политическая система общества — целостная, упорядоченная совокупность политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества, подчиненных кодексу политических, социальных, юридических, идеологических, культурных норм, историческим традициям и установкам политического режима конкретного общества. Политическая система включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, включающих институционализацию власти, состояние политической деятельности, уровень политического творчества в обществе, характер политического участия, неинституциональных политических отношений.

Политическая система представляет собой одну из частей или подсистем совокупной общественной системы. Она взаимодействует с другими ее подсистемами: социальной, экономической, идеологической, этической, правовой, культурной, образующих ее общественное окружение, ее общественные ресурсы, наряду с ее природным окружением и природными ресурсами (демографическими, пространственно-территориальными), а также внешнеполитическим окружением. Политическая система конкретного общества определяется его классовой природой, социальным строем, формой правления типом государства (монархия, республика), характером политического режима (деспотического, тоталитарного, демократического и др.), социально-политических отношений (стабильных или нет, умеренно или остро конфликтных либо консенсусных и т.п.),

политико-правового статуса государства (конституционального, с развитыми или неразвитыми правовыми структурами), характера политико-идеологических и культурных отношений в обществе (сравнительно открытых либо закрытых, с параллельными, теневыми, маргинальными структурами или без них), историческим типом государственности (централистским, с иерархическими бюрократическими структурами и т.п.), исторической и национальной традицией уклада политической жизни (политически активным либо пассивным населением, с кровнородственными связями или без них, с развитыми или неразвитыми гражданскими отношениями и т.д.). Историческая и общественная детерминация политической системы сочетается с ответным организационным и регулятивно-контрольным воздействием политической системы на общество. Симметрия, непротиворечивый характер такого сочетания определяют стабильность политической системы и ее эффективность, как и эффективность общественной системы в целом и порядок в обществе. Для этого политическая система, направляющая общество, не должна доминировать в нем за счет подавления и ослабления других систем (деспотический и тоталитарный тип политической системы) и быть достаточно жизнеспособной, чтобы не входить в длительные кризисные состояния, которые также нарушают функционирование неполитических систем общества.

Политическая система существует в *политическом пространстве* общества, которое имеет территориальное измерение (очерченное границами страны и ее регионов) и функциональное, определяемое сферой действия политической системы и ее составных частей в различных общественных системах и процессах, на разных уровнях политической организации общества. В этом смысле будут различаться пространства влияния тех или иных ассоциаций (партий, общественных организаций), дей-

ствия политических институтов (власти политического центра и местного самоуправления), границ политического и экономического управления, сферы политической жизни общества и личной жизни человека и т.д. Определение границ различного рода функциональных пространств политической системы – ответственный и сложный политико-правовой и культурный процесс. Он формализуется, юридически фиксируется (в конституции, законе) в более развитых обществах, эта фиксация составляет одну из задач демократического процесса, определяющего прерогативы власти, партий, органов управления и др. элементов политической системы, а также отношения между ними, включая такие существенные взаимодействия, как согласование управления и самоуправления, пространства централизованной концентрированной власти и децентрализованной и т.д.

Существование политической системы во *времени* характеризует ее как процесс изменения, развития или деградации политических отношений институтов. Он включает исторический масштаб смены форм власти, становления государства какого-либо нового типа, например политической системы феодального общества (с отношениями личной зависимости, деспотическим абсолютизмом, централизованной бюрократией монархического центра) к политической системе буржуазного общества (с обезличенной системой аппаратов управления, демократическими институтами и т.д.). Исторический процесс эволюции политической системы включает ряд закономерностей: тенденций концентрации и деконцентрации власти, ее централизации и децентрализации; борьбу этих тенденций, которая завершается на рубеже эпох и при смене формаций кризисом централизма, децентрализацией власти и новым циклом противоречий этих двух начал (при переходе от античных империй к раннефеодальной раздробленнос-

ти, от феодальных монархий к буржуазному государству, от империализма конца XIX – первой половины XX вв. К процессу демократизации); а также общим процессом усложнения системы и ее подсистем (появлением и умножением партий, развитием ассоциаций и т.п.); формализацией системы, ее юридическим оформлением; расширению политического участия, т.е. более полным включением членов общества в политическую жизнь, в частности формированием демократических институтов всеобщих и прямых выборов, самоуправления и пр.; более полным сочетанием гражданских и политических отношений; реорганизацией отношений власти и народа (перехода от командно-приказных деспотических и конфликтных отношений сверху вниз к договорным конституционным и консенсусным); развитием конституционного процесса и системы суверенитетов (власти, народа, права, государственно-территориальных образований и пр.); формированием политической системы массовых процессов (крупных политических мобилизаций в поддержку общественных преобразований или против них, в периоды выборов и т.д.; разрастание аппаратов управления, органов принуждения, армии, пропагандистских, образовательных воспитательных учреждений, осуществляющих политическую социализацию и пр.); развитием ассоциативных форм политической жизни – формирование различных групп единомышленников, союзов, народных движений, «фронтов» и т.п.

Конкретные пути эволюции политических систем различны в разные эпохи и в разных обществах. Однако принцип ее пространственно-временных изменений постоянен. Такими же инвариантными являются *принципы ее организации*, или *принципы политической организации общества*. Политическая система в каждый данный момент или период ее истории предстает как конкретная политическая ситуация, относительно протяженная во времени и стабильная. От состояния общественных

отношений, уровня развития общества зависит, будет ли эта ситуация статичной или подвижной, а следовательно, будет ли динамичной и сама политическая система или нет. Динамизм политической системы — отличен от нестабильности, он определяет способность системы развиваться, адаптироваться к изменениям в обществе и в его внешнем окружении, в сменных организационных системах и реагировать на эти изменения. Жесткие статичные системы неизбежно вынуждены противодействовать развитию общества, вступать с ним в конфликт, прибегать к насилию и выживать в конечном счете за счет общества. В древности в отдельных регионах подобные стабильные системы деспотического азиатского типа, связанные с так называемым азиатским способом производства), существовали неограниченно долго и разрушались главным образом в результате нашествий извне и гибели государства. В новое время срок жизни таких систем, как правило, очень ограничен и завершается общественными и политическими кризисами, революциями или глубокими реформами. Ускорение исторического процесса и глубокие преобразования материальной и духовной жизни современного человечества привели к образованию нового, динамического типа политической организации общества с более свободными отношениями между частями и элементами политической системы, между государством и обществом, с развитым социальным контролем политической жизни и регулярно действующими правовыми, политическими и культурными механизмами общественных преобразований. Динамическая стабилизация таких систем обеспечивает им большую жизнеспособность и долговечность. Подобные системы формируются в рамках более общего *демократического процесса* и конкретной демократизации политики.

Политическая система представляет собой, далее, процесс *политических отношений и политической деятельности* и их институционализации, т.к. неинститу-

циональные формы политической жизни (группы по интересам, инициативные движения, самоуправление разных видов и т.п.) в процессе их самоорганизации неизбежно выделяют управляющие центры, лидеров, их окружение, формируют правила поведения, отношения с окружением и пр. институциональные органы. Процесс институционализации включает формирование и поддержание центров власти, политическая система обеспечивает их связь с функциональной политической периферией.

Политическая организация общества включает распределение элементов политической системы, определение их функций и отношений с обществом. Политическая система образует т.н. *политическое общество* (или политический класс в терминологии Г.Моска), т.е. совокупность людей, общественных групп, наделенных политическими функциями, образующие политические учреждения, аппараты управления, органы власти, партии и т.п. В прошлом (в концепциях власти и общества XVII – XVIII вв. и позже), а иногда и теперь политическое общество отождествляется с государством, что неточно, т.к. государство шире политики, оно охватывает всю организацию общества, и экономическую, и правовую, и культурную, все формы власти и пр. Его нередко противопоставляют *гражданскому обществу*, что имеет смысл, если понимать последнее просто как весь тот состав общества (люди, общественные группы, свободные ассоциации) и все функции, которые не являются непосредственно политическими. Однако в обществе практически нет структур, включая и отдельного человека, которые были бы изолированы от политики, все они связаны с ней хотя бы в форме повиновения, пассивного взаимодействия, ответных реакций и т.п. К тому же смысл гражданского общества состоит в особых гражданских качествах его членов, образующих его классы и группы, и потому такое общество включает и

граждан, образующих политическое общество и формирующих его политическую систему, ибо и они – равноценные граждане того же гражданского общества, включены в гражданские, а не только политические отношения.

Политическая система *структурна*, т.е. включает части или подсистемы разной сложности, их элементы и отношения между ними. Политическая система складывается из подсистем трех уровней власти и политических отношений: двух институциональных высшего или верхнего (макроуровень), среднего или промежуточного (мезоуровень) и неинституционального – нижнего, массового (микроуровень). В свою очередь они делятся на параллельные, обычно конкурирующие структуры (на тех же уровнях): легальные и нелегальные или теневые. Внутри этих структур политической системы происходит деление на субъектов политических отношений (руководителей, правящих) и носителей власти, исполнителей, рядовых членов массовых ассоциаций, их социальной базы.

Таким образом, на институциональном макросистемном уровне политическая система включает центральный аппарат государственной власти (разделенной в демократическом общества и в правовом государстве на законодательную, исполнительную и судебную). В него обычно входит высшая арбитражная инстанция, согласующая и контролирующая институты. Ее вид зависит от типа общества и правления: прерогатив власти главы правительства (т.е. приоритета исполнительной власти), президента (вплоть до т.н. президентской формы правления, допускающей временное или длительное совмещение функций, разделенных властей), монарха, парламента (если он наделен прерогативами контроля президентской и исполнительной власти), правящей партии, Верховного или Конституционного суда (при приоритете права и закона). Особую арбитражную роль играет

общественный контроль государственной власти. Он организуется на разных уровнях (макро- и мезо-) и многими средствами: массовой информации (которую сейчас нередко считают четвертой, информационной властью), ассоциациями (партиями, профсоюзами, массовыми организациями — экологическими, антивоенными или военными, промышленными, культурными и пр.), массовыми движениями (забастовочными и др.), народными обществами (ветеранскими, молодежными, женскими, творческими организациями и т.п.). Непосредственно в макросистему входят разные фонды политической оппозиции (парламентской, партийной).

На том же уровне располагаются теневые, скрытые политические структуры и функции макровласти: скрытые действия легальных учреждений высших рангов (государственных, партийных и пр.): секретные документы, распоряжения, приказы и т.п. акты (государственные и пр. «секреты и тайны»); скрытый смысл открытых политических действий (интрига, игра), политических текстов (докладов, речей, беседы и т.п.); негласные функции и неявная роль различных официальных лидеров и центральных органов власти и управления, руководства учреждениями, партиями, армией, промышленностью и др.; официальные и легально существующие учреждения с секретными функциями (органы безопасности) и полностью законспирированные учреждения (разведки или контрразведки и т.п.). Другой ряд легально существующих, во всяком случае неконспиративных сообществ, примыкающих к макроуровню политической системы или неофициально и неформально входящих в него, образуют различного рода элиты и элитарные содружества (клубы, парламентские фракции, товарищеские группы и т.п.), группы давления разного рода (парламентские «лобби», близкое окружение государственной администрации, «мозговые центры» при руководителях государств и партий и т.п.).

Аналогична по своему строению средняя (мезо-) структура политической системы. Она образована аппаратами управления, органами выборной и назначаемой власти, которые непосредственно слиты со структурами макроуровня, но составляют его периферию. Они расположены в политическом пространстве между внешними эталонами государственной власти и обществом, которые они связывают с государством. Это т.н. «аппараты» и «органы», региональная и муниципальная администрация, Советы разных рангов, иерархия партийных, профсоюзных и др. ассоциативных структур (обществ, союзов), крупные предприятия, лидеры экономики, органы правосудия и охраны порядка, другие учреждения, через которые осуществляется политическая социализация (школа, театр, армия и т.д.).

Структуры среднего уровня служат связующим звеном между макроструктурами политической системы и обществом, организуют их отношения, передают импульсы государственных центров власти обществу и его ответные реакции – инициаторам политики. В организации и осуществлении политического процесса мезоуровень политической системы играет ключевую роль. На этом уровне формируются наиболее влиятельные бюрократические аппараты управления и самые массовые параллельные (теневые) структуры. К скрытым функциям легальных государственных, партийных, административных учреждений на этом уровне при определенных условиях (экономические трудности, неразвитые граждански отношения, идеологические и политические конфликты, материальные и моральные кризисы и т.п.) добавляются особенно развитые конфликты аппаратов и их лидеров, групповщина, земляческие и кровнородственные связи, противоправная активность и коррупция официальных лиц и властей. На этом же уровне формируются нелегальные (теневые) структуры неполитического характера (параллель-

ная экономика, «черный» рынок, организации преступного мира, мафии и мафиозные корпорации разного рода), которые имеют тенденцию смыкаться с легальными структурами и могут оказывать на них серьезное влияние, вплоть до скрытого участия в политической жизни отдельных регионов.

Микроуровень политической системы образуется массовым участием общественных групп, классов и слоев, граждан общества в политической жизни: членством в массовых политических или неполитических, но влиятельных организациях, участием в массовых политических акциях поддержки власти или протеста, в социальном контроле политики, в ответственных процессах ее демократической организации (выборах, референдумах и т.д.). На микроуровне формируются политические народные движения, зарождаются политические группировки и партии, формируется общественное мнение, складывается политическая культура общества – важная составная часть и характеристика политической системы. Пространство микроструктур отнюдь не ограничивается неким «нижним», массовым уровнем. В нем расположено все в принципе общество и все его граждане, с их политическими взглядами, с общими формами участия в совместной политической жизни, хотя политические роли организационно и функционально их разделяют по разным уровням общей системы.

Политическая система сформирована по принципу пирамидально построенной иерархии, с массовой социальной базой в основе, вершиной государственной власти в высшем ее эшелоне. Таким же образом построены и ее подсистемы, имеющие вертикальные структуры (от массовой базы – к руководящим учреждениям): партии, крупные общественные организации, союзы и пр. На каждом из уровней, на которые разделена политическая система, образуются специфические структуры и отношения между ними. Исследование

столь сложно организованной системы составляет одну из центральных задач политической науки и определяется несколькими руководящими принципами.

1. Для построения полной и современной теории политической системы: исследуются не только ее институциональные элементы (подсистемы) и отношения, но и неинституциональные, не только официальные (легальные), но и скрытые элементы и функции, которые также входят в политическую систему, глубоко интегрированы ею и в совокупности с другими определяют ее облик. Учитываются все характеристики, которые формируют отношение общества к его политическому устройству («наша система»).

2. Определяются основные членения политической системы на вертикальные структуры институтов, горизонтальные членения уровней власти и компетенции, затем определяются внутренние деления на легальные и нелегальные структуры и функции, а также отношения между субъектами власти и политических отношений и их носителями.

3. Обозначаются границы, отделяющие систему от ее окружения, тем самым уточняется представление о самой системе, ее пространстве, о ее окружении и о разделяющей их границе, т.е. о социальных, идеологических, культурных, экономических, правовых явлениях и процессах и о том рубеже, за которым они становятся политическими, т.е. совокупность явлений, потенциально значимых для организации и жизни политической системы. Граница же – это порог, который такие явления переходят, чтобы стать политически значимым и, следовательно, требуется определение политического пространства и времени вступления извне в жизнь системы поступающих в нее новых явлений: когда, где, как, а также почему оно происходит. Например, экономическая и социальная дестабилизация – движение протеста – образование «народного фронта» –

формирование политической партии – выборы – приход партии в руководящие политические органы страны (регионы, города).

4. Центральный аспект исследования – определение иерархии частей (подсистем) и элементов системы и отношений между ними, основных членений системы, а также отношений между субъектами и объектами (носителями и исполнителями) этих отношений. Имеется в виду передача власти и политических импульсов в системе от одного (активного) субъекта другому (пассивному), их носителю, исполнителю, который в свою очередь передает волевые импульсы (приказы, распоряжения, идеи и т.п.) следующему и т.д. (например, от премьера кабинета – к министру – далее к руководителю ведомства и т.д. вплоть до непосредственных исполнителей).

5. Когда определены части, элементы системы, выясняются их функциональные связи, т.е. устанавливается, что данный процесс (или явление) есть функция другого процесса (явления). Знание функциональных зависимостей между частями системы позволяет построить ее синтаксис – правила, модель, по которой эти части складываются в систему (например, последовательность: закон об ассоциациях – образование групп по интересам, но не политическим – ветеранов, инвалидов, пилотов и т.п. – их взаимное определение с политическими движениями и партиями – их вступление в политическую жизнь).

6. Теория политической системы – это не только структурная схема, но и содержательный анализ отношений в ней от политических до социально-психологических, поведенческих и культурных. В ней анализируется принцип политической организации общества, договорный или конфликтный, рассматриваются отношения большинства и меньшинства и способы их защиты от взаимной тирании.

7. Описание статичного состояния системы не дает представления о ее подлинной природе. Исследование ее динамики касается модуса, направления и интенсивности изменения ее специфических признаков, а также соответствующих тенденций (что сообщает исследованию прогностическую ориентацию): таких, например, как расширение или сужение системы (появление новых органов власти, смена их функций, возникновение новых политических сил и т.п.), изменение правил ее отношений с окружением (например, национальным), границ между системой и ее социальной средой (материальными условиями существования партий, например), форм, в которых проявляются эти правила (модальность институционализации системы: ее бюрократизация или дебюрократизация), культуры (политической в частности). Предметом исследования системной динамики является также вопрос о многообразии политической системы ее гибкости и способности изменяться, а следовательно, о ее жизнеспособности, адекватности политической системе общественному процессу, и следовательно, ее способности формировать сплоченное общество, реальное единство интересов и целей государства и народа либо порождать конфликт между ними.

Жизнь политической системы протекает как постоянная смена равновесных состояний и кризисов разного рода — от частных кризисов отдельных подсистем и структур (правительственных, партийных, парламентских и мн.др.) до общих кризисов системы, которые обычно связаны с кризисом ее социального окружения и выливаются в совокупность политического, экономического, экологического (сырьевого, ресурсного), национального, правового и др. кризисов, которые сопровождаются обострением социальных противоречий и классовой политической, идейной борьбы, борьбой за гражданские права и др. конфликтами. *Функциональный* кризис системы, или *кризис перегрузки*, когда она вынуждена решать задачи, которые она решить не может. При этом кризис может быть процедурным, кото-

рый разрешается частичной или полной перестройкой системы (сменой руководства, структур власти, правящих сил, лидеров, политического курса и т.п. перестройками). Такой кризис связан с *агонистическими* конфликтами в обществе (т.е. способными завершаться согласием), которые порождают новые формы существующего общественного строя и сохраняют его политическую систему. Более глубокие кризисы, т.н. *кризисы развития*, антагонистические, непримиримые связаны со сменой политической системы и типа общества, или его существенных характеристик (форм собственности, экономических отношений и т.п.) и могут сопровождаться более или менее серьезными революционными преобразованиями. Исследование политической системы призвано определить тип кризиса и его исход.

В политическую систему, органически связанную с установленным в обществе режимом, с его идеологией, культурой, моралью с полным правом можно включить состояния общественного сознания — его способность и, главное, склонность к объективной критической самооценке, подвижность и активность, адаптивные возможности, реалистическую, рациональную или мифотворческую ментальность.

Исследование политической системы было бы не полным, если бы мы не затронули еще одну традиционную, но неизменно злободневную тему: отношений центрального института системы — государства и общества. Эту обширную тему мы сведем до нескольких основных положений.

Государство и общество. Отношения политического и социального

Вспомним, что в античной полисной традиции политическое совпадало с социальным, со всем, что относится к полису-государству, включая все виды социальных отношений. Так существовало то, о чем писал и

о чем мечтал через две тысячи лет Т.Гоббс — «политическое общество». Человек (свободный член полиса) органично входил в это единство социального и политического.

В последующие постклассические эпохи редуktивное понимание политики как деятельности, борьбы, конфликта отвергают тождество политического и социального, не оставляют ему места.

Такая редукция имеет исторические основания. Христианство разделило политическую и мирскую жизнь, противопоставило духовную власть — светской, мирской, что не было присуще древнему миру (превращенной формой утраченного единства власти стала претензия церкви на светскую политическую власть). Последовавшая после длительной распри государства с церковью секуляризация политики не вернула ее и государство обществу. Демонстративным в этом смысле и стал жест Макиавелли, попытавшегося освободить политику не только от морали, но и от религии, поставив государство (которое, следуя античной традиции, отождествлялось с политикой вплоть до начала XX в.) и государя еще дальше от общества. Апология королевского суверенитета²⁰ — идеологии абсолютизма продолжила отделение государства от общества. В Новое время развитие буржуазной рыночной экономики отделило государство и от нарождавшегося гражданского общества, которое по своему происхождению было городским и буржуазным, т.е. имело два основания для оппозиции феодальному центру: традиционную тягу города к независимости и сословную оппозицию аристократии. Это разобщение отняло у политики экономические отношения, если не вообще экономикy. Одновременно были заложены основы разделения самого общества на две сферы — частную, сферу индивида, его частной жизни и публичную или сферу гражданина, в которой впоследствии развивалась ассоциативная жизнь

гражданского общества, сферу партий, союзов, объединений — сферу коллективности. Древним такое деление не было известно, как мы знаем.

Переход от единообразного (естественно-природного) общества к социально многообразному, гражданскому (по мере его достаточно медленного формирования) обнаружил в нем много разных начал и их сочетаний, возникших еще в ранних статусных, общинных и сословных сообществах: многих обществ — аристократического, буржуазного, гражданского, политического (общества или общины политических профессионалов и чиновников) и прочих и ряда пространств — естественных (в том числе экономических) отношений, пространство политики, пространство, отведенное для воспитания (соответствовавших трем ипостасям Гоббса — свободе, власти и религии). В результате политическая консолидация гражданского общества заставляла себя ждать, медленно формировавшееся, оно становилось политическим, вступая в активное политическое участие в результате многовековой, хорошо всем известной борьбы. До того же политическим становится, вернее, остается государство. Ему, как и обществу, предстояло пройти долгий путь вплоть до середины XX века. Путь этот теоретизирован в знаменитой гегелевской апологии, которую мы обобщили здесь в виде своеобразной «сумы апологии».

Апология государства начинается у Гегеля с традиционного восхождения к надчеловеческим легитимациям — сущности исторической жизни, к природе (государство как предварительное условие природы), к божественной идее (государство — ее воплощение), к сфере «объективного духа», к которой относится государство и трансцендирует вместе с нею (восходит) в царство «объективной идеи». В результате государство доминирует в «пространстве финальности», т.е. в сфере целей, средств и в общественном окружении — в сфере выбора, случай-

ностей (мы бы сказали — неопределенности. — Авт.) и ошибок изменяющегося мира. Разумеется, такое государство — совершенная и высшая реальность, оно доминирует над индивидом, является его воплощением и, следовательно, обладает «истиной власти» и «объективной моральностью», а потому ему чужда «субъективная моральность» индивида, оно не несет и никакого гуманизма. Государство — это агрегат, регулирующий индивидуальные воли²¹.

Отпадает тем самым естественно-правовая концепция государства как результата общественного договора и вместе с нею многовековая (хотя и мифологизированная традиция демократического народного представительства и передачи власти народом — правителю, о которой шла речь выше. Этатизм Гегеля означал очевидный разрыв с концепцией договорных отношений государства и общества. Гегель оказывается, таким образом, автором не только апологии современного ему абсолютизма, но и предтечей современной практики тоталитаризма со всей его хорошо известной спецификой.

Попытки подчинить договорным отношениям политическую организацию общества, возобновленные просветителями уже в XVIII веке, перешли в конституционную практику, перенятую у Европы Америкой. Инициаторы европейского конституционализма, В.Гумбольдт и его последователи²², открыли ту эпоху юридического обоснования демократических отношений, потенциал которой не исчерпан и по сей день.

Между тем идея договорных отношений породила еще один тип государственного абсолютизма: так называемое «юридическое государство». Оно признается источником права и закона, а следовательно, и политической организации общества и самого государства. Этот юридизм не преодолен и по сей день. О нем еще пойдет речь позднее. Отметим как факт лишь эту попытку обосновать примат государства над обществом.

Таким образом, после утраты античного единства остается вопрос, представляет ли общество и человек, член общества, государство или, иначе говоря, государство, сформированное обществом, остается в нем в качестве элемента его (общества) политической системы, т.е. государство функционально, это орган общества, осуществляющий необходимую обществу политику и власть. Отношения государства и общества – это единство, исключающее даже самые лояльные партнерские отношения. Эту почти античную модель отношений государства и общества воспроизводит теоретическая модель социализма («общенародное государство»). Закон и право создаются совместно обществом и государством. Реально же к ней приближается общество интегральной, пока, вероятно полностью неосуществленной демократии, когда каждый гражданин может сказать: «государство – это я».

Другой, все еще более распространенный вариант центральных политических отношений – это знакомая схема: государство – это власть в стране и в обществе, общество и человек – вне государства, они разобщены, и далеко не просто решить, государство ли существует для общества, которое его создает, или общество – для государства. Это отнюдь не фантастический, а реальный монархический абсолютистский вариант, зафиксированный в теории раннего авторитаризма (начало XIX в.), Л. де Бональда, Ж. де Местра, Р. Де ла Тур дю Пена и др.: народ существует для власти.

Более реальные модели отношений в наше время строятся по нескольким схемам:

а) государство и общество разделены, но равнозначны по уровню развития и политическим силам. Между ними устанавливаются договорные партнерские отношения (модель развитых демократических стран);

б) государство и общество разделены, хотя и связаны формально конституционными отношениями, но государство сильнее общества. Их отношения складываются в режиме господства и подавления (авторитарная и тоталитарная модели);

в) государство слабее общества (ситуация общего кризиса и кризиса власти, эпохи упадка). Неповиновение и социальная дезорганизация ослабляют и общество (период пресловутого «застоя» в СССР 70-х гг., завершившийся общим кризисом);

г) слабое государство пытается усилиться реформами и структурными перестройками, не опираясь на общество, которое либо не вовлечено в реконструктивный процесс, либо же не в состоянии в нем участвовать (первая фаза постсоветского периода);

д) в той же ситуации государство пытается усилиться за счет политического ослабления общества (снижения обратных связей, социального контроля, закрытости политики и т.п.) и сталкивается с трудностями (следующая фаза того же периода). Ситуация не разрешается, даже если государство становится сильнее общества; она переходит в другую критическую фазу неравновесного положения власти и общества. Единственный путь реального усиления власти, пройденный развитыми демократиями – усиление государства благодаря усилению общества.

ГЛАВА III. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ПОЛИТИКИ

Обзор отношений государства и общества переводит нас от анализа политической статики к проблемам политической динамики, чтобы рассмотреть функционирование политической системы в обществе. Но прежде обратимся к проблемам пространства и времени, в которых они формируются, живут и развиваются.

Как известно, пространство и время имманентно связаны, образуя пресловутый пространственно-временной континуум. Непрерывное подвижное единство этих двух природных сущностей образует основу объективирования политики и существования общества, объединяет политическое, социальное и естественное.

К общей теории функциональных пространств и функционального времени

Не приходится настаивать на том очевидном факте, что политика, политические системы и режимы объективируются и функционируют в пространстве и времени, как, впрочем, и само общество, и это не бесстрастное и лишенное содержания бесконечное время и такое же обезличенное безграничное пространство. Время и пространство политики, следовательно, функциональны, они наполнены содержанием, человеческим и общественным смыслом. В этом их радикальное

отличие от времени и пространства природы. В то же время одна из функций специфического политического времени и пространства состоит в связи этих общественных пространственно-временных начал с природными. Однако нам важно установить не только их связь, но различия между ними. Поэтому, несмотря на обширную литературу о времени и интерес к пространственным проблемам в политике и в других областях знания (в частности, в экологии), нам придется остановиться на сопоставлении функциональных и природных аспектах проблемы.

Функциональные пространство и время связаны друг с другом в некое единое начало, как и в природе, но их различия позволяют рассматривать их отдельно прежде, чем объединить их анализ. Отметим некоторые из них.

Время	Пространство
Борьба за время – с самим собой. Собственное время за счет чужого времени высвобождается, но не возрастает. Оно ограничено астрономическим временем.	Можно захватывать, приобретать. Присвоение за счет окружения увеличивает пространство до возможных пределов.

«Производить» время, даже функциональное, нельзя, но его можно применять, использовать, распределять, присваивать, накапливать и расходовать, запасать и приобретать. Все эти операции неуловимо вынуждают переходить от хронологического времени к функциональному, не разрывая их, впрочем.

То же и с пространством, но его можно и производить – расширять, приобретать, захватывать. Различна природа объективности времени и пространства. Поэтому борьба человека и общества за время может идти с ним самим, за использование времени. Чужое время

может эксплуатироваться, аккумулироваться из различных индивидуальных форм (при кооперации труда), но собственное время индивида таким путем не возрастает.

Пространство же может присваиваться в борьбе за него и расширяться за счет пространственного окружения.

Возможно повышать, изменять функциональность времени и пространства.

История цивилизации включила эволюцию и развитие концепции времени до различных философских представлений о его объективных и субъективных трактовках и, наконец, о функциональном времени как о времени свершения и развития. Открылась, таким образом, возможность разработать основы общей теории функционального времени. Суть этой эволюции – возникновение «сознания времени», его объективности и субъективного восприятия.

Как и время, пространство объективно по отношению к человеку и обществу, но по многим характеристикам радикально отличается от времени. Оно не бесконечно, так как беспредельное космическое пространство (как и время) – не доступно *социальному* существованию человека, даже если он может в нем перемещаться. Речь, таким образом, может идти об историческом и еще уже – социальном пространстве. В отличие от времени оно неподвижно и относительно постоянно, оно не изменяется само по себе, не движется, а для конкретного общества очерчено сравнительно четко. Границы и протяженность такого пространства определяются его социальным содержанием, его функциональными свойствами в большей мере, чем объективностью природы, хотя и очерчиваются границами его объективно данным природным измерением (Англия расположена на Британских островах).

Обратимся же теперь к проблемам политического пространства.

Геометрия трехмерного публичного пространства и демократического политического пространства

Напомним, что политика и власть (политическая система общества) – самоорганизующаяся система. Тот факт, что эту систему создают люди и она образуется из социальных отношений, т.е. отношений между людьми в разных ролях, функциях, общественных позициях, не изменяет такой характер политической системы. Она представляет собой общественно необходимое явление. Кто бы ни формировал ее, какими бы средствами и методами, само ее создание и функционирование – *объективны*. Это означает, что такая система относительно самостоятельна и обладает собственными законами развития.

Таким внутренним, имманентным законом политической системы является ее постоянное воссоздание, поддержание и функционирование посредством постоянного взаимодействия политики и власти в качестве их взаимных причин и следствий: политика порождает власть, власть – политику. Иначе говоря, процесс этот возникает и поддерживается круговой причинно-следственной зависимостью двух фундаментальных общественных сущностей – политики и власти.

Таким образом возникает не полно, относительно независимая, обусловленная общественной потребностью, необходимостью и средой, но замкнутая система со своими механизмами функционирования.

Таким механизмом, формирующим систему, оказываются соотношения количества и качества участников политического процесса, арифметики и геометрии политического пространства.

Исходная проблема этого отношения – как может *число* (арифметическое начало) принимать геометрические очертания (геометрическое начало), т.е. вопрос о качественном значении количественных характеристик политики.

В математике решение этой проблемы состоит в переходе от абстрактного, идеального к конкретному, материальному: числа представляются материальными точками, из которых состоят линии и сочетания линий, плоские, а затем (в процессе еще большей материализации) – объемные фигуры (переход от планиметрии – к стереометрии). Отсюда, кстати, происходит и символика чисел и их содержательный смысл – октава в музыке, числа три, семь и т.п., «средние числа» как снятие противоположностей и противоречий («умеренность»), усреднение противоречий, согласительная процедура.

Как сочетаются числа и фигуры в политическом пространстве? Еще Аристотель («Метафизика») различал понятие *множества* (политическая мера большинства, массы) и *величины* (фигуры и формы в политике).

Множество имеет свойство *счетности* (большинство – меньшинство, фракции, партии, группы, избирательные голоса, сотрудники, друзья – враги и т.п.).

Величина – свойство *измеримости* (функции, прерогативы, обязанности и т.п.).

Помимо того существует процесс отношений множества и величин, т.е. вопрос, когда число, количество переходит в качественные и в то же время размерные *величины* (фигуры, т.е. функции, учреждения); далее – вопрос об отношении *элемента* к множеству (человека к коллективу, масса) и части к целому (иерархии функций, учреждений, функционеров, правящих лиц и подчиненных).

В арифметических множествах политических процессов переход к фигурным геометрическим величинам происходит постоянно, в этом смысл и механизм *институционализации* политики и власти, возникновения руководства, управления и отношений командования – подчинения. В массовых самоуправляющихся политических процессах постоянно возникают центры активности, очаги самоуправления (микровласти).

Однако существуют чисто арифметические явления и перенести структуру и закономерности арифметики на геометрию полностью невозможно. Существуют, например, и принципиальные различия между массовыми (демократическими) процессами и институциональными, т.е. между *самоуправлением* и микровластью, массовыми опорными движениями (поддержки, участия, требований) и *управлением*, отношений макровласти, командования и подчинения.

Объединяющим их началом служат процедурные правила и общая им идеология наряду с воздействием социального окружения.

Проблема наполнения социальным (политическим) смыслом политического (как и любого другого) пространства та же, что и в математике: преодоление противоположности между *дискретным* (числовым рядом рациональных чисел) и *непрерывным* (линиями и фигурами), т.е. демократией дискретных масс и властью структур и фигур.

Уже Евклид предложил понятие геометрической *фигуры* как символа *числа*, намного опередив современные представления о *политической форме*. Роль такого фигурного смысла играет демократически сформированное в виде фигур власти представительство массовых чисел — общественных групп и общества в целом.

Поскольку любой отрезок может быть делим до бесконечности и может представлять любые числовые значения, фигуры власти, ее структуры, формы могут изменяться в размерах и степени сложности, представляя любые числовые значения, не теряя принципиального содержания и на уровне микрополитических отношений микровласти, и на среднем и макроуровне вплоть до высших учреждений государства. Таким образом и образуется единая система политического пространства общества. Это функциональное общественное пространство служит конституирующим фактором политической системы.

Политические фигуры, фигуры политических институтов, лидеров политического класса, его структур возникают из аккумуляции количества и качества, из формирования формализованных учреждений власти и их политических функций.

В соответствии с уровнями политики и власти и их функциями (микро-, мезо- и макрополитикой) определяется размещение этих фигур в пространстве и их сочетания, отношения центра и периферии, управление – самоуправление, лидерство и т.д.

В эту геометрию фигурных сочетаний переходит арифметика чисел частного и публичного пространств, из самоорганизации и самоуправления – в организацию и управление, от управляемых – к управляющим.

В зависимости от наличия центров активности в публичной зоне и в функциональных пространствах и от коммуникаций между ними изменяются состояния всей социальной геометрии и формируется и функционирует частное пространство либо отдельные его участки. Активность в нем выше в районах институциональной активности и по направлениям их коммуникативных связей²³.

В любом пространстве образуются горизонтальные и вертикальные отношения со своими характеристиками – арифметическими и геометрическими (т.е. в виде их планиметрии и стереометрии).

К общей теории функциональных пространств. Их политический смысл

Неотвратимый переход от пространственной арифметики различных множеств к геометрии структур и фигур (т.е. институциональный процесс) объясняется не абстрактным процессом перехода количества в качество, а более императивными и конкретными причина-

ми. Сам по себе такой переход имеет место, но в рамках все той же арифметики множеств — это переход от малой группы (малого числа) к большой, от ячейки инициаторов — к общественному движению и т.п.²⁴ Но не он порождает институциональную геометрию. Она возникает оттого, что политическая арифметика *функциональна* и числа, которые ее составляют, не равны не только количественно ($4 > 2$), но и по содержанию, и *числовые значения* не равнозначны смысловым и функциональным и тогда арифметические значения уступают место геометрическим, возникают геометрические фигуры и структуры (планиметрические и стереометрические конфигурации).

Так возникают упоминавшиеся выше характерные для функциональных явлений превращения. Пространства функциональных множеств могут сжиматься и расширяться и становиться несопоставимыми по значению (а не только по содержанию, например, пространства разных партий). Они могут перемешаться и противостоять друг другу. При этом возникает первичная необходимость организации таких множеств, т.е. образования из них самоуправляемых или управляемых структур, что и приводит к институционализации соответствующих процессов.

Главная же причина переходов от арифметических измерений политики к ее геометрическим параметрам — это неизбежные, имманентные и необходимые процессы самоорганизации, происходящие в арифметических множествах — функциональной и смысловой. Асимметрия единиц, представленных простыми числами, их содержательное неравенство (различия интересов, воли, активности и т.д.) порождают центры притяжения, тяготения, самоуправления, которые неизбежно становятся центрами управления.

Таков *органический* процесс институционализации. История политических процессов, в частности процессов демократического самоуправления, хорошо иллю-

стрирует страны, которые не прошли по тем или иным историческим причинам путь органического развития демократии или вообще отвергают его и заменяют органику искусственными построениями (диктатура, партийная олигархия, бюрократические корпорации и т.п.), не преодолевают законов политической арифметики, ибо строят геометрию власти, фигуры ее лидеров и институтов из тех же чисел, но при условии, что все они несравненно более значимы, чем арифметические множества, и что функциями этих множеств можно пренебречь. Более того, при этом неизбежно возникает стремление идти обратным путем, от геометрии к арифметике – к распространению власти институтов на общество, к доминированию, к созданию «геометрии господства».

Исторический выбор, таким образом, ограничен: или от множеств к фигурам власти, либо от них – к арифметике масс.

Создание институциональной системы силами и средствами самих институтов, в рамках политической геометрии неизбежно приводит к ее столкновению с массовыми множествами политической арифметики. Это то, что именуется противоречиями власти и человека, государства и общества, правящих сил и народа. Отсюда и представление о политике как выражении господства и борьбы (в том числе классовой), о власти как силе и насилию и т.д.

Суть и причина этих противоречий в тех же процессах массовой самоорганизации и консолидации политических множеств («народа»). В полностью отрешенных от политики множествах, недифференцированных по многим историческим и социальным причинам (народ в восточных деспотиях в России – крепостное крестьянство и податные сословия, в значительной мере сословие мещан и даже высших сословий). Такие множества не участвуют в переходе к геометрии политических институтов и их формировании. Их отношение

к институтам выражается либо в их бессловесной поддержке, либо в разрушении возвышающихся над ними фигур власти (форма самоорганизации).

Если подобных множеств нет и столь крайние отношения между ними и геометрией институтов тем самым исключены, неизбежно формируется гражданское общество, т.е. общество, способное к политическому участию. Его образование — объективный процесс, не изобретение философов (даже таких великих, как Гоббс, создавший концепцию такого общества), не порождение просвещенной власти, а историческая необходимость: образованию такого обширного и дифференцированного множества, которое может активно самоуправляться и самоорганизовываться и формировать геометрические структуры политических институтов, а также и взаимодействовать с геометрическими построениями, которые создают сами институты.

Таким образом образуется и обнаруживается особая качественная характеристика арифметического количества и составляющих его единиц и чисел. И в прошлом, и сейчас, и, по-видимому, в будущем, как уже отмечалось, гражданское общество — это не все множество, составляющее совокупное население или то, что именуется народом. Это, как уже отмечалось выше, его лучшая часть, наиболее развитая, способная и стремящаяся участвовать в жизни государства и в формировании политики. Участие в управлении для такого общества превращается в форму самоуправления, общество и государство объединяются, процесс перехода от арифметического множества к геометрии власти становится органичным, объективным и необходимым, неальтернативным.

Плотность и объем (высота), *третье измерение* приватного пространства зависят от индивидуальных и групповых различий: культурных (город — деревня), гражданских качеств, отношений собственности, деловой, экономической, политической, творческой активности и т.п.

Геометрия трехмерного публичного пространства, его насыщенность и объем определяются числом участников и качеством ассоциаций, их активностью и эффективностью (активной может быть и неэффективная и контрпродуктивная организация, пользующаяся влиянием на общество и государство).

Публичное пространство во многом определяет характер *участия* и *представительства*, характер представительной власти и ее поведение (это роль партий, общественных движений, социального контроля, средств информации).

Интенсивность варьируется в зависимости от всех этих переменных и от облика приватного пространства.

Публичная зона связывает микро- и макропроцессы и уровни власти. В ней начинается *институционализация* политики и власти. Она относительна в силу факкультативности участия и неслужебного характера этого участия, периферийного положения публичной зоны в политической системе общества.

Политические фигуры, фигуры политических институтов, лидеров, структуры политического класса, сочетания и распределение геометрических фигур определяются их уровнями и функциями (управление – исполнение, центр – периферия, управление – самоуправление и т.д.). Арифметика чисел переходит из приватного и публичного пространств в геометрические фигуры мезо- и макрополитического пространств, из самоорганизации и самоуправления в организацию и управление, из отношений большинства в отношения меньшинств, от управляемых – к управляющим.

Соотношение приватного и других пространств определяется расположением институциональных фигур, структуры связей между ними. В центрах политической активности и на коммуникациях между ними повышается и активность приватной зоны, точнее, отдельных ее участков. Эти коммуникации и сами ориен-

тируются от одного такого участка к другому. Нивелируются все эти пространства средствами массовой и специализированной (партийной, ассоциативной, государственной) информации.

Приватное и публичное пространства вмещают все функциональные пространства и времена.

Оба пространства трехмерны. Плотность, объем приватного пространства, его третье измерение, его высота определяются индивидуальными и групповыми различиями особенностей составляющих его индивидов и групп – культурных (город – деревня), гражданских, отношений собственности, деловой, творческой, экономической и политической активности и т.п.

Очертания трехмерного *публичного* пространства, его насыщенность и объем определяются числом участников и качеством ассоциаций, их активностью и эффективностью и смыслом, продуктивностью этой активности, влиянием группировок на общество и государство.

Публичное пространство во многом определяет характер политического участия и представительства, характер представительной власти и ее поведение (роль партий, общественных движений, социального контроля, действие средств информации). Сама же интенсивность, роль публичной сферы зависят и от облика приватного пространства, его состояния.

Отметим еще раз, что публичная зона связывает микропроцессы и микровласть приватного пространства с макропроцессами. В ней начинается *институционализация* политики и власти.

Время природы и время политики

Хронологическое время бесконечно, но дискретно, это организованная последовательность отрезков, элементов ньютоновского абсолютного времени. Функци-

ональное время само представляет собой отрезок хронологического времени, который делится на две части — *прошлое* и *настоящее*, но в отличие от времени природы включает и отрезок *будущего* времени, к которому и устремлено все функциональное время. Таким образом устанавливается *топология* времени, местоположение его отрезков в бесконечной временной протяженности и их взаимное положение (раньше — позже, сейчас — потом).

Функции и содержание этих трех отрезков едины, поскольку они образуют способ бытия политики (как и других общественных систем), их бытия во времени истории, жизни общества и человека. Однако и само это функциональное единство дифференцировано вместе со специфическими функциями каждого временно-го отрезка.

Прошлое — это время подготовки будущего, время накопления позитивного и негативного опыта и ресурсов развития. Таким будущим для прошлого оказывается не только *настоящее*, но и *будущее* по отношению к настоящему, т.е. третий временной отрезок функционального времени.

Если первый отрезок начинается в неопределенном прошлом, то последний отрезок завершается в неопределенном будущем, протяженность которого определяется содержанием функционального процесса, но не полностью, оставляя место независимым и случайным событиям.

Определенно во времени *лишь настоящее*. Строго говоря, оно исчезающе мало и состоит из мгновения, зажатом между прошлым и будущим. Настоящее непрерывно исчезает еще и потому, что переходит в прошлое, но, с другой стороны, оно пополняется из будущего, превращающегося в настоящее (совершившееся событие, осуществленный замысел, решенная задача, достигнутая цель).

Исчезающее настоящее оказывается вместе с тем наиболее значимым функциональным отрезком: в нем реализуется будущее и опыт прошлого со всеми его идеями, планами, целями. Настоящее в этом смысле инструментально. Оно связывает прошлое и будущее. В нем разворачивается борьба с ускользающим временем, состоящим из убегающих в прошлое мгновений и происходит ожидание следующих мгновений вероятностного времени предполагаемых событий.

Реальное функциональное действие раздвигает настоящее, делает его протяженным, насколько сознание охватывает актуальный процесс. Так настоящее превращается в *последовательность* точек и промежутков между ними (часов, дней, недель, месяцев и даже лет), которые и рассматриваются как «настоящее».

Настоящее время – единственно управляемое и то в меру ограниченного владения прошедшим и будущим временами – опытом прошлого и гипотезами будущего, к тому же оно подвержено действию случайных и вероятностных процессов.

Так можно именовать время, наполненное каким-либо содержанием. Если речь идет о времени истории, общества и человека, то таким содержанием будет деятельность. Во всех случаях, и в природе также, функционально время какого-либо процесса, время развития. Любое содержательное время, которое наполнено содержанием и может получить *имя*, можно считать функциональным. Такое время в принципе *атрибутивно*.

Время всегда было предметом исследований и полемики, оно остается одной из загадок природы и философской проблемой. В 70-е гг. возникла специальная научная дисциплина, изучающая время – «хроноскопия». Древние верили, что временем ведаёт бог Хронос. В наши дни мы полагаем, что всемогущий Хронос и объективное время природы – не все, что мы знаем о времени, и если мы не можем влиять на его ход, то есть

время, которое нам подвластно. Таким может стать время, наполненное нашей деятельностью. Наполненное содержанием, время сливается с ним и становится управляемым. Так возникло представление о времени, которое и можно назвать функциональным. Смысл этого понятия в том, что не только деятельность человека или общества является функцией времени, ее условием или фактором, т.е. независимой переменной величиной — объективным ресурсом деятельности, но и деятельность — функцией времени, его содержанием, определяющим его истечение, темпы и ритмы.

Речь идет об объективном времени природы, наполненном определенным содержанием. Это содержание может быть природным (астрономическим, геологическим, временами года, суток, дня и ночи, цветения растений, временем жизни вещей и живых существ и т.д.) и общественным.

Содержательное, функциональное время структурно. Оно делится на отрезки, сменяющие друг друга, считаемые по определенным признакам: время рождения, время молодости, созревания, увядания, дня и ночи — утро, полдень, вечер и т.п. Бесконечное и объективное хронологическое время природы мы делим на отрезки условно (минуты, часы, месяцы, годы и т.д.), но в принципе оно неделимо. Содержательное функциональное время дискретно по своей природе, по содержанию. Поэтому оно имеет начало и конец, состоит из отрезков, фаз различной длительности с паузами и переходами между ними.

Функциональное время природы дало основание концепции циклического времени, состоящего из повторяющихся через равные промежутки событий, циклов рождения, становления и смерти, повторяющихся природных явлений, запечатленных в народном календаре, вплоть до мистических учений о переселении душ.

Идея циклических повторений переносится и в историю, в которой также возможны повторяющиеся события: возникновение и накопление тех или иных тенденций, наступление кризиса, его разрешение, затем повторение того же процесса (циклы Кондратьева), например смена подъемов, кризисов, спадов в экономике.

Хотя концепция циклического времени имеет известное право на существование, она не содержит идеи развития. Преобразование и совершенствование сводится в ней к повторению. Строго говоря, повторяемость событий в принципе невозможна не только в обществе, но и в природе: повторяются не сами события, а *ситуации*, в которых они совершаются. Но и такого рода повторяемость не позволяет вполне судить о содержательном наполнении времени.

Другая, современная концепция функционального времени связывает его с общественной динамикой, которая непосредственно и полнее, чем в циклической версии, связана и с линейным течением хронологического времени, и с идеей развития, прогресса, роста и изменения.

Новое представление о функциональном времени в связи с идеей развития, действия позволяет выяснить и его различия с монотонным непрерывно текущим объективным временем природы. Циклические повторения событий и ситуаций при этом не исключаются, а включаются в концепцию линейного функционального времени как его вторичный, производный аспект, если он вообще возможен, особенно когда речь идет об общественных процессах.

Речь идет, иными словами, о сравнении, о сопоставлении независимых переменных объективного хронологического времени природы (равных и точно сопоставимых условных отрезков) и зависимых переменных функционального времени (неравных по содержанию и

продолжительности отрезков), возможности сопоставлять прошлое и настоящее и включать в эту последовательность и будущее. В хронологическое время природы будущее не входит. Если оно включается в него, значит совершается переход к функциональному времени любого вида.

Движение политического времени

Функциональное политическое время сменяется в двух направлениях: хронологическом и в ахроническом, т.е. ином, обратном направлении. Отметим еще раз: будущее непрерывно становится настоящим. В этом цель политики, как и иной функциональной деятельности, имеющей *цели*. Настоящее же последовательно становится прошедшим (в отличие от чистого времени без цели).

Оба движения органически связаны. В настоящем накапливается опыт, он откладывается в прошлом, в исторической памяти. На этой основе создается идея *будущего*, планируется политика, ставятся задачи, определяются цели общества. Их достижение переводит будущее в настоящее, в область реализованных целей. Они уходят затем в прошлое в виде достижений, политического знания, потенциала, опыта.

Течение политического времени *активно*. Оно наполнено событиями, их результатами и материалом предстоящих задач и замыслов их решений.

Истекшее политическое время членится на функциональные этапы: начало и конец истекших политических процессов. В будущем политическое время имеет только начало, оно исходит из настоящего. Завершение его лишь предполагаемый этап. Наступит ли он или нет – это только проект или гипотеза. В политике такой финал вообще может быть чистой *догадкой*.

Настоящее политическое время заключено между этими двумя его частями – прошлым и будущим. Напомним, что оно непрерывно возникает из будущего и исчезает в прошлом, вместе с тем оставляя ему результаты политики.

Отсюда *значение сроков и темпов, насыщенности, содержательности* и эффективности политического времени.

Цели политики, сроки ее осуществления заключены в будущем. Они определяют содержание и смысл политики *настоящего времени*: ее методы, идеи, планы, ресурсы, действия, события, число и характер участников и т.п.

Из прошлого в настоящее политическое время в политику переходят ее ресурсы, достижение, результаты, идеи, теории, опыт людей, их взгляды, интересы и т.п. Из прошлого начинается *движение в настоящее* и будущее.

Хронологическое абсолютное время протекает *равномерно*. Функциональное политическое время для разных событий, идей, партий, действий протекает неодинаково: для одних быстро, для других – медленно, более содержательным или менее, насыщенным либо нет.

Календарное время для одних еще продолжение прошлого, для других – актуальное настоящее, для третьих – уже решение проблем будущего.

Концепция времени дала имя многим идеологическим и политическим течениям, различным характеристикам политического времени – время застоя, подъема, кризиса, достижений, трудностей и т.д.

Политическое время обычно непродолжительно. Оно завершается с решением какой-либо задачи или окончанием события (выборы, жизнь правительства). При более продолжительных процессах оно переходит в социальное и историческое время, эпоха социальных революций, капитализма, империализма и т.п.

Протекание политического времени прерывно. Существоют критические фазы – недостаток времени, отсутствие, перенасыщенность событиями.

Оно может и должно *контролироваться*, но может оказаться и бесконтрольным. Умение эффективно использовать время – важная проблема политики.

Время – ее важнейший ресурс. Умение использовать его, активно использовать – важное условие *успешной* политической деятельности и борьбы.

Остановимся на проблеме *единства* пространства и времени в политике. Время протекает в определенном политическом пространстве. Время конкретного политического события или процесса, явления замкнуто соответствующим политическим пространством (время деятельности партии, лидера, влияния теории и т.п.). Более полное измерение параметров политики является поэтому *пространственно-временным*. Когда оценивают политику, говорят, таким образом, *где и когда* происходят политические события, действия, возникают и разрешаются проблемы.

Различные виды функционального времени протекают в разном *темпе* (медленнее или быстрее) и ритме (аритмично – с перебойми, ритмично, прерывно), синхронно с другими временами и асинхронно, не совпадая с ними, неравномерно.

Общее социальное и историческое время – это совокупность различных видов функционального времени и всех их специфических свойств (содержания, интенсивности, темпа, ритма).

Возможна пространственная концентрация либо может происходить ослабление функционального времени. В одних участках функционального пространства оно может быть более интенсивным, быстротекущим и ритмичным (в его функциональных центрах), в других, периферийных – менее насыщенным, вялотекущим, аритмичным.

Хронологическое время имеет значение для функционального времени и его пространства: оно определяет *время жизни* социального субъекта, процессов и событий.

Особенности политической памяти

Память нагружается прежде всего текущей информацией, а разгружается за счет прошлого и притом выборочно, хаотично, некритически.

Память, как мы знаем, индивидуальная и коллективная. Она ограничена ее информационной емкостью и актуально необходимым объемом. Сознание отвергает информационные перегрузки. Важен феномен *забывания*, освобождения от прошлого.

Память избирательна и имеет защитные функции, предпочитая удерживать в сознании желаемые позитивные события, идеи и эмоции либо их превращенные формы (обиды, предрассудки, претензии и т.п.). Удерживается все, что признается необходимым для *ориентации* во времени и пространстве.

Поэтому удерживаются избранные символические факты (героические имена, даты, цены и т.п.). Так образуется *временное окно* в прошлое. Все, что за его пределами, забывается и замещается преданиями, мифами.

Факты эти обобщаются, редуцируются к некоей общей канве, простыми выводами, символами и клише («мы победили», «день города», «белые – красные»). Эти клише со временем начинают меняться местами и знаками (Николай, революция и т.п.).

Интенсивно нагруженное настоящее время оставляет меньше места памяти о прошлом и для проектирования будущего (ср. проекты реформ).

«*Короткая память*» о прошлом объясняет *повторение событий*, одних и тех же ошибок и техник.

Открытие велосипеда.

Пределы политической памяти

Интенсивные информационные нагрузки вызывают *дисфункции* политической памяти.

Основной дефект – ослабление способности воспринимать, накапливать *информацию* и *координировать* ее.

1. Усвоенная, накопленная внутренняя память тормозит усвоение новых данных. Это либо информационная перегрузка или малая емкость памяти.

2. Ослабленная память о прошлом, в сознании преобладает текущая информация и уменьшается ориентация. Отсюда бурное и непоследовательное реформаторство, частые и повторяющиеся ошибки, слабый опыт, неумение *извлекать* уроки из ошибок, малая грамотность.

3. Столь малая емкость памяти, что и прошлое и настоящее плохо в ней удерживаются.

Пространственно-временной континуум в истории и политике

Ограниченное территорией страны ее политическое пространство тем не менее не неподвижно. Оно всегда может изменяться в третьем измерении, становиться полнее и, кроме того, плотнее, насыщеннее, концентрированнее.

Ограничено, в сущности, и непрерывно истекающее, движущееся время. Из его абсолютной протяженности для конкретного общества выделяется лишь специфическое историческое время, но и из него высекается сравнительно небольшой отрезок актуального политического времени, своего рода «окно» в историю, в котором открыто настоящее, небольшой отрезок прошлого и гипотетическое будущее, но не протяженное, а ближайшее. Масштабы этого отрезка определяются исторической памятью общества. Она, как только что отмечалось,

необходимо ограничена предельным объемом информации, которую способно вместить индивидуальное и коллективное сознание. Оно отвергает информационные перегрузки. Поэтому столь силен и важен феномен забывания, освобождения от прошлого. Мы уже говорили, что память сохраняет от него избранные моменты, обычно лучшие, наиболее привлекательные и отделяет их тем самым от всяческих связей с другими событиями, способными повредить положительной оценке запоминающихся состояний. Не случайно в массовом сознании нашего времени так запечатлено магическое число 2.20 (цена популярной колбасы из недавнего прошлого)²⁵. Отсутствие же такой колбасы в магазинах, не говоря уже о множестве других негативных и тем более драматических коллизиях того же прошлого, более не воспринимается как исторический факт.

Факты прошлого за пределами временного «окна» не только вытесняются, но и замещаются преданием, мифом, а нередко и предрассудком. Факты в них обобщены, редуцированы к некоей общей канве простых выводов, обычно идеологизированных и символизированных в немногих простых клише: «мы победили», «тысячелетие нашего города», «белые», «красные». Не удивительно, что эти клише наконец начинают меняться местами и знаками: царь Николай то «кровавый» (9-ое января, Ленский расстрел, разгром Пресни), то мученик революции и т.д., в зависимости от очередного мифа.

Не будет, возможно, ошибкой предположение о том, что информационные нагрузки настоящего времени сильно влияют на протяженность актуального функционального времени. Чем более нагружено настоящее, тем короче становится память о прошлом. Иначе было бы слишком трудно переживать настоящее в особенно напряженные и быстро протекающие периоды жизни — войну, например, тяжелые неурядицы, кризисы и т.п.

Интенсивное переживание непосредственно протекающих событий оставляет меньше места в сознании переживания прошедшего времени и памяти о нем.

Непродолжительность остающегося в сознании прошлого времени, короткая память о нем объясняет вечное повторение ошибок, постоянное воспроизводство одних и тех же техник политики и власти, повторение нежелательных событий, которых можно было бы избежать и т.д.

Краткость осознаваемого прошедшего времени, короткая память о нем не исключает его высоких функциональных нагрузок: накопления в нем индивидуального и коллективного опыта. Объем этих нагрузок определяется накоплением готовых форм: готового знания, опредмеченного в готовом мире вещей, социальных норм — политических, правовых, идеологических и прочих, культурных ориентаций. Настоящее и ближайшее прошлое человека и общества посвящается обучению пользованием этими запасами и их дальнейшему накоплению. Тем самым прошлое и будущее в возрастающей мере сближаются с настоящим, а настоящее растягивается, чтобы вместить накопления и овладеть будущим. Не случайно, по-видимому, в ряде интенсивно развивающихся культур возникли особые языковые формы, отражающие подобные трансформации времени: ближайшее прошедшее и будущее время (*passé* и *futur immédiat* во французском, различие «сделаю» — «буду делать» в русском и др.); продолженные прошедшие, имперфекты, приближающие прошлое, обозначающие также незаконченные, продолжающиеся действия («делал» в русском, французские и немецкие имперфекты, *Past continius* в английском) и такое же продолженное будущее (*future continious*), подобное русскому «буду делать», интенциональное, наполненное содержанием настоящего времени.

Измерение пространства и времени

Объективные меры пространства и времени²⁶, их содержания и их *субъективные* измерения – индивидуальные и общественные оценки и самооценки, иначе говоря, *рефлексия* их.

Субъективный аспект социального пространства-времени включает *человеческое измерение* (*индивидуальное* и *коллективное*, общественное), т.е. создание, участие, осуществление событий и их сопутствующая или последующая оценка, понимание, признание. Первая форма объединяет объективное и субъективное, так как субъективность деятельности становится ее объективным фактором.

В истории, субъектом которой выступают большие общественные группы и общества в целом либо выдающиеся личности, объективный смысл такого рода субъективности особенно очевиден.

Вторая – это оппозиция по отношению к объективности, ее отражение сознанием.

ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Осуществление политики – это процесс, процесс политического действия. В зависимости от масштабов, пространства и времени политическим процессом может быть названа значительная эпоха развития стран, континентов и т.п. («европейский политический процесс между двумя мировыми войнами»), вплоть до функционирования политики как одного из ее свойств. Политическим процессом может быть и конкретное политическое действие на ограниченном пространстве и в ограниченное время. Такой процесс со всеми его фазами неоднократно был описан²⁷, он нас и интересует, но не в обычном, стандартном его протекании. Дело в том, что его нормальное исследование имеет в виду позитивное протекание процесса, завершающееся достижением желаемых результатов, иными словами безошибочную и эффективную политику и безупречные отношения власти и общества. Иначе говоря, речь идет об идеальном процессе, каких в действительности не бывает или, скажем осторожнее, бывают далеко не все политические процессы. Естественно, политика рассчитана на успех, это ее функциональное свойство – решать задачи и получать результаты. Но политика – это вероятностный процесс. И этот процесс протекает во взаимодействии с другими вероятностными процессами – экономическим, идеологическим, правовым, познавательным, культурным, моральным в вероятност-

ном социальном окружении. Рациональные в принципе, все системы и процессы их функционирования действительно рациональны, иначе жизнь человека и общества была бы лишена смысла. Но эта рациональность не может исключить иррациональные начала бытия, заложенные и в самой рациональности. Интерес к соединению рационального и иррационального, к переходам одного из этих начал в другое известен давно, как и обширная литература на эту тему²⁸. В послевоенные годы стал предметом активных изысканий один из видов иррациональности – утопия. В эти годы сложилась современная теория утопии, радикально отличающаяся от традиционных представлений о ней²⁹. О некоторых новых трактовках утопии вскоре будет сказано.

Новая теория утопии отвела ее трактовку в стиле одного знаменитого чеховского персонажа «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»³⁰. Ее авторы позволили подойти к анализу частных (конкретных) видов утопии в различных областях деятельности и жизни, ибо объяснили общую основу утопического сознания и особенности утопической практики. Поэтому мы начнем с некоторых основ общей теории утопии и затем перейдем к одной из ее конкретных форм – политической утопии³¹. Есть основание разработать аналогичные представления о других конкретных утопиях – свободы, равенства и других идеальных ценностей и тем более утопий, связанных с большими системами – экономикой, правом, идеологией, моралью, наукой, культурой, религией. Но это задача других поисков и других авторов.

К новой теории утопии в жизни человека и в политике

Речь здесь пойдет не о реабилитации утопии, а о формировании критического самосознания, которое способно распознать ее и ее конструктивные начала,

обнаруживать иррациональное, которое мимикрирует в образе рационализма, – словом, знать лучше себя и мир, мир политики в нашем случае. Человек слишком долго покорялся безотчетному иррационализму бездумной веры и мифа, чтобы не отдать себе в конце концов отчет о подлинном соотношении рационального и иррационального в его сознании и действиях³².

XX век, как только что отмечалось, создал новую теорию утопии. Одними из создателей ее философских основ стали философы прошлого века.

Напомним, что проблема утопии – это не только проблема рациональности/иррациональности, действия, предвидения его результатов и их проектирования. Это проблема *времени*: функционального – исторического, социального и политического, утопия – это борьба с временем, ускользающим, состоящим из убегающих в прошлое мгновений, из ожидания следующих мгновений, *вероятностного времени*, назревающего и несущего нечто желательное и предполагаемое. В этом времени актуально лишь мгновение исчезающего настоящего, как время звучания струны, звука инструмента у Г.Гейне («Гейне о музыке»).

Философом же, который создал основы новой теории, стал известный автор многочисленных трудов о теории культуры, философии и ее истории Эрнст Блох. Однако у него был предшественник.

Еще в 1913 г. О.Нейрат написал работу «Заблуждающийся Декарт и сопутствующие мотивы», которая была издана в 1919 г.³³. В ней он обратился к третьей рекомендации Декарта («Рассуждение о методе»): если действие предпринимается без уверенности в успехе, принимать решение, которое кажется наиболее вероятным, хотя и подверженным сомнению. Так поступает человек, заблудившийся в лесу, выбирая нужное направление, т.е. речь шла о принятии решения в соответствии с ситуацией в условиях неопределенности.

Возможно, замечания Нейрата оказались первым сигналом к построению новой теории утопии. Может быть, неслучайно.

Блох не стремится реабилитировать утопию, как могло бы показаться. Сделать это многократно и на протяжении нескольких столетий стремились социальные утописты. Блох делает нечто большее. Он настаивает на ее имманентности действительности, бытию и сознанию человека, что исключает и сам вопрос о возможности или нежелательности утопии в жизни человека и общества и о ее устранении либо апологии. Вопреки сциентистской дискредитации утопического сознания Блох попытался утвердить значимость общественных, бытийных и познавательных функций утопии. Он обнаруживает присутствие утопии в самой неподвластной человеку действительности мира, предпринимает попытку онтологизировать утопию, изменить ее смысл: от утопии как добровольно принятой идеи перейти к ее имманентному присутствию в жизни и тем самым быть готовым к ее присутствию.

Перенесение утопии в действительность как бы освобождает исследователя от специального обоснования конструктивных функций утопии, которым приходится заниматься современным теоретикам, о чем речь еще пойдет ниже: функций критики, целеполагания, проектирования, идеального масштаба сравнения и т.п. Обнаруживая утопическое начало бытийной действительности человеческой жизни, Блох устраняет ряд проблем и трудностей, с которыми сталкивается утопическое сознание, — отпадает, в частности, антиутопическая критика социального, политического, культурного и любого другого конструктивного проекта, проблематика его верификации, преодоление его абстрактности, определение характера и степени его утопичности или реализма (индикативного или спекулятивного, атеоретического или символического и.д.). Вспомним в этой

связи некоторые крупные социально политические проекты — гражданского общества, правового государства, относительно которых возникали в прошлом, возникают и теперь все эти проблемы, а также историческую судьбу таких, например, ценностей, как справедливость, равенство, свобода, права человека и мн.др. Перестает быть проблемой и нормативность утопии, отношение к ней как к варианту неутопического замысла и т.д. Философия утопии Блоха и была призвана поэтому превратить утопическое сознание в особое — критическое и созидательное — мировоззрение, а утопию из абстрактного проектирования идеальных общественных форм (идеальной политической теории и практики, добавим мы) и особого литературного жанра преобразовать в конструктивный фактор общественной практики.

Блох предназначал философию утопии для нового оснащения марксизма. Для Блоха марксизм — это конкретная утопия, включающая анализ, знание тенденций настоящего, критику действительности и проект будущего, т.е. утопия, по Блоху — «знание цели», которое позволяет «анализу настоящего» быть практическим.

Блох, как известно, считал себя марксистом и наряду с разработкой традиционных философских сюжетов немецкой классической философии (диалектики субъекта и объекта, философии истории и др.), исследованиями истории философии (гегелевской, в частности) он неоднократно обращался к марксистской проблематике общества и его истории. Пресловутая «конкретная утопия» встретила сочувственный прием в парамарксистской и у более поздних теоретиков утопии (Ж.Ролэ, Р.Футер и др.³⁴), хотя и они признали не все ее положения.

Обратимся, однако, к аргументам и рассуждению Блоха. Блох представляет действительность как процесс вечно неставшего бытия, где все относительно и преходяще, включая и знание о самой этой действительности

ти. Действительность представляется таким образом как вечное, безостановочное движение, никогда не завершающийся процесс перехода из одного непознанного (в силу этой незавершенности) состояния в другое, которое еще предстоит познать и которое потому также не познано. И так как процесс этот дискретен, Блох выделяет его «простые моменты» – Мгновение, «Теперь» и ведет анализ утопического начала бытия на уровне этих моментов. Опыт действительности складывается из переживания мгновения. Мгновение темно до опыта. Не-опыт это не-пережитое (пусть даже и прожитое) мгновение. Мгновение это событие, которое поддается переживанию и тем самым познанию. Мы переживаем его вдруг, указывает Блох, его нет и оно уже пережито. Этот прерыв постепенности взрывает течение «равнодушного времени». Прерыв вечен как само время: это то «всегда снова», которое служит постоянным началом того, чего еще нет. Взрыв постепенности – это, однако, не просто событие, которое обозначается понятием «теперь», а движение к будущему: мгновение темно (это темнота непознанного, темнота взрыва), но оно начинает будущее, новое движение, оставляет надежду, что «все другое возможно»³⁵. В момент переживания мгновения наше существование, как считает Блох, еще не осуществляется, ибо это «еще – небытие», недостаток бытия и недостаточность знания о нем, его «темнота». «Темнота» мгновения переходит в «темноту мира». Темнота, недостаточность толкают к их преодолению. Мир, по Блоху, это процесс преодоления, ибо и бытие мира есть «еще-не-бытие», т.е. процесс, история. «Еще – не-бытие» – это возможность (мира, движения, следующего мгновения), а эта возможность – условие «еще – не-бытия», иначе говоря, становления новой действительности. Человеческая практика открывает, как считает Блох, ее моральную перспективу: интуицию мира как процесса еще не реализованных возможностей в

ходе такого становления, т.е. как утопии, нового, становящегося, проходящего темные моменты сменяющих друг друга мгновений, еще не познанного нового бытия, которое открывается нашему постижению. Ожидание, надежда, интуиция и интенция некой возможности, которая еще не исполнилась, это не только фундаментальная черта человеческого сознания, как полагает Блох, но, взятая и объясненная конкретно, фундаментальная внутренняя детерминация объективной действительности. Отсюда и интенциональность бытия. «Конкретная утопия» — это заложенная в нем возможность осуществления всего, «поддающегося реализации». В концепции «утопического материализма», как иначе именует философию утопии Э.Блох, все в этом мире циркулирует в постоянном становлении, не обретая характера факта, «в гигантском сочетании становления с не-ставшим»³⁶. Поэтому бытие, по Блоху, это «еще — не-бытие», это начало, преходящее. Реальное бытие представляется Блоху утопическим по самой его природе, будучи вечно незавершенным. В каждый миг «пережитого мгновения» наше существование не закончено, оно открывает возможность иного бытия. Утопия, согласно Блоху, и есть эта высшая возможность будущего. Она не только в сознании (это абстрактная утопия, как указывает Блох, и тем отличная от конкретной). Утопия — это человеческая практика. Такая утопия — это «свойство мира». Начавшись как миг, став переживанием мгновения, утопия становится и атрибутом сознания и далее — через проектирование будущего — осознанием цели, конца процесса. Цель и завершение процесса становления, завершения практики утопичны по самой их природе. В этом и состоит суть «интенциональной утопии», как ее иначе называет Блох.

Перенесение Блохом утопии в наличное бытие имеет целью обнаружить в действительности ее реальное место (то самое евтопическое, т.е. реальное, место утопии) вмешательства утопии в действительность, т.е.

место политики. Как и мгновение, взрывающее континуум времени, это вмешательство противоположно, по Блоху, политической функции сохранения, оно прерывает постепенность событий. Утопия оказывается, таким образом, фактором развития. В ее вмешательстве состоит *актуальность* утопии: действительность потому и составляет ее главную тему. Это одновременно тема содержания действительности и ее развития. Действительность и утопия не противостоят друг другу, они «соконструктивны». Конкретная утопия – это «точное предвосхищение», сообщающее ему достоинство «точной науки»³⁷. Основа этой точности – знание тенденций действительности, открываемое опытом в момент переживания мгновения – это и момент решения, рождения нового. Утопия как проект, знание цели позволяет анализу настоящего быть практическим, устремляя его в будущее³⁸. Такую утопию Блох именует «методологическим органом нового»³⁹. Возникновение утопии из «темноты» преходящих мгновений, из неполноты и относительности опыта переживаемых мгновений не кажется Блоху противоречием этой точности утопии, поэтому он и настаивает на возможности политических и социальных реализаций.

Опыт может быть, как напоминает Блох, общим, коллективным или интерсубъективным – это опыт великих исторических «мгновений», опыт сознательной практики. Таковы революционные, взламывающие историю мгновения. Таким образом утопия актуализируется – в борьбе против всех «субъект-отдаляющих абстракций»⁴⁰. Утопическое сознание, т.е. сознание, порождаемое утопией, присущей действительности, ее утопическим началом, как полагает Блох, и как теперь мы убеждены, актуализируется и в политике. Оно позволяет вести анализ функционирования власти на уровне исторического сознания, включаться в тот тип знания, который предназначен для практической реализа-

ции и вмешиваться в историческую (и, добавим, политическую) практику, образуя некий «утопико-практический» потенциал развития (освобождения, в терминах Блоха).

Тем самым отпадает, как видно, дилемма рационального и иррационального в сознании и практике: действительность в принципе не может быть иррациональной, как и ее переживание, ибо иррациональным может быть лишь мгновение «темноты», за которым наступает просветление становления. Насколько этот процесс может быть спонтанным имманентным действительности, попыталась дать ответ новая научная теория утопии, развивающаяся в последние десятилетия. Она сталкивается и с другой темой философского рассуждения – с проблемой истины, непосредственно связанной с проблемой утопии, той относительной истины, которая формируется в самых различных областях деятельности и познания – моральной истины, политической, идеологической, религиозной и любой иной. Такая истина может состоять в очень сложных и противоречивых отношениях с подлинной сущностью соответствующего события, теории опыта, а что касается той или иной политической истины, которая интересует нас в первую очередь, то она, как хорошо известно, как правило, способна прямо противостоять другим конкретным политическим истинам того же порядка и вообще не иметь спасительного выхода к гипотетической абсолютной истине, которой в конкретной политике вообще может не быть. Наряду со специфической политической истиной заряжены очень высоким утопическим потенциалом вечные проблемы постоянного и никогда не завершающегося становления идеалов и ценностей – знания, свободы, справедливости, равенства, порядка, права, нравственности, блага, политической (и любой иной) эффективности.

Остаются, конечно, и другие проблемы философского анализа утопии, которые не рассмотрены здесь и не затронуты самим Блохом, в частности важнейший вопрос о субъективных воплощениях объективной утопии, особенно важный в политике, и вопрос о возможности и необходимости рациональной ориентации в утопическом пространстве становления действительности, который Блох, по-видимому, все-таки не решает.

Политический процесс в проекте и в действительности

Речь теперь пойдет о движении политической мысли и политического действия в процессе, соединяющем замысел с достижением цели. Но это будет не нормативное описание благодостной политической практики, а ее анализом со всеми ее реальными проблемами и трудностями, с которыми на деле и имеет дело политика.

Утопия, место, которого нет, утопия, для которой, казалось бы, и в самом деле не осталось места в современном, рационализированном мире, где наука быстро заполняет все еще оставшиеся вакантными места, где не иссякает эйфория безграничных возможностей знания, в этом мире, как и во времена Т.Мора и еще более отдаленные, утопия не только не исчезла, не только не изгнана из своих прежних отсутствующих мест, она процветает и занимает все новые «места», превращаясь в евтопию, т.е. имеющую место. Жизнь утопии словно решает дилемму Мора: утопия превращается в евтопию, занимает «хорошее место» в жизни человечества. Утопия стала многоликой – сатирической, скептической, превращенной в свою противоположность антиутопией, угрожающей дистопией – «плохим местом», проникла в экономику и политику, стала реальностью культуры, обернулась в литературе процветающей и столь же

многообразной фантастикой — «научной» и ненаучной. Для утопии нашлась «экологическая ниша» — появилась эктопия. Утопия заняла свое место в идеологической борьбе, от исконно прогрессивной утопии отделилась и выступила против нее реакционная утопия разных толков — право-консервативная, неокOLONиалистская и т.п. Не оставлены попытки осуществить утопию, вернее, утопии. Продолжают существовать и вновь возникают сотни утопических коммун — в Западной Европе, в Северной Америке. В противовес старой уже, гуманистической традиции утопической практики мир стал не так давно жертвой гигантского человеконенавистнического опыта: попытки реализовать националистическую утопию всемирного господства.

Что же тогда утопия? Нечто желаемое по разным побуждениям или нежелательное, но неизбежное? Или ее можно и нужно избежать? Случайное или необходимое? Вечное заблуждение или вероятный, может быть необходимый элемент познания и действия? Имеет ли утопия какие-либо значимые функции? Какова историческая жизнь утопии? В чем состоит социальная природа утопического? Изживается ли утопическое сознание или в самом деле процветает и распространяется? Имеет ли утопия будущее в эпоху футурологии, научного прогнозирования и теорий общественного развития? Есть ли у утопии сторонники и противники или она существует, невзирая на тех и других? В чем причины ее живучести? Могут ли они быть объективными?

Интерес к проблеме утопии и в самом деле не иссякает, скорее он растет. Из философии он перешел в литературоведение, проник даже в науковедение. Появляются обширные труды по истории утопии⁴¹. Утопия не перестает служить предметом обширной научной и публицистической полемики⁴². Не обходят проблему в утопии, впрочем, придерживаясь обычно классической темы социальной утопии, и советские авторы⁴³.

Политическая утопия сохраняет основные черты, изначально присущие утопическому. Борясь против подмены революционным сознанием реального, подлинного научного политического анализа утопическим в боевую революционную эпоху, В.И. Ленин писал: «Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил»⁴⁴.

Понимание и познание

Политическая утопия, несмотря на ее близость к социальной и возможность постановки абстрактных общих целей, создания политических проектов, обращенных в будущее, в целом охватывает ближайшее историческое время. Ее можно было бы назвать актуальной утопией.

Поставить и рассмотреть проблему политической утопии невозможно без выяснения, в каких звеньях политического процесса и при каких условиях она возможна.

Когда политическое сознание идеологов и теоретиков правящих сил, политический аппарат партий, государства определяет цели политики, возникает известное отношение цели и средства, точнее, более сложное отношение: *повод* (причина политического проекта — скажем, интерес данной правящей силы) — *проект* (теоретический замысел, абстрактный аналог реального положения вещей, их отношения) — *средства* его реализации (*применение власти*) — цель (идеальный результат политики на стадии ее проектирования и проведения в жизнь и реальный, которым завершается осуществление проекта).

Причинно-следственные отношения в этой цепи обуславливают необходимость взаимного соответствия звеньев. Кроме того, каждое звено характеризуют и специфические для него отношения.

Исходная причина и конечная цель охватывают весь политический процесс идеализации и реализации, целеполагания и действия, политики и проявления власти. Дистанция между поводом и целью и содержание целеполагания определяются типом общества, его строем, природой правящих сил, характером политической системы. Интересы, идеологические установки, мировоззрение правящих сил, естественно, определяют процесс идеализации политического проекта, постановки цели, «которая как закон определяет способ и характер его [человека] действий и которой он должен подчинить свою волю»⁴⁵. Наиболее развитая и вместе с тем удаленная цель политики, абстрактно-общая цель — идеал общества или правящих им сил, если они не отражают общих интересов. Идеал, независимо от его верности и обоснованности представляет необходимое условие человеческой деятельности, сознательного функционирования социальных групп, классов, политических партий, общества в целом... Проблема идеала раскрывается как противоречие между действительностью как она есть и какой она должна быть согласно нашим представлениям.

Идеализация цели редко избегает утопических ориентаций. Ее близость к построению максимально возможного неизбежно ведет к завышению идеальных побуждений.

Цели политики и политического процесса

Цели политики, как общезначимые, так и групповые (особенно если они представлены общезначимыми), носят перфекционистский характер: направлены

на улучшение, исправление, облегчение, оборону и т.п., цели так называемой политической ортопрактики. Даже узкоклассовая, групповая мелиорация в интересах меньшинства, наносящая ущерб обществу в целом и даже направленная против его значительной части (эксплуатируемых классов, меньшинств и т.п.) аргументируется перфекционистскими намерениями. «Максимальная политическая цель» всегда выступает как стремление к «высшему благу» общества: процветанию, благоденствию, самореализации человека и т.п. Идеализация этого рода определяется наличием в обществе и в мировоззрении правящих сил соответствующей концепции человека, истории и общества. Подлинность и реальность этой и любой другой идеализации выявляется в процессе ее реализации, но поддается и предварительной верификации в двух звеньях политического процесса: отношениях повод/проект — средство и средство — цель.

Важное свойство политического процесса — дискретность политики и ее реализации. Значительные цели достигаются последовательно через ряд этапов, на которых преследуются частные конкретные или промежуточные цели. Если экстремальные цели постоянны, частные временны и составляют цепь целей, достижение которых приближает к общей цели. Это цели конкретной деятельности, хотя и они могут быть общезначимыми: общественного развития, выхода из кризиса, сохранения мира, и т.п. Существенно другое: частные цели, интересы, проект и средства ближе друг к другу во времени и пространстве. Это обстоятельство помогает обеспечивать и контролировать их взаимную адекватность. Обычно, впрочем, именно на частных этапах осуществления политики возникают несоответствия элементов политического процесса и накапливаются отклонения от избранных целей. В результате и общий

вектор политики может удалиться от конечной цели. Этот же результат может быть получен при несогласовании общей и частных целей.

К идеальной, абстрактно-общей цели приближает такая частная цель, которая соотносится с общей как особенное, воплощающее всеобщее, и потому способное стать самоцелью, как и сама общая цель. Иначе частная цель выступает как отчуждение идеальной цели, становится формальной по отношению к ней. Происходит нарушение процесса и принципа идеализации, утрачиваются идеальные побуждающие мотивы реализации политики. Тем самым нарушаются и проектные отношения повода, цели и средства.

Диалектика отношений в цепи политического целеполагания известна. Она может быть сведена к следующим нескольким положениям. Основное нарушение согласования между элементами политического процесса связано именно с утратой внутренних импульсов, исходящих от исходной, формирующей инстанции. Нарушения могут возникать уже в самом начале процесса идеализации, если определение политики и ее целей совершается ошибочно (идеальный аналог не адекватен действительности, а идеальная модель мыслимого будущего не может быть из нее выведена). Далее, формирующая и исполняющая политический проект инстанция власти не отвечает по каким-либо признакам характеру задачи — это обычная в политике ситуация (неэффективность власти). Власть может вообще не получить идеального импульса или не воспринять его (например, при несогласованных действиях проектирующих и исполняющих органов политического управления). Тогда происходит разобщение теоретической и практической политической деятельности. Переход политики к практике без внутренних идеальных побуждений становится формальным актом. Власть оказывается средством проведения политики, лишенной

цели. Но дисфункциями первого участка цепи повод/проект — средство девиации политического процесса не ограничиваются.

Аналогичные нарушения могут происходить и на участке отношений средство—цель и по сходным причинам. Если исключить из них определение цели без средства для ее достижения (явная утопическая ситуация — проектирование цели при отсутствии, недостатке власти, способной ее реализовать), т.е. гиперидеализацию политического целеполагания, остается наиболее частое в реальной политике сочетание: рассогласование средства и цели, наличной власти и замысла. При всей простоте этой привычной в политике ситуации она нуждается в некотором разъяснении, которое может, по-видимому, прояснить действительную природу ее утопического начала.

Отношения, связывающие средство (власть) и цель (объект целеполагания), их взаимная зависимость и необходимость объясняются общностью их содержания. Оно структурно, в средстве есть содержание, которое соотносится с целью. Средство и цель связаны общим содержанием (скажем, политика сотрудничества, заключение соответствующих соглашений и установление мирных отношений между государствами). Как известно, средство (политическая власть) выступает причиной цели как следствия политического действия, результат политической практики, цель определяется средством. Гегель обратил внимание на онтологическую специфику средства и цели: средство обладает той «всеобщностью наличного бытия», которой лишена цель — «субъективная единичность»⁴⁶. В этом «преимущество» средства, ибо «единичность» цели не объективна, цель не существует иначе, чем идеал, замысел (в этом смысле она и «субъективна»). Средство поэтому и есть определенность цели (объекта целеполагания). Но это «преимущество», если так продолжить анализ, оказывается условием того, что власть, утрачивающая связи с целью, внешняя по отно-

шению к идеалу целей, иначе говоря, деятельность, лишенная идеальных установок, становится сама целью политики, превращается в ее частичную цель. Идеальный замысел, эта «субъективная единичность» утрачивает самоцельный характер и выступает как средство для самоцельной политической деятельности. Конкретные частные цели становятся ее непосредственной причиной. Общая идеальная цель оказывается утопической, поскольку приближение к ней делается невозможным и перестает быть задачей проекта либо остается лишь формальным обозначением этой задачи.

Средство имеет и другое содержание, которое связывает его с деятельностью, это власть как средство реализации политики. Очевидно, в только что рассмотренном случае именно это содержание и должно возобладать вместе с утратой содержательного отношения с целью.

Однако существует и другое различие между средством и целью (властью — целью политики), которое выявляет прерогативы политики, хотя оно побудило Гегеля говорить о средстве как «более высоком», «почтенном», чем цель. Дело в том, что человек владеет своими средствами, они находятся в его власти, он властен над своей деятельностью⁴⁷. Но он не властен над целью, его деятельность скорее подчинена ей. Власть, иначе говоря, подчинена идеализации в политическом процессе. Подчинение власти цели, понимаемой как историческая (или общественная) необходимость — важный фактор адекватности средств и цели. Но если в самой идеализации заложена ошибка, цель определена либо неверно, либо в ходе ее реализации возникла опасность, что реальный политический процесс может привести к непредусмотренным результатам, этот фактор способен проявиться так, как говорилась выше: средство может превратиться в самоцель. Мы возвращаемся к начальному отношению повод/цель — средство:

средство функционирует так, как если бы оно соответствовало замыслу, в действительности же оно обособилось от него.

Итак, при осуществлении властью политики могут возникнуть процессуальные отношения, способные породить утопические или параутопические явления в политическом сознании, в теории и политике. Что это возможно и почему, в чем они состоят, еще требуется, естественно, показать.

Таким образом, основными причинами утопических явлений – пока мы их называем в самом общем виде – и участками политического процесса, где они возможны, можно предполагать:

1. Противоречия общества: столкновение политики и истории.

2. Противоречия между политическими и другими общественными процессами.

3. Противоречия самого политического процесса:

а) несоответствие между теоретической и практической политической деятельностью;

б) несоответствие между уровнем политической деятельности (властью) и интересами, задачами правящих сил и/или других частей (классов, групп) общества, общества в целом;

в) несоответствие между интересами, задачами и целями разных частей общества;

г) несоответствие между практической политикой (деятельностью власти) и поставленными целями;

д) несоответствие между целями политики и методами власти.

Ошибки политики и утопия ошибок

Возможность утопии в реальном политическом процессе означает, что место политической утопии отнюдь не отсутствует, как это предполагается в социальной

утопии. Возможность эта, как мы стремились показать, состоит в различного рода рассогласованиях в структуре политических отношений и политической деятельности. Но ни противоречия, ни ошибки, ни заблуждения, ни относительность знания и даже намеренное отклонение от познанной действительности и ее закономерностей, конечно, еще не являются утопией. Утопия, как видно, начинается там, где ошибка не обнаружена, но политический проект остается в силе, сохраняется убеждение в его истинности и деятельность власти осуществляется согласно этому проекту. Это, так сказать, неявная утопия. Она становится явной и обретает особые черты, когда заблуждение, дисфункции в политике и отправлении власти распознаны, однако проект и политическая деятельность не изменяются, остается в силе, как говорил В.И. Ленин, то пожелание, которое никогда не исполнится. В целом такого рода утопические явления можно считать субъективными. Их следствие – появление утопического сознания. Естественно предположить, что существуют объективные условия и причины возникновения подобного сознания. Этот вопрос мы теперь попробуем осветить. Для политической утопии он особенно важен. Но прежде, чем перейти к нему, напомним, что политика объединяет объективное и субъективное, науку и искусство, случайное и закономерное. Поэтому есть основание рассматривать проблему возникновения утопии в процессе осуществления политической власти в ее самом сильном, как представляется, пункте: научного подхода к политике. Одновременно мы перейдем от логико-категориального описания этого процесса к его более близкому к действительности конкретному анализу. Он призван выяснить, не порождаются ли в политическом процессе какие-либо объективные условия для возникновения утопии в той или иной ее форме. Господствующее в политической теории стремление повысить меру

объективного научного знания в политике и оснастить его инструментарием современного научного исследования направлено на изживание утопического сознания из сферы политики. При каких условиях такая цель осуществима – это тоже вопрос, требующий ответа. Средством, позволяющим его дать или по крайней мере наметить, может служить онтологическое и эпистемологическое исследование феномена власти и политики.

В целом философский анализ политического проекта, а значит, и соответствующей политической теории и практики власти, подобен исследованию научного познания с его проблематикой материального и идеального, объективного и субъективного, абсолютной и относительной истины (теории, проекта, модели будущего), взаимной согласованности знания и опыта, сравнения и проверки теории и практики, соотношения чувственного и рационального, эмпирического и теоретического знания, диалектики рационального доверия (к политике, власти) и безотчетной веры в рациональность науки и политики и др. Отметим еще одну из них – проблему сомнения. В философии науки она привлекла к себе внимание давно, со времен Декарта и продолжает подвергаться исследованию и в наше время. В философии политики, не говоря уж о политической теории и практике эта проблема не менее, если не более, актуальна. Она связана и с проблемой утопического сознания. Не входя здесь в подлинное обсуждение этой проблемы, отметим, что утопическое отношение к явлениям политики возникает именно в тех случаях, когда они *не* подвергаются сомнению, о чем уже шла речь выше. Назовем этот случай оптимистической (по отношению к результату политики) утопией. По-видимому, возможен и вариант пессимистической утопии: выражение необоснованного сомнения и построение на этой основе альтернативного проекта. Отметим дополнительно, что проблема методологических, логичес-

ких, идеологических, эмпирических и пр. оснований сомнения, проверки и обоснования *в политике*, по-видимому, еще ждет решения. В этой связи есть основание вновь, теперь уже в более осязаемой форме рассмотреть начальный этап политического целеполагания – образование цели.

Идея политической цели возникает на грани объективного и субъективного, естественного (т.е. сущего, данного), реального и желаемого, ожидаемого, рационально сконструированного или воображаемого. Различие между мифом и идеальным замыслом, видимо, в степени соответствия конструированного мира с реальной деятельностью, сущностью вещей и их человеческим смыслом, соответствии идеальной, мысленной формы знания о мире с реальным миром и действительным положением в нем человека. Политическому расчету, реальному проекту на стадии целеполагания присуще то мысленное преобразование мира, которое свойственно и мифологии, и утопии. В этом свойстве кроется возможность ограничения преобразования мира мыслительной деятельностью: «всякая мифология преодолевает, подчиняет и преобразовывает силы природы в воображении и при помощи воображения»⁴⁸. Для перехода от воображаемого к практике «необходимо преобразование самого воображаемого». Цель как абстрактно общее – это идеализированный объект, мысленное образование. Его появление закономерно в политическом процессе на ранней стадии проектирования. На начальном этапе идеализации проект неизбежно выглядит как теоретическое утверждение, соотносимое с идеализированным объектом. Но в этом утверждении идеальный образ мира уже дается средствами рационального познания как его объяснение, как необходимость, неизбежный результат выполнения плана (в который перерабатывается проект). Как неизбежное будущее событие, модель будущего, политическая цель

может качественно и количественно оцениваться. Идеальное выступает в ней как предельное качество (содержание). Идеализированный объект в конкретном проекте предстает как целостная, внутренне дифференцированная система, поддающаяся на стадии проектирования формализации, а в этом случае – и математическому анализу, исчислению вероятности его реализации. Сама идеализация конкретного проекта при этом состоит, напомним это, не в превращении цели в абсолют, а в принципе целеполагания – одушевлении исполнения интерьеризированными стимулами. Реально она состоит не только из образов, схем, операций (мысленный эксперимент, разработка теоретических моделей и т.п.), необходимых для выбора стратегии данного политического процесса политикой, соответствующей теории и практике этого процесса⁴⁹.

Идеализация, призванная обеспечить реализацию политической цели и рационализировать политический проект, обращена между тем к сложному миру человеческой субъективности. В этом ее потенциальная двойственность.

Идеализация проекта, которая выше оценивалась как внутреннее побуждение, требует уточнения: внутренней она должна быть по отношению к проекту и его реализации, т.е. органически присущей и непротиворечивой, вносящей в весь процесс реализации направляющее, векторное действие идеала, не позволяющее выпустить из вида идеал-цель. Субъективно идеализация выступает внутренней как интерьеризирование внешнего по отношению к конкретному исполнителю побуждения, которое становится убеждением.

Убежденность, однако, может оказаться в определенном смысле автономной по отношению к проекту. Она способна эволюционировать иным темпом и в другое время, и в другом смысле, чем сам проект и исполняющая его власть. Они могут перестать совпадать и по

содержанию. И если проект осуществляется без внутренних стимулов (уже отмеченный выше дефект идеализации) и оттого утрачивает смысл, то и внутреннее убеждение в ложном проекте — это уже явление утопического сознания.

Убеждение означает доверие к политическому замыслу, исполняющей власти, ее методам и возможностям (техническим средствам) и самой цели. Неконтролируемое, безотчетное доверие переходит в веру. Возникновение веры создает условие для формирования утопического сознания. Так называемая разумная, а не безотчетная, вера сама по себе отнюдь не является фактом утопического сознания или порождающим его фактом. Дело в том, что и доверие может не быть основано на знании, не становясь, однако, безосновательным. Такое доверие-веру можно, по-видимому, считать естественным, поскольку не все исходные идеи замысла, не все его поводы, условия исполнения, действующие средства и, наконец, аспекты цели могут быть известны исполнителям, а в некоторых политических проектах и не должны быть известны. Затем, не все известное о проекте может и должно быть оценено участниками проекта. Существуют, далее, различные степени вовлеченности в проект, разные уровни компетенции его участников — отсюда многообразие переходов от полного, постоянно верифицируемого знания до доверия этому знанию и веры в то, что такое знание существует. Но ложные ситуации в этой цепи отношений непременно порождают утопические представления.

Анализ цели уже ставит политическую теорию перед сложными проблемами, разрешить которые невозможно, не прибегая к средствам, разработанным современными исследователями науки. И хотя политика все-таки не наука в полном смысле слова, а сама теория научного познания далеко не всеведуща, попытка использовать ее для анализа политического процесса пред-

ставляется плодотворной. Исследователи науки затратили немало усилий, чтобы разработать достаточно широко применимую методологию, которую можно в общих чертах применить и к политике. Стремление максимально рационализировать познание побудило их разрабатывать некий познавательный идеал «истинного, универсального, точного номологически-эмпирического знания» в рамках познавательной программы рационального действия⁵⁰.

Осуществление власти для реализации политического проекта может быть рассмотрено с точки зрения общего алгоритма системного подхода: 1) выявление проблемной ситуации (в данном случае – интересов и потребностей в наличных или ожидающихся условиях); 2) выявление цели; 3) выбор способов достижения цели (функций, возможностей, методов власти); 4) определение структуры системы (политического процесса, связанного с реализацией проекта); 5) оценка внешних условий⁵¹.

Принципиальная схема такого подхода может быть до известной степени конкретизирована при формировании политического проекта с точки зрения методологии конструирования и прогнозирования. Например: генезис логико-категориальной системы (ее исходных понятий) теории данного политического процесса; развертывание ее содержания и его воплощения в системной (формализованной или нет) форме; определение основных этапов осуществления проекта с экстраполяцией в будущее выявленных теорий процесса закономерностей, противоречий, логически возможных будущих состояний и т.п.; определение способов достижения цели, формирования новых политических объектов⁵².

Видимо, впрочем, непосредственное приложение в политической теории логико-методологических концепций и формализованных методов не всегда возможно. Его может облегчить философское рассуждение, рас-

познающее методы и средства истинные и ложные с точки зрения эффективности политики. Позволим себе заметить в этой связи, что философия политики и выступает при анализе власти как своего рода такая связующая регулятивная теория познания деятельности, составляющей функцию власти. Поэтому она охватывает онтологию политического процесса, его эпистемологические аспекты, анализ таких категорий в политике, как целеполагание, цель, идеализация, истина, правильность, рациональность, такие проблемы, как критерии и регулятивные факторы рационального действия, рациональной теории и практики и т.д.

Залогом антиутопической практики принято считать рациональность теории и деятельности. Прежде чем поближе рассмотреть соотношение рационального и утопического, остановимся на критериях рациональной политики.

Рациональной политикой власти, осуществляющей политический проект (разработанный ею же или при ее участии, или предписанной ей), можно считать выполнение программы, а) основанной на фундаментальной концепции общества и построенной, исходя из нее, теории данного процесса; б) адекватно отображающей действительность законы и тенденции ее изменения, реальное «пространство возможного»; в) исходящую из представления о данном политическом процессе как о системе, способной развиваться и активно взаимодействовать с другими системами (со средой), внутренне когерентной; г) преследующей соответствующую возможностям цель; д) обладающей средствами полной реализации своих собственных возможностей; е) способной критически оценивать результаты выполнения программы.

Понятие рационального в применении к политическому процессу осуществления власти имеет и гносеологический аспект, поскольку речь идет о познании

политической и иной действительности и моделировании не только ее настоящих, но и будущих ситуаций. Но рационализм в политическом процессе не ограничивается теорией, это также и рациональная практика власти. Правда, в связи с особенностями самого процесса, когда рациональное знание обращено на такие объекты, как «возможность», «вероятность», «предпочтение», ограничено анализом и упорядочиванием логики самого процесса, ситуативной, по необходимости, оно в преобладающей мере направлено на организацию политического процесса и в этой функции прежде всего обеспечивает его эффективность. За пределами этого рационализма остается действительность (как политическая, так и иная), которая ему не подвластна. Вместе со значительной долей случайных, субъективных эмотивных, непознанных или ложно интерпретированных факторов политики отмеченная особенность ограничивает возможности рационализма в отправлении власти с целью осуществления политического проекта. Обозначенные ранее дисфункции политического процесса способны частично или полностью превратить рациональный проект в субоптимальный и более того — в рациональную утопию.

Политический проект — это результат индуктивного рассуждения, которое делает вывод не гарантированным, но правдоподобным (при соблюдении определенных условий). Наиболее близкой к политическому проекту, видимо, будет семантическая концепция логической вероятности, согласно которой степень вероятности события определяется подтверждением одного высказывания — другими, включая подтверждение политической гипотезы доступными эмпирическими данными.

Исчисление вероятности проектируемого события связано с идеализацией проекта. Интеръоризованная идеализация проекта через доверие к нему, к самой причине идеализации, цели и средствам проекта ведет

к вере в его успех (появление события, обозначенного целью). Это обстоятельство – важный субъективный фактор политического проекта, что сказывается в интерпретации вероятности: субъективная (познавательная, практическая) деятельность как фактор повышения вероятности в условиях неопределенности проекта.

Проект может быть составлен как теория решения экстремальной задачи в условиях вероятностной неопределенности, но при информации об априорных вероятностях каждой из возможных ситуаций (например, моделей конфликтов и данных о возможной стратегии сторон).

Проект, составленный с применением теории игр, должен выработать в самом начале целеполагания целесообразное поведение власти для данного класса задач, определить ее стратегию и, если речь идет о конфликте (внутреннем или внешнем), оптимальные стратегии других участников конфликта (или контрагентов при необходимости совместного решения какой-либо проблемы).

Существенно важен вопрос об интерпретации данных, т.е. о наличии идеологии, мировоззрения и теории, позволяющих ориентироваться в потоке информации, ее отборе и использовании. Это и есть идейно-теоретическая позиция создателей политического проекта. В рамках этой позиции осуществляется первый – теоретический – этап проверки проекта, приближения идеальной модели политической действительности к этой действительности.

Применение формализованных средств, естественно, не заменяет фундаментальных концепций политического процесса, которые образуют «язык» политической теории и конкретного политического процесса. Поэтому попытки восполнить отсутствующую теорию формализованными средствами анализа эмпирических данных, разработки методов, направлений проектиро-

вания и т.п. с помощью таких средств чреватые утопическими иллюзиями. На этой почве возникает миф исчерпывающего описания данных, создания безупречного языка истинных предложений наблюдений и обобщения с целью их формализованной обработки (средствами того или иного теоретического исчисления), затем – эффективного объяснения полученных данных теми же средствами, то есть поиска необходимых для проекта гипотез и исчисления их вероятности (первоначальной, нулевой, альтернативной ей и т.д.). Мифом является, во всяком случае, возможность подобного рода рациональными средствами разрабатывать адекватные идеи (гипотезы, как принято говорить) политической теории и соответствующего проекта на базе формализованных методов, исчерпать ими теоретические и практические критерии политического действия. Суть мифического в этом случае не просто в попытке фетишизировать одно, достаточно сильное, но по сути своей вспомогательное техническое средство и вытеснить другое, определяющее, а и в том, что это последнее на деле остается, но в неявной, скрытой и превращенной форме: либо за формализмом стоит нередко апологетическая идеологическая установка на оправдание неэксплицированной теории, либо отсутствует подлинная теория, но в обоих случаях – несомненна идеологическая подоплека всякого методологического техницизма – семантического, логического, математического и пр. Не замечать этого значит создавать утопическую ситуацию в методологии политического проектирования. Поэтому в проверке истинности, соответствия действительности и осуществимости с целью демаркации реальности и утопии подлежит прежде всего теоретическая и идеологическая основа проекта, какой бы вспомогательной техникой она ни подкреплялась. Этот достаточно хорошо известный вывод, однако, не тривиален. Его актуальность не убывает: объективные и субъективные трудности теоретической проверки теории (а также проек-

та), специфика проверки практикой (непрерывность корректирования проекта по мере его осуществления) вносят в исполнение неизбежную дозу прагматизма, оставляют часть проекта не охваченной рациональной оценкой, допускают, следовательно, участие веры в допустимость использованных, но на деле недопустимых элементов политического процесса, а следовательно, не исключают и появление утопических явлений.

Использование формализованных средств принятия решений, поддающихся применению математических методов (линейного программирования и др.), предназначено рационализировать целеполагание, принятие решений и проектирование, а также исполнение решений, – словом, весь политический процесс от постановки цели до ее достижения. Стремление оснастить его научно-техническими средствами оправдано и неизбежно уже по той причине, что выбор цели и принятие проектного решения, выбор поведения – исторические категории и общее направление их развития – непрерывное усложнение проектирования. По мере же умножения и усложнения объективных и субъективных факторов политики и власти, в зависимости от их масштабов, необходимо усложняются и целеполагание и политическая практика, политический процесс превращается в динамическую систему возрастающей сложности, в которой изменяются и ее структура, и ее организация (число элементов, их функции и отношения между ними), отношения со средой (реактивное поведение системы), ее целевые характеристики (активное поведение), протекающих в ней процессов управления. Значительный политический проект – это большая эволюционирующая во времени система сложного поведения с большим числом элементов и взаимосвязей между ними и другими признаками, делающими направление ее к цели весьма трудной задачей. Разумеется, задача эта будет проще в относительно более про-

стных системах. Власть и политика руководителя производственным коллективом, малой социальной группой, естественно, не то же, что политическая власть городской администрации, государственная власть и т.п. Речь идет здесь, как и в других случаях, о принципиальной схеме власти и политики, которая, по-видимому, является в своей основе единой для всех форм политической власти.

Власть функционирует как система с активным поведением (что не исключает и ее реактивного поведения в ответ на воздействие среды – ее политического и иного окружения, на этом также строятся их взаимосвязи). Активность власти согласно семантике системной теории означает преобразование среды ради достижения цели, определяющей такое преобразование. Происходящие в подобной системе процессы управления (системы с активным поведением не могут функционировать без него) обеспечивают поведение субъекта управления (самой власти) и его объекта (общества или его части, включенной в данный процесс), определение и достижение цели и т.д.

Политика и власть как деятельность в политическом процессе

Анализ власти политики в политическом процессе может быть проведен с этих позиций как исследование структуры деятельности и ее элементов: смысла, цели, объективных условий, возможности, способа, средства, предмета и конечного продукта («праксеологическая» структура). Власть как деятельность представляется в такого рода анализе системой (системным объектом), образованной тремя группами необходимых и достаточных факторов: системообразующих – свойства (в данном случае это политическое содержание деятельнос-

ти) и конструкция (процессуальная), системопорождающих – целевое состояние (преследование идеальной цели, выполнение политического проекта), противоречие – проблемная ситуация (средство и цель, преодоление несоответствий, ограничений, организация средств и т.п.) и упорядочивающие, организующие систему – отношения между ее элементами – (правлящие силы, власть, управляемые: интересы, ценности, идеи, идеалы и т.д.).

Но и управляемый властью и направляемый ею к цели специальный объект системен. В зависимости от масштабов политического процесса изменяется степень сложности его системы. Так или иначе, управляемая социально-политическая система (классовая, групповая, общественная в целом), а в ряде случаев и неполитическая (научно-исследовательская, производственная и др.) превосходит по числу элементов и сложности управляющую. Это также система с активным и реактивным поведением, со своим управлением. Политический процесс с этой точки зрения происходит как взаимодействие двух систем – управляющей и управляемой. Однако собственное управление управляемой системы, возникающее как упорядочивающие ее отношения, действующие в обществе и его подсистемах (классах, общественных группах, ассоциациях, малых группах, профессиональных коллективах, национальных единствах и мн.др.), созданные самой властью, самостоятельные стихийные механизмы ее культурной, социальной, профессиональной организации находятся, как известно, в неоднозначных, порой противоречивых отношениях с управляющей системой власти.

Способность управляющей системы воздействовать на управляемую обеспечивается различием их системных свойств. Но управляющая система по своей информационной емкости должна соответствовать многообразию возможных состояний управляемой систе-

мы, в которых последняя может оказаться в процессе своего внутреннего развития или в результате воздействия на нее внешних факторов. Разнообразие состояний управляемой системы требует определенного разнообразия и организации управляющей системы. Если это соответствие нарушено, управление невозможно или малоэффективно. Если состояние системы измышлено, то управление на основе такого неадекватного представления о ней ведет не к уменьшению энтропии, а к ее увеличению, а это процесс, означающий нарастающий недостаток информации и уменьшение меры организации системы, и проявляется как появление и рост ее утопических свойств.

В плане информационной емкости управляющая система всегда беднее управляемой, но она не должна быть ниже определенного предела (предела необходимого разнообразия, по Эшби)⁵³. Согласно Эшби, разнообразие (неопределенность) в поведении управляемого объекта может быть уменьшено за счет соответствующего увеличения разнообразия, которым располагает субъект управления. Поэтому к свойствам управляющей системы предъявляется ряд требований – более высокая степень упорядоченности и организации, специфическая структура, созданная для выполнения целевых функций системы (включающая механизмы прямой и обратной связи с окружением, обмена информацией со средой, регулирования и т.д. и т.п.), относительно развитое целеполагание, более высокий уровень идеализации и т.д. Если управляемая система по всем этим или некоторым характеристикам превосходит управляющую, возникновение утопических ситуаций неизбежно: управляющие действия власти не окажут регулирующего влияния на управляемую систему, она будет эволюционировать по правилам собственного самоуправления. Политические цели власти могут при этом оказаться неосуществимыми. Непонимание этого и всякие попытки реализовать

проект несомненно приведут к утопическим решениям. Если же несоответствие систем своевременно обнаружено, их взаимодействие может быть реорганизовано: устраняются утопические тенденции политического проекта, дефекты власти, повышается ее качество либо изменяется сам проект. Возможна и иная реорганизация, когда производятся изменения не управляющей системы, а управляемой с целью понизить уровень ее упорядоченности и управления. Это участь репрессивных режимов, последний крупный пример – гитлеризм, применивший именно такой метод (наряду, впрочем, с повышением уровня организации власти, но при этом репрессивной по своей сути): разгром рабочего движения оппозиционных партий, частично и церкви, моральная деградация человека и другие хорошо известные приемы подавления. Утопическая ситуация таким способом адаптации не изживалась и не преодолевалась – отметим это здесь же, пользуясь характерным примером. Она переводилась на более высокий уровень (утопии тотальной победы, мирового господства и т.д.).

Управление и регулирование в политическом процессе

Цель управления, преследующего в какой-то мере общезначимые позитивные задачи (вспомним проблему перфекционизма) – перевод управляемой системы в более высокое упорядоченное состояние. В этом случае взаимодействие систем происходит как регулирование извне и самовоздействие – саморегулирование в самой управляемой системе.

Поскольку объект регулирования в социальной сфере – сознательно-волевая деятельность людей, управление осуществляется нормативными средствами и проявляется как планирование и программирование пове-

дения. С учетом этого формулируется известный принцип: ни одна сложная система не может быть управляемой только посредством предписываемых извне правил. Упорядочивающее действие регулятора дополняется в таких случаях действием внутри самой системы — саморегулированием, что означает необходимость интерьоризации управляющих воздействий, превращающихся в принципы поведения объекта управления.

В процессе интерьоризации внешних управляющих воздействий они превращаются во внутренние убеждения, трансформируются в ценностные ориентации. Они, как и знания, не остаются постоянными, напротив, значительная часть их может сравнительно быстро меняться, устаревать, заменяться другими, поэтому позитивно — с точки зрения власти — ориентированные убеждения нуждаются в постоянной поддержке, обновлении.

Идеи, внесенные в сознание людей, становятся благоприятными внутренними условиями, определяющими эффективность управления. Полнота перехода знаний и полученных извне импульсов в убеждения во многом определяется действенностью власти и умением использовать ее как средство успешного управления.

Интерьоризация осуществляется, однако, на основе все того же воздействия извне, т.е. регулирования. К средствам этого воздействия, к которым прибегают различные эшелоны власти, относятся правила поведения (правовые, нравственные, обычаи, политические убеждения, нормы общежития и др. указания, направленные на упорядочение поведения объекта в типичных ситуациях). Правила соблюдаются либо в силу убежденности, либо в силу выбора, который убеждает в целесообразности следования им, либо посредством навязывания (принуждения) плана и программы поведения, связанных с определением целей и потребностей объекта и субъекта управления.

Соотношение регулирования и саморегулирования можно рассматривать как фактор упорядочивающих воздействий на тот или иной социальный процесс в целях реализации политической программы и как меру эффективности власти, направления политического проекта к определенной цели и поддержания его в определенных границах.

Действительно, исследование индивидуального и группового поведения показывает, что внешнее регулирование его осуществимо лишь в той мере, в какой возможно непосредственное контролирование различных элементов поведения объекта управления. Однако значительная часть последних неизбежно скрыта от внешнего контроля. Чем сложнее система, тем меньше возможности охватить контролем поведение всех ее элементов — индивидов, малые и большие группы и воздействовать на него. Отсюда и эмпирический вывод, что наиболее эффективным методом управления является организация такой системы воздействия, которая ведет к превращению общественных норм в органически усвоенные принципы поведения людей.

Проблема эта известна политической философии. Ее интерпретировал Гегель в терминах дуализма государства и гражданского общества и затем реинтерпретировал Маркс в «Критике гегелевской философии права» «как конфликт общества и власти». В этой связи мы остановимся на проблеме политической нормы, на основании которой осуществляется управление и определяется должное поведение.

Как известно, «гражданское общество» Гегеля обладает реальностью конкретного бытия, но именно поэтому присуще ему сознание, «публичное сознание» народа, или практическое сознание, оказывается лишь эмпирической реальностью государственного сознания. Это последнее и только оно поднимается до сознания всеобщего интереса, знания того, чего хочет сущая в

себе и для себя воля, разум, до подлинно всеобщего, которое не имеет ничего общего с эмпирической реальностью и не является делом народа⁵⁴. Поэтому собственно политическим (государственным) является только сознание, обособившееся от гражданского общества, функционирующее как продукт обособленных от общества носителей государственного сознания (жречества, бюрократии, идеологов правящего класса и т.п.).

Маркс показал, что отношения этих двух форм сознания в действительности обратное, что из двух противоположных друг другу сознаний одно отражает общенародные и соответствующие сущности подлинного государства интересы, другое — интересы неподлинного, отчужденного государства, функционирующего в абстрактно-всеобщем виде. В конфликте общества и власти выявляется политическое самосознание гражданского общества. Абстрактно-всеобщая (превращенная) форма государства, неподлинное выражение его общественной сущности функционирует как особая, отделенная от общества сфера⁵⁵.

Здесь мы вернемся к проблеме нормативного управления. Мы уже отмечали абстрактную возможность превращения нормы в утопию. Такого исхода, естественно, избегает любое общество — это стремление проявляется как желание добиваться исполнения решений и реализации всего того процесса интерьоризации, о котором говорилось перед этим.

Иная нормативность порождается той самой сферой «государственного формализма», воплощенного в бюрократии, которая создает свои нормы, согласно которым осуществляется деятельность власти и управляется общество. «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание,

а содержание за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи — в государственные»⁵⁶.

«Для бюрократа, — писал Маркс, — мир есть просто объект его деятельности»⁵⁷. Но утопия целей не иррациональна, как и вообще политическая утопия, она рациональна, и Маркс это показал: «Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть *иерархия знания*. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»⁵⁸. Это взаимное заблуждение относительно целей и средств проекта и его истинных результатов основано на нежелании открывать истинное их соотношение: «Всеобщий дух бюрократии есть *тайна*, таинство»⁵⁹. Утопия подлинности власти, которая скрыта в этой тайне, отнюдь не прерогатива бюрократического сознания, какой-либо политической архаики. Не случайно же П.Рикёр определяет политику как «чистую дезабсолютизированную общественную службу», как «искусство управлять и выступать арбитром в конфликтах»⁶⁰.

Глубоко преобразается в этой утопической ситуации и весь процесс интерьоризации норм: норма оказывается утопической. Между тем нормативная политика призвана служить антиутопической мерой, повышающей эффективность власти. В принципе норма должна быть равнозначна закону данной политической системы или одной из ее частей, функции и т.д. Так и бывает в политической действительности, если она не трансформирована утопией. В этой связи следует расшеять одно недоразумение.

Существует мнение (идушее от постпозитивистской критики утопии), что утопия в принципе не верифицируема, но с этой точки зрения не верифицируема

и нормативная политика, коль скоро норма, как и утопия, представляет собой абстракцию действительности, выведенную из ее критики, идеал, который сам критике не подлежит⁶¹ (этот взгляд на нормативную политику известен уже Гоббсу). Действительное существование нормы в политике иное, на деле и она, и политическая утопия верифицируются теорией и практикой. И эта верификация выявляет утопизм политической нормы, возникающий при определенных общественных условиях, что и показал Маркс.

Вопрос об эффективности власти отнюдь не исчерпывает анализ ее функционирования в политическом проекте, ее взаимодействия с обществом. Мы еще не называли некоторые вещественные и энергетические факторы развертывания политического процесса (его оснащение техникой, связи с материальными видами деятельности), а также весьма важные экологические аспекты политики. Взаимосвязь с естественным и искусственным природным окружением играет немалую и, по-видимому, постоянно возрастающую роль в осуществлении многих, особенно крупномасштабных политических проектов. Наличие или отсутствие сырьевых и энергетических ресурсов определяет многие внешнеполитические замыслы (политику сближения между странами, соперничества из-за ресурсов, внешнюю экспансию, изоляционизм и т.п.). Но и относительно более элементарные проявления власти могут в значительной мере зависеть от их материального (технического) обеспечения. Здесь, как нетрудно убедиться, кроется богатый источник утопических явлений политического сознания и утопических решений в политической практике. Достаточно напомнить о проблеме технической компетенции (как власти, так и исполнителей) – она вполне аналогична политической компетенции власти. Все, что зиждется в политическом проекте на неоправданных надеждах, легко превращается в утопическую

веру. Природа (естественная) в этом отношении особенно коварна, особенно потому, что знание природы для исполнения целого ряда политических проектов необходимо, но именно оно и оказывается слишком неполным. К таким проектам относятся, например, решения, связанные с выбором приоритетов, организации и размещения промышленности, при перемещении населения, определении технической политики, проведении военных действий и т.п. С политическими проектами связаны надежды на технические революции в области электроники и быстродействующей связи (микропроцессорная революция, телематическая и т.п.). Утопия силы может принимать и научно-технический и экономический варианты, если властвующие силы видят в них инструмент гегемонии и делают ставку на них в политических проектах и действиях, которых те не могут обеспечить, например, в расчете на монополию знания, технического новаторства, производственных возможностей и т.п. Общественна и роль географического фактора политики – и внутренней и внешней. С ним связано возникновение особого вида утопии – утопии географического пространства. В цели политики всегда входила проблематика территории – своей, чужой, спорной, бесспорной, ее охрана, расширение, освоение и т.д. Утопия пространства порождается, как представляется, попыткой заменить решение политических, социальных, экономических и иных проблем изменением пространственных измерений (политического пространства) подвластной или подконтрольной территории завоеванием, колонизацией, подчинением. На решениях такого рода построены некоторые концепции геополитики. Она не является непременно и всегда негативной, но в недавнем прошлом эта наука послужила созданию нацистской утопии жизненного пространства, на котором должны были быть решены проблемы гитлеризма.

Эффективность политического процесса. Реальность и иллюзии

Политический процесс и проблемы власти можно анализировать лишь в очень широком контексте множественных процессов, изменений, в «мегасистеме» общественных отношений, связей, взаимосвязей. Такой анализ необходимо должен быть многоаспектным, так же, как и анализ политической утопии, который здесь был начат с наиболее общих категориальных схем, затем включил системный и проблемный обзор.

Постараемся осветить хотя бы бегло вопрос, который возникает при анализе только что рассмотренного процесса управления: от чего зависит его эффективность, а следовательно, и эффективность власти. О некоторых условиях ее уже шла речь выше. Но есть еще одно, главное: это эффективность всего политического процесса в целом и всех его слагаемых в отдельности, гомогенность этого процесса, его непротиворечивость. И если можно полагать, что это условие обеспечивается действием власти, то не менее справедливым будет сказать, что это действие, его количество и качество в свою очередь зависит от развития, функционирования управляемого властью объекта. Если им является общество, то мы снова должны повторить то, что уже неоднократно говорили: взаимодействие и взаимное соответствие политической власти и общества обеспечивают успешное протекание политического проекта.

Есть, стало быть, основание говорить об эффективности *общественного* процесса как общего условия эффективного функционирования власти и осуществления политики. Это центральная проблема и идея общественного развития, и к ней привлечено внимание общественной, экономической и политической теории. Эффективность общественного процесса – залог предотвращения утопии, спокойного отношения к ней и

своевременного изживания, понимания того, как в действительности живет утопия в обществе, из которого она в принципе не может быть изгнана. Но прежде остановимся еще на одном виде утопии, лежащей в области теории, но имеющей отношение к непосредственному политическому процессу: утопии времени, или утопии будущего.

Власть обращена к настоящему и к будущему, к тому, что требуется выполнить в данный момент и что должно принести свои плоды в каком-то близком или отдаленном времени. Политика в этом смысле сродни прогнозированию⁶², но и на примере прогностического процесса мы можем еще раз рассмотреть и проверить сказанное выше о политическом проекте и его рационализации. Это тем более имеет смысл, что прогнозировать можно и политические события, и политическое поведение самых различных объектов – от индивидов, групп до классов и общества, государства, групп государств, – словом, тот или иной политический процесс. Не обращаясь, впрочем, к его конкретным примерам, остановимся вкратце на некоторых принципах и характерных аспектах прогнозирования.

Прогнозирование, как известно, исходит из неизбежной, в принципе неустранимой неполноты информации, используемой при моделировании, относительности знания об объекте (который рассматривается как неполно познанная система) и о большой системе, в которую он входит, составляющей его окружение и фактор его изменения, не говоря об очевидной ограниченности представлений о будущих состояниях этого объекта. Неполным, относительным будет также знание и систем отсчета при анализе развивающихся систем, разрешающей способности анализа различий между их элементами⁶³ и т.д. Прогностика достаточно обоснованно считается с вероятностным характером всех рассматриваемых прогнозом параметров процесса. Это

особенно относится к ненаблюдаемому событию в будущем, которое расценивается как пространственно-временная область неопределенности (с точки зрения ее познания и вероятности событий), где осуществляется ожидаемое событие и объект приходит в предполагаемое состояние. Это и область применения воли, реализации целеполагания, проявления тех именно факторов, которые характеризуют политику. Поэтому прогнозирование включает в таких случаях (для соответствующих объектов) предикацию желаемых состояний объекта, то есть цели эволюции сложной системы в результате целенаправленной деятельности ее активной части – в интересующем нас случае – политики и власти.

Как в политическом, так и в прогностическом проекте важную роль играет учет возможного и вероятного в оценке событий. В таких проектах с точки зрения возможности приходится рассматривать все их элементы и фазы: время события и этапов процесса, пространство, в котором он осуществляется; состояние объекта, траекторию его изменения, цель проекта, его расчетный или произвольный результат.

Вероятность, которая характеризует возможность изменения этих параметров, в прогностике оценивается с точки зрения нарастания неопределенности по мере удаления от исходного состояния. В неуправляемых процессах такой динамике противопоставить нечего⁶⁴. Цель политики, напротив, противодействие как раз такому развитию возможностей и повышение их вероятности. Однако на деле и политике, как прогностике, приходится признавать неразрешимость тех или иных проблем или их разрешимость лишь на основе некоторого компромисса (так называемое оптимальное или субоптимальное решение).

Использование прогностических методов несомненно способствует повышению эффективности политического проектирования. Не случайно социально-по-

литическое прогнозирование приняло столь значительные масштабы в последние десятилетия⁶⁵. Такой, в частности, метод, как теория игр, не исключает (а даже предписывает в случае применения так называемых смешанных стратегий) принятие субъективных решений (введение случайного выбора решения в закономерный с точки зрения целесообразной стратегии процесс)⁶⁶. Далее, первоначально избранная стратегия при полной информации к началу политического проекта (т.н. игра в нормальной форме), – это скорее фикция, условность. На деле информация о поведении системы и ее взаимоотношениях со средой поступает непрерывно. Тогда процесс достижения цели в соответствии с заранее избранной стратегией направляется как непрерывный (или, во всяком случае, дискретный) процесс принятия решений на каждом этапе движения к конечной цели (это соответствует отмеченной выше закономерности перехода от одной конкретной частной цели к другой по мере реализации общей цели). Правда, и такой ход политического процесса учитывается формализованными методами (т.н. динамические игры), но как бы ни были отражены возможные в подобной ситуации проблемы (частная или полная утрата информации, ограничение информационной памяти, искажения, запаздывание информации и т.п.), очевидно, все вероятные ошибки с этой стороны не могут быть ни предупреждены, ни своевременно исправлены.

Аспект информации о действительности и о действиях по осуществлению проекта, равно как и о других данных, начиная с действительных интересов и замыслов создателей проекта, особенно уязвим с точки зрения утопических представлений. Их может порождать сама идея обладания исчерпывающими данными – хорошо известен технократический «миф о данных», утопия эмпиризма, согласно которой достаточно получить «все» необходимые сведения, чтобы построить не-

уязвимую теорию какого-либо политического или общественного явления, организовать всеобъемлющий учет, «оптимальное» планирование, создать непогрешимую модель развития и т.п.

Достаточно напомнить в этой связи, что «данными» для политического проекта будут не только объективные сведения о действительности, но и широкая гамма субъективных восприятий, ощущений, интуиций, настроений, актов воли и т.п. В абсолютный учет информации для проектирования они укладываются плохо.

Значительные проблемы вызывает, конечно, количество различных явлений (большая размерность задачи), возникающих в ходе осуществления политического проекта, которые можно отнести к так называемым стратегиям различных сил – участников проекта или его антагонистов. Соответственно значительно возрастает количество и сложность задач, шагов и процедур расчета проекта, а также альтернатив решения этих задач (наборов средств достижения цели) и, следовательно, оценок (и правил оценок) всего этого, очень упрощенного здесь (на деле же значительно более сложного) пути проектирования различных целей, применимого (и применяющегося) и в политике⁶⁷. Сложным оказывается и реальный процесс идеализации. Он включает не только определение идеальной цели и теоретических моделей проекта, но и выяснение их ограничений, объяснение данных, поиск гипотез, начиная с исходной (нулевой), ориентированной на общую цель, и ее альтернатив и т.д.⁶⁸. Над всей этой (крайне кратко обрисованной) теоретической, а затем и практической деятельностью, в анализ которой можно было бы углубляться сколь угодно далеко⁶⁹, доминирует социальная ситуация: необходимость получить определенный результат при данном состоянии проекта; невозможность ждать, когда будут преодолены всевозможные ограничения объективного и субъективного плана, ограничи-

вающие процедуры проектирования, а затем и выполнения плана и проблемная, не менее сложная ситуация. Она резюмируется в выводе о том, что ни один самый совершенный объективный метод не снимает проблемы адекватности этого метода преобразуемой им действительности, начиная с правильности исходных оценок. Наконец, решающий фактор политики: за всеми моделями, методами, расчетами остается реальное общество с его политикой, властью, его политическим творчеством и деятельностью, культурой, моралью, правосознанием, умонастроением и присущими ему идеологическими установками. Они и вносят в политический проект и действия власти существенные коррективы, нередко сводящие на нет научные расчеты.

Рациональность и иррациональность технологии политического процесса

Ранее нами была рассмотрена логико-категориальная схема создания и исполнения политического проекта и намечены возможные утопические следствия его дисфункций. Если обратиться теперь (на основании некоторых только что изложенных соображений) к реальному политическому процессу, можно наметить еще один ряд возможных коллизий осуществления политики и власти, чреватых неадекватными реакциями сознания:

- незавершенность (формальная и содержательная) проектирования;
- неполнота информации на разных (возможно, на всех) этапах создания и осуществления проекта;
- взаимные изменения проекта и реализуемой на его основе действительности (в результате вариативности плана и процесса его осуществления). В процессе аккумуляции этих изменений между началом и концом воплощения и сам проект способен значительно измениться;

— результат его выполнения также может не совпадать с проектным; особенно заметными могут быть отклонения от проектного времени достижения цели; возможны его смещения в пространстве («политическом пространстве»)70. Это, социальное в своей основе, явление имеет и известное онтологическое объяснение. Действительность, как отмечается исследователями общественного развития, асимметрична во времени в отношении бытия событий в прошлом, настоящем и будущем, а также и их соотношения и описания. Поэтому предопределение событий будущего невозможно, ибо однозначность их протекания не присуща самой объективной реальности. На этой почве и возникают утопии относительно происходящего изменения, его целей, методов и, конечно, результата.

От осознания присутствия — к построению теории

Теперь, когда условия и место возникновения актуальной утопии в какой-то мере определены, наступила очередь ответить, по мере возможности, на поставленные в начале главы вопросы: что же представляет собой политическая утопия? Как к ней относится теория, в чем состоит научная, социальная и идеологическая критика утопии? Какова ее судьба? Нам сразу же придется констатировать, что в обширной литературе, посвященной утопии, практически не рассматривается или почти не рассматривается актуальная утопия. Понятие «утопия» употребляется — и нередко — скорее то как упрек, то как метафора каких-либо заблуждений, но теории собственно политической утопии нет. Внимание исследователей привлекает социальная утопия (или дистопия) традиционного или нового, постклассического типа. Те из них, кто полагают, что анализируют политическую утопию, такие, как Барбара

Гудвин и Кейт Тейлор, в действительности просто не делают различий между нею и социальной утопией. В макромасштабном варианте утопии это различие, если политический проект имеет социальные цели, в самом деле исчезает. Но, как мы видели, политический проект и действия власти имеют любые масштабы, виды политической власти также различны, она не обязательно совпадает с государственной властью. Кроме того, политическая власть может иметь неполитические, в строгом смысле слова, цели, решая задачи управления многочисленными сферами социальной, материальной и духовной жизни общества. И наконец, мы уже известным образом определили актуальную политическую утопию как потенциальную, обладающую способностью актуализоваться, отмечали возможность эволюции политического сознания, теории и конкретного политического действия. Этим она принципиально отличается от привычной социальной утопии, отнесенной в будущее: к ней не ведет конкретный путь общественного развития.

Итак, развитой теории собственно политической утопии еще нет. Как бывает в таких случаях, более разработанной оказывается методология исследования других областей, где возникают сходные явления, хотя они в них не рассматриваются как утопические. Мы видели это, когда привлекали для анализа политической утопии схемы целеполагания, системных и прогностических исследований. Видимо, такого рода междисциплинарный подход может оказаться полезным для прояснения природы политической утопии и в теоретических, и в практических целях⁷¹. Особый интерес представляют исследования научного познания. Как и логика и методология науки, философская теория науки открыла целый мир проблем, образов, явлений, которые прямо относятся к проблеме утопического: проблемы истины, объективного знания, процедур его получения

и т.п. Основательное изучение обширной литературы по всем этим вопросам для использования в исследованиях власти и политики могло бы оказаться весьма плодотворным. Отметим здесь лишь некоторые общие черты эволюции утопического сознания и его воплощений, связанные с характеристикой политической утопии.

Как бы ни оценивалась утопия ее сторонниками и противниками, в целом утопическое сознание перестраивается и, отступая в явных проявлениях, теряя свои позиции и в социальных, и в естественных науках, одновременно глубже уходит в усложняющуюся ткань познания и практики, становясь неявной, утонченной, скрытой в формально рациональных формах. В естественных науках, откуда явная утопия была, казалось бы, изгнана еще раньше, чем из общественных, вместе с алхимией, магией, за ней осталась обширная гамма непознанного, неопределенного, вероятного, что и по сей день не исключает и утопического прожектерства в форме всевозможных научно-технических прогнозов и проектов. Перестраивается, таким образом, весь модус бытия утопии. Из добровольно принятой, прокламируемой она становится невольной, неосознанной, непроизвольной (за вычетом направленной утопической мифификации).

Отсюда и необходимость отнести к утопическому в сознании и практике как к более сложному и противоречивому явлению, чем простое игнорирование законов истории, общества, познания и т.п. (как обычно принято квалифицировать утопию), то есть осознанное, преднамеренное нежелание считаться с известными законами, продиктованное социальными, классовыми, идеологическими мотивами. Такой вид утопии действительно существует и встречается в политике (особенно в реакционном и апологетическом варианте). В этом случае, действительно, можно говорить об извращенном сознании. Однако законы того или иного

явления могут быть неизвестны агентам политической деятельности и тогда говорить о намеренном игнорировании их нет оснований, тем более, что соответствующие законы могут быть и не открыты. В подобном случае речь может идти о заблуждении, а это существенно изменяет и оценку утопии в зависимости от мотивов, объективных причин, порождающих иллюзорное сознание. Знание законов – важный, но не абсолютный антиутопический фактор, ибо есть желания, конкретные цели, идеальные установки, конъюнктурные расчеты и т.п.; закон может не реализоваться и т.д. Такая реалистическая позиция по отношению к утопии имеет первостепенное значение для анализа ее политической разновидности и оценки ее соотношения с действительностью.

В свете только что сказанного простым и полным определением политической утопии представляется неосуществимость проекта. Как видно, есть, однако, основание различать: 1) проект, временно неосуществимый при данных условиях, которые могут/будут изменяться, то есть потенциально осуществимый (например, возможность политическими средствами разрешить глобальную проблему международного неравенства); 2) осуществимый лишь в идеальной перспективе, но при теоретически возможных условиях (проведение глобальной политики экологически целесообразного природопользования всеми государствами мира); 3) неосуществимый ни при каких условиях (абсолютная утопия – скажем, всеобщее, в масштабах планеты, равное и единовременное участие населения в решении любых политических проблем).

По признаку возможности или невозможности⁷² может быть построена типология актуальной утопии⁷³. Диалектика вероятности возможного, соотносительность возможности с условиями реализации, позволяющими переход невозможного при данных условиях в возмож-

ное и реальное при других – это аргумент в пользу дифференцированного подхода к актуальной (политической) утопии. Он подкрепляется еще и тем соображением, что чаще всего речь идет, как мы стремились показать, о проекте, который имеет все признаки рационального целеполагания, в принципе отличного от привычных черт произвольного конструирования, характерного для социальной утопии.

Особое значение имеет субъективно обусловленная причинная типология политической утопии. С этой точки зрения политическая утопия может быть подразделена на:

1) непреднамеренную, возникающую на стадии идеального замысла как максималистский проект. Она связана с формированием модели проектируемого объекта, его идеального состояния (всеобщее равенство, преодоление пределов развития и т.п.). Такая утопия может быть преодолена при разработке плана и его реализации;

2) непреднамеренную, но и не устраненную вследствие незнания закономерностей данного явления, неполноты информации, неопределенности будущих состояний объекта и т.п. Она может быть отражена и закреплена в прогнозе, в проекте и плане его реализации и способна сделать этот проект неосуществимым. Такая утопия устойчива, она имеет тенденцию определять идеологию субъективированного целеполагания, волюнтаристского проектирования. Эта утопия чрезвычайно распространена в политике, в социально-политическом прогнозировании и проектировании, особенно там, где имеет место субъективизация входной информации, целей, методов, задач и т.д.;

3) преднамеренная, идеологически санкционированная, разрешенная и сознательно примененная утопия. Такая утопия признается основой отношения к действительности, исходя из представлений о ее идеальном образе и ее конструктивного, с точки зрения

тех же идеалов, преобразования. Она сопоставляет существующее и желаемое, как бы преодолевает начала неопределенности и вероятности. Такая утопия, с точки зрения ее приверженцев, будто бы дополняет научную теорию и восполняет ее недостатки, по сути же дела она вводится вместо нее и считается созидательной, превращаемой в реализуемый проект;

4) преднамеренная утопия деконструктивного плана, отвергающая рациональное начало в познании, проектировании и прогнозировании, порывающая с объективными законами функционирования и развития общества — крайняя форма проявления утопического сознания.

Оправдан, таким образом, вопрос об утопической природе всякого неполного, незавершенного несостоявшегося, минимизированного знания. Утопия соответственно этому рассматривается как необходимый объективный элемент (эпизод) теории и практики.

С подобных позиций объективными представляются и утопические трактовки предельных, максимальных идеализаций, обобщений и допущений в политической науке, представлений о предельно возможном: эти допущения утопичны, потому что отклонения от них неизбежны, но потому-то согласно логике утопического сознания неизбежна и необходима утопия.

Утопия, если исходить из стремления к реализации идеального замысла (идеальной теории, возможности) в такой системе отсчета рассматривается как масштаб и эталон, идеальная норма. Она и связывает действительность и идеальную цель, служит обоснованием веры в нереальное, но копируется действительным. Известно отличие такой веры от веры, основанной на обоснованном доверии, без мифического связующего элемента. Различие это принципиально и крайне важно, но внешние признаки его распознать, как представляется, не всегда легко, тем более, что аргументация веры и

самой утопии легко рационализируется, превращается в формально непротиворечивое, последовательное рассуждение с одним лишь допущением не поддающегося при данных обстоятельствах полной оценке события, факта, явления, то есть того самого не завершенного, не достигнутого, не познанного, которое присуще всякому научному, политическому и любому другому проекту. В такой ситуации весьма сложно решать, какова природа веры в осуществимость поставленной задачи.

Сознание безграничных возможностей, характерное для рационалистического мироощущения, возникшего в новоевропейской культуре, оказывает двойственное воздействие на утопическое сознание. С одной стороны, оно изгоняет утопию, позволяя превращать утопические идеи в действительность и заменять их научным постижением мира, раздвигая тем самым пределы возможного. С другой стороны, оно же порождает иллюзию бесконечного удаления, утраты этих пределов⁷⁴. На этой почве возникают утопические и антиутопические движения сознания, в том числе и требования осознанного установления пределов⁷⁵.

Широко распространена апология позитивных функций утопии, ее вдохновляющего и ориентирующего начала. «...Утопизм как тенденция, — пишут Б.Гудвин и К.Тэйлор, — это ключевая составляющая всего процесса современной политики, начиная с теоретической концепции и кончая плодами политической практики»⁷⁶. Мы видели, однако, что в политическом процессе, в политическом целеполагании сама идеализация и идеальный замысел отнюдь не равнозначны утопии и никакой утопии не порождают при соблюдении последовательной антиутопической процедуры реализации политического процесса. Утопия, — подчеркнем это лишний раз, — лишь *может* возникнуть в политике⁷⁷, она отнюдь не имманентна ей. Для критики действительности и создания альтернативных ей идеалов вовсе

не требуется «утопическая фикция» с ее «латеральными возможностями» — созданием «контекста, уводящего за пределы действительности»⁷⁸.

Рациональность и иррациональность в утопии и в политике

Существуют, как мы видели, две возможных ориентации рациональности: (1) преодоление и вытеснение утопии, если познание и действие рационализируются с целью ограничить сферу непознанного и непредсказуемого, а критика действительности органически связана с конструктивным проектированием общественно-политического процесса; (2) порождение утопии, если критицизм и скепсис по отношению к действительности рационализируют представление о закономерности незнания, социально-политическое познание и поведение власти трактуется как «открытие тайны», необходимо включающей «последний» непознаваемый компонент.

Рациональность этого второго типа имеет тенденцию трансформироваться в иррационализм: политика и власть превращаются в «тайну», действия власти — в тайнопись, проблема доверия к власти преобразуется в проблему веры в нее и в утопические и мифологические компоненты, которые она включает. Вера такого рода может трактоваться как рационально признанная необходимость действовать, признавая неразрешимость соответствующих проблем или разрешимость на деле неразрешимых проблем данного общества (этапа, события и т.д.). Утопия и миф оказываются организующими общество или часть общества (класс, группу) началами. Утопия приобретает свойства рациональности, в превращенной, специфической форме «рациональной утопии». Так называемые полезные функции утопии — критика действительности и ориентация в будущее,

идеализация на ее основе цели политики и т.п. предстают как рациональные установки. «Рациональная утопия», о которой упоминалось в начале главы, оформленная как конкретный, конструктивный проект – явление весьма распространенное в политике⁷⁹.

Рационализация утопии способствует ее закреплению в политическом сознании. Существует, несомненно, и ряд объективных и субъективных причин устойчивости утопических явлений: инерция сознания, весьма важный фактор надежды, действие сложившихся социальных, политических, идеологических связей в рамках политического процесса и т.д. Нередко явная, уже обнаруженная утопия сохраняется в силу жесткости социального порядка, функциональной устойчивости политической (военной, административной, экономической) организации, под воздействием эмоциональных факторов, ложно истолкованных чувств долга, ответственности и т.п., логики потока событий. Одна из важнейших причин устойчивости политической утопии заключается в ее *конкретности*. Актуальная утопия всегда конкретна. Это не просто детальность проекта, которая отличала социальную утопию прошлого. Это конкретность проекта, плана действий, сил власти, призванной эти действия осуществить, обычно также и конкретность цели. Конкретность – не просто внешний облик, мимикрия утопии, ее превращенная форма, в которой она живет на правах реального проекта. Вероятность реализации некоторых (названных выше) видов утопии, возможность взаимных переходов осуществимого плана в утопию и обратно придает конкретной утопии статус особого потенциального бытия, вынуждает ждать условий ее осуществления (распознана она или нет), бороться за их создание⁸⁰. Не сама утопия – утопическая цель, утопическое средство, утопический проект – оказывается центральной проблемой утопического сознания, а условия, в которых (с

точки зрения этого сознания или в действительности) утопия, может быть, станет реальностью. Утопическое конкретизируется тогда в проекте создания таких условий. Образ условий, их план всегда конкретнее самой цели. Возникает как бы вторичная утопия, новая надежда, кажущаяся более близкой и реальной. Первичная утопия мистифицируется новыми расчетами, она представляется вполне реальной, лишь отделенной рубежом условий⁸¹.

Можно предположить, что метаутопия может быть протяженной, состоящей из цепочки последовательно порождаемых утопических звеньев: временных средств, частных целей. Поскольку не исключена, а priori, реализация некоторых из них, укрепляется иллюзия возможности достижения конечной цели, заслоняющая действительные утопические измерения проекта⁸².

Мы рассматривали до сих пор схему политического процесса и политической утопии в рамках деятельности политической власти, а еще точнее – правящей, государственной власти. Этими рамками актуальная утопия, политическая в частности, конечно, не ограничивается. Она может возникнуть и, действительно, возникает при соответствующих условиях во всех других видах политического процесса и политического проектирования: либо не связанных с какой-либо институционализированной властью, либо связанных с функционированием неправительственных, негосударственных разновидностей власти. К первым, по-видимому, можно отнести разного рода стихийные, организационно слабо оформленные, не имеющие самоуправления движения – народные, специфические движения «ad hoc», по поводу каких-либо актуальных событий (антивоенные, за или против каких-то аспектов жизни, политики, экономики и т.п.), а также всяческие неформальные маргинальные, групповые. Наличие лидерства, инициативных групп, руководящих комитетов

подобных движений, несомненно, не исключается в качестве зачаточных форм власти⁸³. Но они могут быть и вполне развитыми в неправительственных формированиях второго рода — в неправящих политических партиях, профсоюзном движении, организованных массовых движениях и т.д.

Политический процесс, организованный такого рода политическими силами, может быть противопоставлен процессу, образованному правящими силами, который может содержать альтернативный проект, иметь другие (революционные, реформаторские) цели. Но его основные элементы, принципы целеполагания, проектирования и реализации не должны, по-видимому, отличаться от описанных выше. Соответственно и потенциальные утопические «точки» этого процесса не будут иными. Лишь содержание утопического сознания, конкретная специфика его формирования и способ проявления могут быть другими. Поскольку в нем отражены интересы и надежды общественных групп, слоев, масс, в утопиях, возникающих в этом сознании, очень часто мелиористского характера, особенно сказывается расхождение между целями и средствами, для них типично незавершенное и несовершенное проектирование вплоть до мечтательности, мифомании и прожектерства.

Итак, конкретная, рациональная, актуальная и политическая утопия глубоко и органично входит в общественные и политические науки и в политическую практику. В скрытой, рационализированной форме утопия присутствует в социально-политических построениях любого масштаба, и прежде чем обратиться к конкретной политической утопии, мы кратко остановимся на утопических явлениях в общественной теории. Они создают общее умонастроение, предрасположения к мифотворчеству и утопизму.

Помимо уже отмеченных факторов, порождающих утопическое начало в политике и науке, здесь надо отметить еще два. Первый из них — механизм образова-

ния и смены общественной теории на рынке идей. Обычный путь создания новой концепции, новой теории – формирование какой-либо одной, определяющей концептуальной доминанты с редукцией к ней понятий, представлений, категорий, закономерностей, всего того компендиума идей, которые могут составить содержание данной теории. Этой доминантой и служит, как правило, некая утопическая гипотеза.

Основной метод доминантной ведущей идеи, формирующей теорию, – абсолютизация отдельных сторон действительно протекающих в обществе процессов, разрушение реальной системы причин и следствий, существующих в обществе, и выделение из нее одного отношения, может быть, важного, но не единственно важного, а главное – не обладающего системообразующими функциями. Система взаимосвязей достраивается уже на основе выделенной таким образом ведущей идеи и оказывается, естественно, в той или иной степени (обычно в основном и в главном) мистификаторской. Утопия занимает в построенной подобным методом концепции ведущее место, поскольку утопичен сам метод создания всеобъемлющей теории на базе одного из аспектов сложного, многоаспектного явления и к тому же аспекта не главного. Не удивительно, что основная утопическая концепция порождает новые, производные и столь же утопические, вторичные идеи и теории. Некоторое время доминантная идея эксплуатируется, на ее основе образуются разновидности исходной концепции. Так из концепции технического детерминизма возникает идея всеобщего материального изобилия в супериндустриальном обществе, достигнутого с помощью техники⁸⁴. Появляется идеал «фиксированного социального универсума, упорядоченного, уравновешенного... И мифического»⁸⁵. Отсюда – целая гамма идей – консенсуса, социального партнерства, гармонических социальных отношений, поиски стабилизации, статус

кво, порядка и т.п. Пример экономической утопии называет М.Гийом – это теория всеобщего равновесия и совершенной по типу конкуренции, которая, как известно, играла и играет по-прежнему главенствующую роль в доктрине экономического либерализма⁸⁶.

Утопические aberrации и ошибки в политике приводят к проблемам моральности в политике. Известна античная традиция связывать политику и мораль, то, что мы называем политической и моральной философией. Критерий добродетели значил в оценке политики чрезвычайно много. Вспомним о функциональной роли морального начала в политических отношениях романо-средневековой и феодальной эпохи, когда моральные категории (преданность, честь, верность, клятвы) имели важное инструментальное значение в оформлении политической системы сюзерена. Истина и иллюзия, действительность и обман в этой системе тесно сосуществовали.

Не будем забывать, что формирование правосознания в обществах самых разных культурно-исторических и национальных видов длительное время сталкивалось с конкуренцией традиционных представлений о *правде* с универсальной объективностью закона, который и сам поныне оценивается понятиями справедливости, равенства, добра и зла. И все это движение сознания, эмоций, действий, добавили еще раз, рискуя проявить назойливость, не уходит от утопических коллизий рационального и иррационального, истинного и иллюзорного.

Мораль нельзя кодифицировать. «Моральный закон» есть некое подобие «естественного права» и «естественного закона», которые тоже не кодифицировались и не могли служить объективным критериям судопроизводства. Спор между субъективной «правдой» и объективностью закона не вполне завершен и по сей день.

ГЛАВА V. ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ

Все закономерности отношений систем относятся и к взаимодействию политики и морали, как и к отношениям морали с другими системами. Воспользуемся случаем, чтобы подтвердить статус большой общественной системы, присущий морали, и ее особые свойства: мораль всепроникающа, от нее не уходит ни одна из других аналогичных систем, ни отдельный человек, ни какой-либо коллектив людей, общественная группа и общество в целом, как, впрочем, и другие системы, о чем мы хорошо знаем. Но в отличие от них мораль — неотвратимая как судьба, всеприсутствующая невидимка: она не субстанциональна, «бестелесна». Не существует социальной материи, которая могла бы называться моралью. Чтобы объективироваться, обнаружиться, мораль нуждается в носителе, идеальном или материальном: в речи, в поведении, поступках, действиях. Она обнаруживается в политике, экономике, праве и т.п. Поэтому так легко может появиться желание избавиться от нее. Это невозможно, но иллюзия избавления возникает очень легко. Дело в том, что амораль как кодекс, специфическое качество социальных фактов, сознания и поведения имеет двоякую модальность: позитивную и негативную, подобную дихотомиям добра и зла, свободы и несвободы, равенства и неравенства и т.д. Возможен переход из одной (позитивной) модальности в другую (негативную), но не избавление

от нее, что и обнаруживается, если не тотчас, то впоследствии. В политике подобные коллизии особенно привычны: мораль позитивная может мешать, негативная — дискредитировать. Поэтому анализ отношений политики и морали столь давно привлекает внимание и порождает обильную литературу, которую здесь мы не сможем хоть как-то отметить — ни философскую классику⁸⁷, ни современные работы, среди которых есть, например, прекрасная работа о Макиавелли известного французского философа Клода Лефора. Рассмотрим проблему по существу. И основную коллизию: мораль ограничивает политику, (чего не бывает в отношениях политики с экономикой, наукой и т.п.) и потому политика стремится освободиться от нее. Возможно ли это — основной дискуссионный вопрос.

Трудно представить более сложные и менее уловимые, ускользающие, столь же острые и спорные, чреватые конфликтами отношения общественных существей высшего — организационного порядка, чем взаимодействия политики и морали.

В отличие от других организационно-контрольных сфер мораль не имеет вещественных форм, не материализуется в аппаратах управления, институтах власти, лишена центров управления и средств связи и объективируется лишь в языке и речи, но прежде всего — в отражении, в признаках и свойствах других общественных явлений. Мораль подобна музыке — она существует лишь виртуально, в идеалах и принципах и звучит лишь с помощью инструментов другой, неморальной природы, в чувствах и сознании человека, да и то, если он восприимчив к ней, ее можно описывать, обсуждать, ее показания можно записывать и переживать, творить ее, но не видеть. Вместе с тем она всеприсутствует, охватывает все управляющие обществом существности, все феномены политики и т.п. Этическое и моральное

содержание одной и той же политики могут не совпадать. Таким образом, отношение морали и политики усложняется: политика — этика — политика — мораль⁸⁸.

Мораль, политика и этика

В ряду таких отношений мораль занимает одно из наиболее близких к политике мест, и связи их особенно противоречивы. При этом в самой сфере выделяется область этики (в данном случае — политической этики), которая не совпадает с областью нравственности (политической нравственности). *Этос* и *нравственность*, моральность различаются как намерение, установка, ориентация, определяющие содержание политики, ее цели и задачи и как нравственный смысл, моральный модус политического действия или облик политического лица (лидера, руководителя или исполнителя политики), группы (класса, партии, ассоциации), института (учреждения, аппарата власти).

Известны два значения «этики» — сближающее ее с нравственностью (что «этично»-порядочно) и разделяющее с моральностью (что желательно, должно) дали Макиавелли возможность радикально их разделить и наделить политику только вторым смыслом — желаемого, необходимого, избавиться от морали. Так задолго до классиков XVIII в. (немецких) мораль и этика уже были разделены.

Этика еще не свершившегося и свершающегося + мораль.

Свершившееся — это уже не этика, но мораль остается и нарастает ввиду переоценок.

Этика ситуационна, моральность тоже, но эта ситуационность исторична. Она иссякает только вместе с забвением истории (события).

Этика и мораль не различны в принципе, напротив, они связаны, но разделяются в процессе, несущем эти начала. Этическое начало процесса не столько несет в себе моральную составляющую, сколько само получает (или не получает) моральную оценку, обычно постфактум (разгадка Макиавелли), как и сама политика, о чем еще речь впереди.

Этические принципы образуют интенциональный, целерациональный этос того или иного долженствования (или его ошибочные, превращенные формы). Этика в этом смысле комплиментарна, она не образует целостной социоформирующей, организационной и регулятивно-контрольной системы.

Мораль образует такую самостоятельную систему с развитыми принципами и интенциональными этическими началами, как и всякая другая функциональная система.

Этика может иметь моральные компоненты, но может их и не иметь, а также быть морально негативной.

Знаменитый акт Макиавелли, якобы отделившего политику от морали, объясняется объективным различием этики и морали: у Макиавелли мораль негативна (от нее никто не свободен), но этика присутствует в полной мере — это достижение политической цели, цели власти.

Моральность политики

Прежде всего, мораль и политика автономны по отношению друг к другу, хотя и относительно. Разделяющая их функциональная автономия делает их отношения несимметричными. Политика организует совместную жизнь людей и их деятельность, регулирует и контролирует жизнь общества, мораль имеет такие же функции и в то же время контролирует политику (как и другие организационные системы общества — право-

вую, культурную, идеологическую и пр.). Политика же лишена контроля морали. Иначе говоря, то, что делает политика, не делает мораль. Мораль (в отличие от этики) стоит вне политики и над нею, и потому их соединение оказывается столь сложным и нестойким, а сама проблема их отношений остается традиционной темой философских и политических исследований.

Поскольку политика не контролирует мораль, она лишь может влиять на специфическую мораль конкретных политических действий, политика (конкретная политика) в отличие от идеального морального сознания ситуативна, она сама образует ту или иную общественную, политическую, а следовательно, и этическую, и моральную ситуацию. Тем самым в моральные оценки вносятся ситуативные критерии, которые обычно смягчают нравственные характеристики, добавляют к ним различного рода извиняющие объяснения. Между тем мораль оценивается, как уже отмечалось, с точки зрения высших критериев, абсолютных норм. Моральная оценка политики с точки зрения относительных ситуационных критериев или даже критериев отдельных культур, обществ, эпох делает такие оценки несравнимыми ни с другими подобными оценками, ни с общими принципами, которые вообще в такой ситуации становятся невозможными — что и случается в эпохи безвременья. Оценки дополнительно усложняются тем, что понятия хороший-плохой имеют разный смысл в политике и морали, так же как понятия блага, добра и др.

Помимо того весьма неоднозначны и противоречивы деонтологические установки и нормы нравственного долга и представления о долге в политике. В сфере морали следование долгу означает соответствие политики определенным, в принципе — высшим критериям нравственности. Долг в политике — получение желаемых результатов. Возникает дилемма Макиавелли: выбор между достижением политических целей любыми,

в том числе и не нравственными, средствами, т.е. осуществление *политического долга* или соблюдение долга нравственного ценой политических результатов. Другими словами, подразумевается, что эти результаты могут быть получены не нравственными методами⁸⁹, и сами эти результаты могут быть неморальными, а еще точнее – аморальными. Более того, политика не становится морально безупречной, если долг ограничивается только ее соответствием нравственным нормам, но исполнение его не дает политических результатов, т.е. не исполняется *политический долг*, так как для политики одновременно существуют *два долга*. При исполнении одного из них не получается политика, при исполнении другого – не остается места для морали. И если следование и тому, и другому долгу одновременно невозможно, то неизбежен выбор между ними, и политик, естественно, выбирает политику. И тогда исполнение его политического долга становится нравственным само по себе и этически обоснованным. Такой вывод и сделал, как известно, Макиавелли.

Чтобы лишить политика такого выбора или избавиться от него, а значит, не подталкивать его к подобному выводу, требуется, как видно, выйти за рамки отношений морали и политики, иначе говоря, ввести в эти отношения неполитические и неморальные факторы, которые делают эти отношения менее противоречивыми. Но прежде чем попытаться это сделать, рассмотрим более детально, как складываются такие отношения. Их антиномичностью они не исчерпываются.

Прежде всего возникает вопрос, подсказанный относительной автономией морали и политики и возможностью выбора между ними: возможно ли свободное разделение политики и морали?⁹⁰ Мораль, как мы уже говорили, ограничивает политику, свободу бесконтрольного политического действия, поэтому политика и стремится освободиться от морали. Получение результата

служит убедительным аргументом подобной эмансипации. Общность регулятивно-контрольных функций тем не менее связывает мораль и политику, как и ряд других факторов, роль которых, правда, непостоянна, но в исторической перспективе постепенно повышается: действие данных чувств, таких как ответственность, долг, правдивость, вера, доверие, престиж (власти), благо человека и общества и др., составляющих культурную и общественную, а также эмоциональную основу политической нравственности, усиленной двумя группами факторов: (1) сложившейся в обществе системы культурных норм, правил, традиций, настроений, комплекс эмоциональной жизни общества; (2) актуальные потребности общества, которые обычно связаны с процессами обновления, введения инноваций (пусть даже нежелательных), нуждающихся в моральных обоснованиях и оценках. Вся чувственная жизнь политики, связанная с ней дисциплина тела и сознания, система санкций и принуждения, принятия решений, политических отношений между людьми и общественными группами, человеком и обществом, властью и народом – все это сфера неизбежных, эмоциональных и весьма острых нравственных оценок. Наконец, устранение из политики моральных суждений – это определенная, хотя и негативная нравственная установка, иллюзорная по самой своей сути и ошибочная по существу ориентация на полную автономность политики. Попытки обосновать полную независимость политики от других организационных и регулятивных систем общества не оказались, как мы видели, убедительными, подобно известному опыту Шмидта⁹¹. Подобно тому, как политика связана с идеологией, правом, экономикой, культурой, наукой, она не может избежать контактов и с моралью. Нравственность – слабое место политики и власти, отсюда и попытки уклониться от морали и моральных оценок, чего не бывает в отношениях политики и других орга-

низационно-регулятивных систем: к связям с правом, идеологией или экономикой политика, напротив того, активно стремится. Однако политика может быть моральной и неморальной или аморальной, но она не может быть безморальной. Речь, по существу, идет (или может идти) не о моральности или неморальности политики (этот вопрос лишь конкретного анализа определенных ситуаций), а о двух концепциях добродетели: как общезначимой модели и ситуационной, относительной и конкретной. Таким образом возникает весьма болезненная проблема относительности политической моральности, точнее говоря, о ее двойной или двойственной относительности, обращенной к внешним общечеловеческим критериям (по крайней мере, общим для значительной эпохи, культуры или цивилизации) и к тем самым ситуациям, о которых все время здесь идет речь. Мораль и истина в этом смысле очень близки, и не случайно: истины морали открываются так же сложно, как любые иные истины. Относительность моральности конкретных политических ситуаций сродни и относительности ситуационной этики, о которой шла речь выше. Мораль и истина равно конкретные в политике (как и в других сферах), и так же, как может быть поставлен вопрос об истинности того или иного политического события или действия (т.е. об их эффективности, соответствии потребностям и решениям), может возникнуть и вопрос об их моральности относительно конкретных критериев. Возможен и вопрос о степени подобной моральности и о нравственности самой ее оценки. Иными словами, вольно или невольно политик ищет оправдание отступлениям от критериев подлинной моральности. Такое оправдание тем более важно для него, что моральный аргумент, подобно этическому, служит одним из важнейших легитимирующих доводов власти и политики, а ряд обстоятельств, о которых здесь еще не говорилось, еще более осложняет отношения политики и морали.

Прежде всего, мы еще не обращали внимания на структуру политического действия, агенты которого различаются и потому не совпадают как носители политической нравственности. Групповая мораль и моральные отношения в группе (речь идет, естественно, о политических группах и отношениях) сложнее, чем моральность индивида. Поэтому морально безупречный индивид может вольно или невольно участвовать в неморальной политике группы: политического института, организации – партии, органа власти, армии и т.д. Отсюда и коллизии *двойной морали* – групповой и индивидуальной и столь частые кризисы – порой весьма тяжелые – индивидуального и коллективного сознания, особенно частые в периоды общественных кризисов. Возможно, впрочем, и обратное: нравственно порочный индивид способен коррумпировать морально безупречную группу или бросить тень на ее нравственную репутацию. К тому же мораль индивида не всегда конкурирует с политикой, поскольку не всякий индивид – политик или значащий что-то, участник политической жизни. Отношения же в группе и между группами – это уже политика, а значит, и мораль.

Поэтому и возникают политические и моральные парадоксы массовой поддержки порочных лидеров и режимов, участия – тоже массового – в работе далеко не безупречных, а порой и просто преступных организаций.

Разделяется и мораль различных политических функций, как, например, моральная ответственность политики и власти. Так несомненно моральная власть может быть вынуждена проводить неморальную политику или, наоборот, нравственно порочная власть по воле истории берется за осуществление нравственной политики, – что, как правило, не ведет к ее торжеству. Этому мы бывали свидетелями не один раз в нашей новейшей истории.

Обычно уязвимое соотношение средств и целей политического процесса при их взаимном несоответствии порождают, вместе с политическими дисфункциями, и нравственные аномалии: безнравственность и неэтичность попыток достичь цели негодными средствами равно как и выбор недостижимых целей. Безнравственность таких несоответствий не только в невозможности результатов политики (неисполнении политического долга, который становится нравственным делом). Она может выразиться в напрасных жертвах, неоправданных ожиданиях, затратах времени и в ближайших и отдаленных негативных последствиях — неудаче или дискредитации политического проекта, например. Всякие иные несоответствия в парных политических и нравственных действиях и состояний сознания также, несомненно, безнравственны: расхождения слова и дела, запроса и отклика на него, надежды и обещания и т.д.

Нравственно уязвимы не только эти, но и вообще любые внутренние структурные несоответствия политического процесса: напряженные отношения власти и общества, между властями разных уровней и типов, внутри аппаратов и институтов и между ними и т.д. Ошибки, неправота одной или обеих сторон того или иного конфликта, особенно когда конфликтотягчен соображениями практики, уязвленного самолюбия, соображениями карьеры, чувством обиды, легко принимают характер нравственных коллизий. Не менее специфична нравственная модальность отношений политики с экономикой, областью права, культурными, идеологическими и другими организационными системами. Неверная, неадекватная целям общества и требованиям времени экономическая, экологическая, научная и иная прикладная политика неморальна или просто безнравственна. Ее моральная оценка не менее существенна, чем нравственная квалификация личного

поведения политического лидера либо политической организации, ибо речь идет об ответственности и долге общественных и исторических масштабов, выходящих за рамки текущей политики и ее внутренних структур и достигающих континентального и общемирового уровня, а значит, и планетарной ответственности и ее абсолютных моральных норм. В эпоху глобальных проблем, быстрой, порой молниеносной универсализации политических, промышленных, экологических кризисов политическая нравственность уже давно стала общемировой проблемой. О ее смысле и значении нетрудно судить хотя бы по результатам безответственной научно-технической политики в области атомной энергетики, которая привела к Чернобыльской катастрофе, безграмотной экологической политике – уничтожению Аральского моря и разрушению природы на обширных пространствах евроазиатского континента.

Существует также постоянная непреходящая *качественная* основа нравственности в политике, т.е. то минимальное качество деятельности, снижение которого само по себе, а не только по ее результатам безнравственно. Необязательность, недобросовестность и просто некомпетентность и безграмотность, неадекватная квалификация поэтому безусловно аморальны. Нет причин особо подчеркивать безнравственность политической преступности, коррупции, тем более, что перечисления явно отклоняющегося от норм и принципов политических деяний и помыслов невозможно останавить, ибо политика всегда была, есть и будет сферой особенно значимой моральности и особенно опасной социальной безнравственности.

Мысль о нераздельности политики и морали и о том, что ее не опровергает макиавеллизм, нуждается, надо признать, в дополнительном объяснении, помимо уже приведенных доводов и общих принципиальных положений об отношениях больших социальных сис-

тем. Суть этого объяснения заключена в специфике самой морали: ее делении на позитивную и негативную формы (или на позитивную мораль и ее негативную антиформу). Негативная мораль структурно сложнее позитивной и может быть разделена на группу отрицательных качеств, противоположных положительным (бесчестие — честь, зло — добро, бессердечие — сердечность и т.п.) и группу специфических качеств, не имеющих определенных антонимов: лицемерие, коварство, вероломство, демагогия и пр. Различие между этими группами не слишком существенно, однако первая оставляет возможность выбора оценочных суждений, вторая — нет. Если бы какая-либо политика или какая бы то ни было власть решилась открыто признать свою приверженность к негативным моральным установкам или заявить о своей моральной нейтральности (что равносильно отказу от позитивной моральности), то доказывать связь политики и морали и какой выбор политикой сделан, более не потребовалось бы. Все было бы достаточно просто. Однако мораль — исключительно сильный легитимирующий аргумент политики и потому даже самые бесчеловечные, полностью погруженные в омут негативной моральности режимы вынуждены маскироваться и прибегать к самой изощренной и даже квазинаучной защите негативных норм, чему все мы стали свидетелями в XX веке. Политический цинизм и цинизм моральный в неравной борьбе или в борьбе с презируемым противником при этом отнюдь не исключен. Но особым исключением, или вернее сказать, правилом, санкционирующим негативную моральность, служат так называемые особые обстоятельства, в особенности обстоятельства вооруженной борьбы, когда пресловутые «военные хитрости» или, попросту говоря, коварство, блеф, мистификация, подлог, шантаж и пр. становятся, как говорили, делом чести, подвига и геройства. Принцип «на войне все средства хороши»

может быть распространен и на невооруженную политику. В этом пункте и намечается подлинный смысл негативной морали: превращение позитивных моральных норм в санкцию негативных политических идей, решений, действий. Негативная моральность образуется, тем самым, из превращенных позитивных форм. Отсюда и загадка Макиавелли и трудности в разгадке истинной моральности конкретной политики.

Если моральная модальности политики (позитивная – негативная) – вопрос произвольного или непроизвольного выбора, то такие отношения этих систем следует признать вполне иррациональными. Тем более иррациональными представляются попытки дать рациональную оценку этой иррациональности и скрытой в ней моральности.

В то же время подлинная моральность политики и власть идентифицируется хотя и субъективно, но сравнительно просто и точно. Если политика, власть, режим, какая-либо партия или лидер сталкивают человека с проблемами его совести, значит их моральность сомнительна. Если человек оказывается перед выбором: либо сделка с собственной совестью, либо проигрыш в какой-то жизненной ситуации, значит негативная моральность этих инстанций очевидна. возникают конфликтные (а может быть иногда и консенсусные) моральные отношения между индивидом и политическими силами. Если моральные оценки и эти отношения становятся массовыми, то моральные оценки и соответствующие отношения становятся объективными. Далее все остальное – характеристики политики, оценка собственного положения и понимание ситуации зависит от индивидуального и коллективного самосознания, его зрелости и способности воплощаться в действии.

Проблема эта имеет не только политический смысл, а часто и вообще неполитический, а моральный, идеологический, правовой, культурный, религиозный, –

социальный в самом общем значении. Она имеет много измерений, большая часть которых дифференцирует отношения политики и других организующих общество систем, но есть одно измерение, общее им всем, интимное, кроющееся в подсознании человека и многое объясняющее: и общение людей, и возникновение в этом общении особого качества — конфликта или согласия и значительных политических и других общественных событий и явлений. Речь идет об одном из применений фрейдовской концепции психоанализа и связано с анализом морали и ее политических перспектив, но имеет, как мы только что отмечали, более общий смысл.

Начала политического и морального сознания в подсознании

Отношения морали и политики имеют историческое и антропологическое измерение, которые в свою очередь связаны друг с другом. Трудно утверждать, что политическая нравственность совершенно явно эволюционировала в истории к какому-либо бесспорно положительному состоянию. Однако их взаимоотношения развивались и развиваются не сами по себе, они направляются, регулируются другими организационно-контрольными системами общества, о которых уже шла речь, — экономической, правовой, культурной, религиозной, идеологической, в которых также действуют представления о долге, границах свободы, нормах поведения и т.д., а также такие нравственные качества, как обязательность, верность слову, преданность делу, исполнительность, добросовестность, — вообще составляют необходимое условие функционирования этих систем (например, экономической деятельности). Их историческое развитие тем самым должно обуславливать и развитие морали и зависимость от нее функций

политики. Этот процесс может быть обобщен в представлении об эволюции культуры и цивилизации, которые и образуют тот канал, стены которого, образно говоря, постепенно становятся все более прочными, суживаются и вынуждают мораль и политику все более сближаться.

Этот процесс неоднократно привлекал внимание политических мыслителей как переход от естественно-го (ничем не скованного природного) состояния общества и человека, в котором его первозданные инстинкты и страсти не сдерживаются никакими общественными нормами или моральными соображениями, — к культуре, цивилизации и политике, т.е. к гражданскому и политическому обществу, в котором власть⁹² и государство⁹³ способны обуздать распушенные или нецивилизованные нравы⁹⁴. Переход от дикости к цивилизации, о котором писал, которого желал Гоббс, и каждая последующая критика общества, каждый переход к более развитой цивилизации как и весь цивилизационный процесс означали для моральной и политической мысли процесс нравственного совершенствования человека, общества и его политической жизни. Ее демократизация имеет бесспорное моральное измерение, возникающее вместе с реализацией, хотя бы неполной и относительной, фундаментальных социальных и этических ценностей — справедливости, свободы, права. Если демократический процесс действительно составляет одну из основ современной цивилизации и сама она имеет реальные перспективы стать господствующей в мире наших дней, то имеет перспективы и процесс морального опосредования политики. Более того, он окажется одним из глобальных процессов, определяющих будущее человечества.

Однако обоснование этого процесса одними глобальными, цивилизационными или даже культурными, т.е. внешними по отношению к человеку, аргумента-

ми — лишь одно из его объяснений. Оно к тому же наводит на мысль о репрессивном, принуждающем характере культуры, цивилизации и самой истории. Эта их функция, действительно, налицо, она важна и хорошо известна. Но одной ее было бы недостаточно для нравственной реорганизации общества, политики и самого человека, если бы у него не было интимного человеческого измерения. Еще Гоббс обратил внимание на чувственную жизнь политики, ее психологические основы, направляющие поведение, чувства желания, стремления, страха и показал логику их собственного регулирования: ограничения беспредельной свободы одного человека, которая несовместима с такой же свободой других людей, их неизбежного столкновения, которое превращает ее в свободу вредить другому (отсюда и знаменитая формула Гоббса — «война всех против всех»)⁹⁵. Позднее Кант развил идею Гоббса в концепцию добровольного самоограничения свободы, позволяющее не переходить границ свободы другого, разделяющих Мое и Твое во взаимоотношениях людей⁹⁶, т.е., добавим мы, и в политике, и в политических отношениях в самом широком смысле. Таким образом, логика нравственности оказывается механизмом или логикой цивилизационного процесса. На глобальный нравственный смысл этого процесса (сам по себе отнюдь не бесспорный — отметим это еще один раз) и его позитивное направление (если оно реально⁹⁷) объясняет далеко не полное отношение политики и морали. Движение от общих, исторических, коллективных или макроуровней этих отношений к конкретно политической моральности — это лишь один путь взаимодействия моральных и политических начал. Оно имеет и микропроцессуальное измерение. Оно и определяет ближайшим образом конкретное политическое сознание и поведение, моральное качество политического человека —

от рядового участника массовых политических событий до политических лидеров, открытие конца XIX — начала XX вв. сложной психологической структуры личности позволило глубже проникнуть к индивидуальным истокам политической нравственности, чем это могла до того осуществить моральная философия или, скажем, литературный, культурно-исторический анализ внутреннего мира человека.

Моралисты знали давно, что сам этот механизм формируется и определяется волевыми и психологическими процессами и коренится в глубинах человеческой натуры⁹⁸, где природные влечения и инстинкты сталкиваются с осознанием пределов возможного, наложенных внешними обстоятельствами — нормами, правами, культурой, цивилизацией и политикой, логическим расчетом и пределами самого человека. Не случайно Гегель называл моральность развитием воли и самоопределением субъективности⁹⁹. Уже в XX в. З.Фрейд попытался объяснить внутреннюю борьбу противоположных начал, биологического и духовного, инстинктивного, импульсивного и разумного условия ее разрешения в пользу моральности. Исход этой борьбы и моральность сталкивающихся в ней сторон сами по себе весьма спорны: ничто еще не предопределяет неприменную неморальность инстинктов и моральность разумных, рациональных решений, как думали когда-то. Рациональный контроль безотчетных чувств может привести в политике как раз не к нравственным поступкам. Тем не менее проникновение в область сознания и в глубины подсознательного приводит к истокам нравственности, где начинается путь к моральности больших событий в политике и в судьбах стран и народов. Талейран не случайно советовал политикам не следовать их первому побуждению — оно бывает искренним. И может быть, добавим, более нравственным, чем то, что называется «зрелым размышлением». Первый

порыв, эмоциональный, может быть бурный, необдуман- ный, может вызвать самые нежелательные, опасные и неожиданные события, от которых, поразмыслив, чело- век должен был бы или мог бы воздержаться. Амораль- ность импульсивных действий в самом деле возможна, в том числе и в политике. Не случайно чрезмерно возбу- димые и несдержанные политики – это особенность ав- торитарных режимов (монархических или диктаторских) и квалифицируется как самодурство, своеволие и т.п. (вспомним знаменитый «волюнтаризм» Н.С.Хрущева). Однако первичные побуждения могут быть и вполне добродетельными, а самые зловещие и безнравственные политические действия, в том числе и преступные, пла- нируются, а не импровизируются и делается это именно в результате «зрелого размышления». Но еще до такого размышления в глубинах сознания, в подсознании про- исходит столкновение двух тенденций и их примире- ние, выбор одной из них и притом цивилизационный, как выше уже отмечалось: этот микроцивилизационный механизм предваряет выбор между импульсивным по- рывом и рациональным решением.

Итак, Фрейд обнаружил три составные части под- сознания, между которыми разыгрывается борьба про- тивоположных решений, иначе говоря, три составные части личности, или три личности в одном человеке¹⁰⁰. Добавим к этому делению культурно исторический эво- люционный критерий восходящего развития человека как части природы и члена общества. Мы получаем его первое состояние¹⁰¹.

Решающую роль в столкновении сферы бессозна- тельного, дологического, первичного уровня психологии с сознанием принадлежит в схеме Фрейда контролю этой сферы сознанием («Сверх-Я»). Его результат – вытесне- ние из первобытия чувственной, эмоциональной струк- туры человека животного, импульсивно-агрессивного

влечения¹⁰⁴. Вытеснение происходит, таким образом, в пользу цивилизационного начала. Фрейд продолжает тем самым и заново обосновывает исследование вечной проблемы социальной и политической философии: разумности и рациональности цивилизованного сознания и поведения, естественности разумного начала развития личности в формирующемся гражданском обществе и т.д. Многократно осмеянное просветительское объяснение человека обретает в этом аспекте учения Фрейда нового союзника, быть может, вопреки другим сторонам его же концепции памяти, компенсации фрустраций, сексуальной детерминации и природы влечений и т.п. Сам Фрейд дает основание для социальных, культурно-исторических, нравственных и политических экстраполяций отношения бессознательного и сознания своим анализом невротизма как обратных движений от их высших (социально детерминированных, жизненных испытаний и человеческих трудностей) — к психике и далее — к нарушениям биологических структур организма.

Атавизмы, врожденные биологические инстинкты и животные импульсы — страх, забота о самосохранении, спасении, погоня, гетерофобия (неприятие особо иного внешнего облика, иной породы) и ксенофобия (неприятие вообще всего чужого как чуждого и враждебного), хитрость, коварство — однако не заполняют бессознательное и не составляют его единственное содержание. Это не вся «природа человека». В ней заложены и предпосылки культуры, и социальность, как мы видели, зарождается в том же контакте подсознания и сознания, иррационального бессознательного с его позитивными началами и рационализма сознания. Логика совместной жизни людей, о которой уже шла речь, ориентирует и закрепляет этот процесс. Отсюда и два варианта развития этого процесса, о которых хорошо знал сам Фрейд: иррационализации истории, политики, морали как отражения кол-

ллективного бессознательного (идея К.Юнга) и их рационализации в культуре и цивилизации, которая означает понимание, познание, осмысление и т.д.¹⁰⁵. По схеме:

1. Влечение, желание (либидо, лат. libido), «это», «оно» (id)	Необузданная, агрессивная, жаждущая, полная страсти личность. Непосредственные реакции на окружение	Подсознание и несдержанное сознание	Состояние «естественного», доцивилизационного человека
2. «Сверх-Я» (Super-Ego). Центральная, интегрирующая часть личности	Корректирующий, моральный (и вообще рациональный) цензор первого модуса сознания (совесть ¹⁰² , долг ¹⁰³)	Сознание (чувство) долга, нормы, чести, морали и т.д.	Культурное, цивилизованное, гражданское и правовое начало сознания, формирующее индивидуальность
3. «Я» (Ego)	Согласующее и примиряющее (1) и (2) дисциплинирующее начало. Снятие внутреннего конфликта	Разум, интеллект, формирующие личность	Политика, дисциплина совместной жизни людей, их общения и отношений в обществе

Известно, что сам Фрейд связывал контрольные функции «Сверх-Я» в конфликте (или взаимодействии) двух объективных начал с объективным же историческим процессом – становлением общества, т.е. с социальной детерминацией сознания и с социальными процессами общественного развития¹⁰⁶. Конечно, Фрейд сознавал, что определенно и однозначно связывать по-

беду индивидуально-общественного контроля над природой естественных влечений человека с прогрессом морали невозможно (скорее можно обосновать ее двойственность), однако социально-психологические предпосылки такого прогресса механизм подобного контроля несомненно им описан.

Доказательность его анализа подтверждается исследованием социальных, политических и психологических основ (при участии последователей Фрейда – Э.Фромма и др.) политического сознания и поведения, особенно некоторых их архаических форм и их моральных характеристик. Таков, например, вождизм – тип единоличной власти, основанной на структурных отношениях, идущих от животного прошлого человека – стада, стаи, затем первобытной орды, позже – племенных, общинных предгосударственных образований. Их глава наследует функции биологически доминирующего вожака, старейшего в роде, наиболее властной и агрессивной особи. Впоследствии, в зарождающемся обществе эти качества сублимируются, вождя превращается в вождя, титулованного главу сообщества, наделенного реальными и примысленными, нередко сверхъестественными свойствами (мудрейшего, всемогущего, связанного с надприродными силами – богами и космосом либо, в наше время, – гениального, всезнающего, связанного с идеей и идеологией всемирно-исторического значения и т.п.). Мифология вождизма непременно сочетается с архетипом (первообразом) сознания, в котором доминируют традиционные, обрядовые способы мировидения, запреты, табу, жесткие идентификации с племенем, расой, нацией, устойчивые предрассудки (идеологические, политические, моральные, национальные), ксенофобия, деление на своих, преданных, верных (правоверных тоже) и чужих, т.е. врагов (изменников, предателей, агентов неприятеля), представление о собственной исключительности, эквивалентной исключительности вождя, о един-

ственно правильном выборе идейных, моральных, политических и иных ориентаций, а следовательно, — о враждебности окружения и т.д. Не случайно наиболее частое (хотя и необязательное) сочетание вождизма — правление тоталитарным государством со всеми его отличительными свойствами: централизацией и концентрацией власти феодального, абсолютистского типа, репрессивным режимом, преследованием инакомыслия, статичным политическим порядком, прогрессирующим отставанием от более динамичного политического, социального и экономического окружения, самоизоляция от него и т.п., весьма далекими от позитивной моральности характеристиками. Добавим к этому ситуацию общества, обращенного в «массу», и человека, низведенного до элемента этой массы, растворенного в ее массовидной коллективности и всем присущим ей традиционным стереотипам, без гарантии прав и свобод, подавленного и т.д. Прямой аналогии такой социальной и политической организации с первобытной ордой, племенными или ранними общинными структурами, конечно, нет, тем более отдаленна ее аналогия со стадом или стаей, но есть между ними нечто общее, что их тем не менее роднит: воспроизводство древнего архетипа — кровнородственных связей, безграничной власти и безоговорочного повиновения как проявления личной преданности и коллективной зависимости от вождя. Удаление от предков (животных и первобытных) делает этот вариант политической организации аморальным именно потому, что грубая физическая сила вожака трансформируется в силу закона, организованное насилие власти, бесхитростные примитивные инстинкты — в идеологические учения и политические теории, личное коварство вождя, беспринципность правления и т.д. Таким образом, личная нравственность политика и его этические установки могут быть идентичны качествам целого общества, его политического строя и государства. Масштабы отношений морали и политики

тем самым могут быть минимальными, ограничиваться политической личностью и максимальными, вплоть до общества и государства.

Выход из конфликтов политики и морали состоит в согласовании политического и нравственного сознания, оно не может возникнуть из взаимодействия рационального конструирования бытия, т.е. политики и работы контролирующего сознания «Сверх-Я», проникающего пониманием человеком и коллективом себя и своего опыта, действия в политике того, что называется совестью.

Нравственный реванш. Разгадка макиавеллизма

Стремление отвергнуть мораль в политике — отнюдь не абсолютное правило. Это скорее признак скудости политической мысли или признак неблагополучия либо, наконец, сигнал опасности (например, угроза миру). Скорее, напротив, проявляется стремление политических сил опереться на моральный аргумент своей политики — мораль — одно из самых сильных легитимирующих оснований мысли и действия в политике.

Однако если мораль и удастся выставить за двери, она неизбежно возвращается в окно, и это окно открыто общественному окружению политики. Нередко его удастся закрыть, и надолго. Но рано или поздно оно распадается. Тогда возникает оценочное моральное суждение о политике. Моральное суждение общества может быть отделено от факта времени и тогда оно превращается в «суд истории» и уже ничего не может изменить в совершившейся политике, но зато образует исторический опыт общества. В этом случае обществу (или, реальнее, какой-то его части) остается меньше оснований судить о минувшей конкретной ситуации (что хорошо и что плохо и затевать бесконечные споры по этому поводу), но его инструментами становятся бесспорные абсолютные критерии добра и зла, блага и справедливости.

Два плана моральной оценки: ситуационная и более общая, приближающаяся к универсальным критериям.

Моральные оценки в этих двух пунктах могут оказаться прямо противоположными, но мораль возвращается на свое место в политике.

В проверке политики временем участвует и ее моральный анализ. Моральная переоценка политики может обнаружить ее первоначальные моральные изъяны. Тогда становится ясно, что политика изначально была обречена на провал (ср. террор). При этом выявляется противоречие конкретных ситуаций и общеисторических норм и в политике, и в морали. Уязвимы в моральном смысле все фазы политического процесса — замысел, средства, методы, цели и общественная цена их достижения, все те его фазы, которые подвержены утопическим абберациям, те именно, в которых совершаются больше всего ошибок. Крупнейшие из них — ошибки морального порядка.

Временная дистанция, отделяющая политический факт от его оценки, зависит от открытости общества и политики и возможностей ее социального контроля: они либо совпадают во времени, когда общество активно, политически грамотно, обладает критическим сознанием и гражданскими чувствами, либо значительно отстает и тогда речь, естественно может идти не о текущей политике и ее коррекции, а о ее оценке *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности, т.е. важнейших путей истории). Иными словами, речь идет о переоценке больших эпох, событий, исторических проектах.

Оценочные суждения общества или какой-либо его части о политике могут изменить ее, если они своевременны. Чаще всего они могут быть не услышаны, как и другие сигналы социальной критики, еще чаще они запаздывают, но при всех условиях так или иначе моральная оценка политики или ее переоценка рано или поздно наступает, в образах ли настоящего или прошлого. В этой форме мораль в конечном счете не разделяется с

политикой. Если же такая оценка не наступает ни во время события, ни после него, то это свидетельствует о моральном состоянии самого общества, которое не может не сказаться на моральности политики. Так что суждение о ее отношении к морали неизбежно дополняется вопросом: а какова мораль общества? Вот схема оценок:

	Отношения	Моральная оценка	
		Во время события	После события
Ситуация	Политика/ этика/ мораль	Изнутри, от власти – положительная/нейтральная Извне – положительная/отрицательная/нейтральная (безразличная)	
		Вне ситуации – положительная/отрицательная/нейтральная (безразличная)	После ситуации положительная/отрицательная

Таким образом восстанавливаются отношения политики и морали и поддерживается моральная организация общества. Если или когда она разрушается (в том числе силами политики), то это означает моральный кризис какой-либо общественной силы, группы, класса, лидера или общества в целом. Такой кризис подобен всем иным общественным кризисам – политическим, экономическим и прочим, если не по структуре, то по значению. В отличие от них кризис морального сознания бывает особенно болезненным и глубоким, он труднее преодолевается, не поддается каким-либо организационным усилиям. Такой кризис – это целая эпоха, пусть даже непродолжительная. Не все его проявления легко диагностируются. Они бывают скрыты масками всевозможных предрассудков, национализма,

шовинизма, политической пассивности, коррупции, преступности, индивидуальных пороков, коллективного безволия, сервильности, коррелятом которой становится деспотическая политика.

Причины такого кризиса обычно кроются в дисфункциях других систем — вспомним об их имманентной связи. Проще всего предложить для исправления морального кризиса восстановить функции других систем. Это будет верно, но именно моральный кризис более всего и мешает их восстановлению. Задача оказывается системной и охватывает всю жизнедеятельность общества.

Возможны поэтому ретроспективные оценки моральности любой системы. Констатация имманентных связей этих систем и политики в их числе с моралью еще не будет однако конкретной оценкой их моральности. Во всяком случае различия мнений, понимания тех или иных пристрастий не сделают такие оценки объективными. Объективным будет общественный результат политики: позитивный, даже если политика не даст существенных плодов, но окажется в ладах с позитивной моральностью, и непременно негативный с моральной точки зрения при всех ее успехах, если ее моральность негативна. В этом случае она неизбежно приводит к моральному кризису общества, который затем, при выходе из общественного кризиса изживается дольше и труднее всех остальных его составляющих. Вспомним Смутное время в Московской Руси начала XVII века — результат правления Грозного (моральный кризис возникает под длительным воздействием политики и других систем и затем превращается в саморазвивающееся явление). Примеры такого рода можно было бы умножить, но это без труда может сделать и сам читатель. Важно главное — достоинство объективности спонтанной общественной и даже исторической оценки морального статуса политики и соответствующие ему последствия.

ГЛАВА VI. ПОЛИТИКА И ПРАВО

Если политика — область вероятности, столкновения максимально желаемого и предельно возможного, а мораль — это сфера неопределенности, экономика — сфера необходимости, то право, синоним порядка, — это сфера произвола. Чувственная, эмоциональная политика и не менее насыщенная духовными началами мораль сталкиваются не с обезличенной универсальностью беспристрастного права, каким оно должно быть, а с продуктом такой же субъективности. Можно было бы сказать, право и закон попросту создаются политикой и властью и потому несут в себе их общие чувственные человеческие начала. Но это было бы слишком простым решением. Каким бы не был процесс правотворчества и правоприменения, созданное властью право отчуждается от нее, и подчиняет власть и политику. Далее же действуют собственные парадоксы права, специфика его функциональной социальности.

Социальная функция правовой системы, как мы знаем, — правовая организация общества. Она осуществляется посредством регулирования и контроля других, неправовых отношений, с целью сделать их правовыми: политических, экономических, познавательных, не исключая и моральных («моральное право»), идеологических и культурных (как правомерности какой-либо идеологии или культурной традиции). Этот функциональный процесс и сталкивается с реальностью дру-

гих, не менее противоречивых систем, с их внутренними конфликтами, столкновением объективных процессов и их субъективной рефлексией. Поэтому универсализм права оказывается на деле смонтированным из ситуативных решений (по этой именно причине и возникло английское прецедентное право) и их субъективных трактовок. Необходимая всеобщность права, присущая организационно-регулятивной системе, оказывается построенной из ситуативной прагматики, усложненной к тому же ее субъективным восприятием и толкованием. Объективность порядка, абстрактная объективность закона образуются из субъективности нормирования правовых предписаний, условностей баланса деяния и воздаяния. Иррациональность субъективных оценочных суждений о мере нормирования корректируется, в сущности, столь же иррационально установленными рамками закона. Конвенциональность подобного нормирования, будучи фиксированной в законах, в конечном счете и превращается в ту универсальную объективность права, без которой невозможно правовое регулирование жизни общества и формирование коллективного правосознания, вытесняющего худший произвол — право силы, («кулачное право»), право богатого, право власти, правителя, обычая, личного усмотрения, некой субъективной «правды», суда «по совести», «народного» или «революционного» суда и т.п.

Чем иначе определяется, например, наказание за кражу (ст. 158 Уголовного кодекса РФ): штраф от 200 до 700 минимальных зарплат или (!) лишение свободы до трех лет? И там же — за групповое ограбление с причинением большого ущерба — штраф от 700 до 1000 минимальных зарплат или лишение свободы от двух до шести лет? Почему шесть, а не четыре или семь лет? Кто и каким образом определяет эти «от» и «до», если к условностям нормирования добавляется вероятностный процесс судопроизводства, т.е. актуализация права, отя-

гощенная к тому же неопределенностью субъективированного принятия судебных решений? Не менее проблематичен и баланс заслуг и их вознаграждений. Отсюда следует и неизбежный вывод: равенство перед законом — это равенство перед конвенциональным юридическим формализмом.

Произвольность или конвенциональность права однако не только и даже не столько юридического происхождения, сколько результат взаимодействия права с другими системами. Все социальные системы инструментальны — они обслуживают общество, но право инструментально еще и потому, что оно обслуживает нормами, правилами, законами, санкциями другие системы. Право в этом смысле уникальная «сервисная» система. Поскольку же обслуживание подразумевает отклик на запросы, потребности и требования, включая и произвольные, возникает *политика* отношений права с другими системами и улаживания их претензий к праву и друг к другу. Так возникает изрядная доля условностей права: они порождаются за его пределами.

Такова неявная основа отношений политики и права. Обратимся теперь к обзору их явных отношений и их истории.

Юридическая, правовая организация общества формировалась, как известно, наряду с его политической организацией, во взаимодействии и в конкуренции с ней в поисках истины и ее объективных критериев. Политика не поддавалась кодификации. Она и по сей день далека от объективного нормирования. Власть, институционализируемая политика, точнее, организация и деятельность власти нормируются в большей мере, более точно — нуждается в нормировании. Право, точнее, законодательство пришло поэтому на помощь политике. Чтобы образовать функциональную систему, охватывающую общество, потребовалось новое общественное правосознание: признание объективности за-

кона или, лучше сказать, системы, свода законов, заменявших субъективность народных собраний, традиций, обычаев («обычное право») и произвол правителей.

Знаменательным рубежом в отношениях политики и права в античном мире стал кризис прямой полисной демократии Древнего Рима: формировавшаяся в имперском центре политика перестала быть полисной, она не охватывала территорию империи и ей на помощь пришло право.

С этой или еще более ранней поры возникло двойственное представление о том, что право формирует власть и политику в ее институциональной, государственной форме, но в то же время государство, власть создает право (в демократической или монархической процедуре управления обществом). Оба представления верны и свидетельствуют об объективности взаимодействия систем и их взаимозависимости. Все это было бы достаточно очевидно и даже просто, если бы не многовековые дискуссии на эту тему и реальные противоречия политической и юридической практики. Речь в этих распрях идет о положении и роли государства в обществе. Мы продолжаем, таким образом, начатую ранее тему.

Из истории отношений и коллизий политики и права¹⁰⁷

Как мы уже отмечали, Средние века не знали абсолютизма. В Средние века сформировалась не только наиболее ясная концепция ограниченного правления, но и самое очевидное требование главенства судебных функций. На стадии священного обоснования власти короля его первой обязанностью было обеспечивать подданным «равное и правильное правосудие», поскольку «право судить принадлежит богу, а не человеку». Поэтому ко-

роль, верховный судья, есть министр и служитель бога. Как писал епископ IX в. Иона Орлеанский, «потому поставлен на этот трон король, чтобы выносить справедливые приговоры так, дабы он лично стремился и внимательно следил, чтобы ничто в его суде не отдалялось от истины и от справедливости». Отсюда и представления о том, что король обладает достоинствами истинного служителя бога. Это – раннее признание необходимости человеческих и гражданских качеств правосознания.

Показательно известное изречение Севильского епископа Исидора (VI–VII вв.): «Короли связаны своей функцией правления. В самом деле, как священник призван освящать, так король призван править, но не правит тот, кто не исправляет. Поэтому поступая правильно, он сохранит имя короля, согрешая, потеряет его. Поэтому древние говорили: «будешь царем, если ты будешь судить со справедливостью, иначе им не будешь». Критерием правильности поведения монарха служило соблюдение им закона. Иоанн Солсберийский (XII в.) писал в сочинении «Policraticus»: «Между тираном и принципсом (князем) есть одно или, лучше сказать, главное различие, что он (князь) повинуется закону и правит по его (закона) повелению народом, сознавая себя его служителем. В самом деле, власть князя проистекает от власти права; и поистине, чем значительнее власть, тем более подчинять закону высшую власть, так чтобы князь не мыслил, что может отдалиться от справедливости и правосудия».

В середине XIII в. английский судья при дворе короля Henry de Bracton писал в обширном трактате *De legibus et consuetudinibus Angliae* (О законах и обычаях Англии), который быстро стал классическим и служил формированию законников до XVI в.: «Нет короля там, где повелевает воля, а не закон»; «Король не имеет дру-

гой власти на земле кроме той, которую ему сообщает закон»; «...Король подчинен закону, поскольку закон делает его королем».

Наряду с тем оставался открытым вопрос о происхождении права. Миланский архиепископ обращался к Фридриху Барбароссе со словами: «*Tua voluntas jus est*», т.е. «твоя воля – закон». И сам Ульпин в Дигесте также указывает: «Что нравится государю есть закон».

Отсюда две концепции государства: ограниченной и абсолютной монархии. Абсолютизм еще в XIV в. Adhmar Esmein объяснял влиянием болонской Академии, приветствовавшей Фридриха Барбароссу и самого знаменитого теоретика – Аккурсия, воспроизводившего формулу Ульпина: *legibus solutus* (свободный от закона). В то же время Ульпин и другие авторы Дигесты прокламировали, как уже отмечалось, волю и суверенитет народа и титулярность правителя. Различие это известно последнему великому средневековому английскому конституционалисту Джону Фортестью (John Fortescue).

Он указывал на различия государств в Англии и Франции и роль «общего закона» – *common law* (будучи последователем Брактона). Различие государств он пояснял как *dominum regale* и *dominum politicum et regale* (*De laudibus lege Angliae*): «Первый король – то есть французский – может править своим народом посредством законов, которые он сам издает; и, следовательно, может облагать своих подданных налогами и прочими обузами, какими он сам пожелает, не спрашивая согласия народа; второй король – т.е. английский – не может править при помощи разных законов своим народом без его согласия и тем менее может налагать на своих подданных какие-либо обязательства без их согласия». («Во славу закона Англии»).

Как понимали закон в средневековой Англии: 1) «законы природы» – матери всех законов (Forteseue); 2) обычаев, чем старше они, тем законнее; 3) собствен-

но законы – статуты, одобренные «всеми», т.е. парламентом. Glenvill, XII в. пояснял, что законы – это *mores a populo conservati* (обычаи, сохраненные народом), или как указывал позже Брактон, «одобренные теми, кто ими пользуется», так решалась задача: противопоставление демонизму политики рациональности права.

Правовое ограничение власти в Новое время

Важнейший вклад Средневековья в историю конституционализма – принцип главенства закона в функции ограничения дисциплинирования власти и регламентирования политики. Переломным стал XVII в. перехода от права как спонтанного творчества народа (в Англии) или усмотрения правителя (на континенте) к осознанному законотворчеству и провозглашению юридическими палатами превосходства фундаментальных законов над парламентскими. (Ср. роль естественного закона и естественного права у Гоббса). За этим процессом последовала кодификация права в Америке и создание новой конституции.

Три современных принципа ограничения власти:

1. Писанная конституция, которая определяет взаимодействие органов власти и регулирует их функционирование и утверждает права граждан, которые ограничивают власть государства.

2. Свою легитимность конституция получает из ее содержания и общественного признания при ее принятии конституционным собранием и/или референдумом. Конституционная власть такого собрания или общества выше законодательной. Поэтому конституция стабильна, постоянна и неизменна в своей основе. Для ее изменения требуется особая процедура.

3. Самый важный критерий: наличие судебной палаты, которая решает вопрос о конституционности действий властей и других институтов и процессов и га-

рантирует конституцию (Верховный, конституционный суд, палата апелляций). Таким образом может быть под контролем и воля большинства.

Проблема отношений власти и права решается при разделении властей в соответствии с постулатом Монтескье о независимости юрисдикции. Тем самым противоречие между законодательной и исполнительной властями вытесняется противоречием этих властей и судебной властью, если вообще такие противоречия возникают. Прежде представительное законодательное собрание контролировало исполнительную и верховную власть главы государства. Демократический процесс сделал парламент частью правления и контроль перешел к судебной власти.

Начиная с XVII в. стали появляться письменные описания конституций в виде документа основного закона.

Для различения трех типов монархий возникли понятия *конституционной*, *абсолютной* и *парламентарной* монархии.

Положение исполнительной власти в них изменяется: от полной зависимости от монарха до частичной (только юридической, но не политической) зависимости от парламента. Конституционная монархия такого рода была установлена в Англии после Славной революции 1689 г., во Франции при Реставрации, в Бельгии после революции 1830 г., в Германии при Бисмарке, в России после революции 1905 г.

Конституция содержит определенную теорию свободы и прав человека и определяет условия, не позволяющие государству нарушать их.

Конституция устанавливает разделение властей с целью устранить любой произвол. Устанавливается власть закона, а не людей и ограничение власти институтов. Указываются средства, которыми обеспечиваются соблюдение конституционных гарантий.

Разделение властей – юридическая формула власти – научная и философская. Политика пришла к практике их разделения не сразу, несмотря на уже сложившуюся теорию. Так «Декларация прав человека и гражданина» 1789, в ст.: «*Всякое общество, в котором не обеспечена гарантия прав, не устанавливает разделение властей, хотя и заявляет, что еще не имеет конституции*».

В соответствии с этой установкой все современные конституции разделяют власти и образуют систему тормозов и противовесов, равновесия постов.

Разделение властей не обходится без проблем. В сословном и классовом обществе оно ранее имело одну особую функцию: представлять в разных властях разные условия (отсюда и разделение английского парламента на две палаты – одну дворянскую, другую народную или народно-буржуазную).

Монтескье в «Духе законов» в главе об английской конституции писал: «*Все было бы потеряно, если бы одна-единственная особа, или один какой-либо корпус сановников, знати либо народа осуществляли эти три власти: создавать законы, исполнять общественные решения, наказывать за преступления и разрешать споры между частными лицами*».

В Средние века и пришло это решение проблемы – разделить законодательное собрание. Кроме того, парламент уравнивали король, светская и духовная знать и народ. Отсюда в английской политической мысли появилась идея смешанного правления, которую воспроизвел Монтескье. Оно состоит во взаимном связывании законодательной и исполнительной властей. Уравновешенные таким образом системы препятствуют появлению абсолютной власти. Однако юридическое равновесие не заменяет равновесия социального.

Стабильность конституции и властей в США объясняется не только достоинствами конституции, но и социальной стабильностью страны.

В современном демократическом обществе имеют значение не столько социальные различия властей, сколько функциональные и политико-идеологические, партийные.

Что угрожает обществу, демократии и разделению властей? Узурпация власти, ее концентрация и тирания одной из трех властей: парламента либо правительства, либо главы государства, или большинства в парламенте; если процедурные правила и расстановка сил в парламенте таковы, что он зависит от оппозиции, то возможна тирания оппозиции или, иначе, тирания меньшинства.

В «Метафизике нравов» (1797) Кант указывал, что «законодательные, исполнительные и судебные функции являются необходимыми условиями образования государства» («политические достоинства»). Все три власти должны быть независимы друг от друга и возглавлены разными лицами, но координированы друг с другом во взаимной субординации, «так что одна не может узурпировать функции другой».

На деле практическое осуществление этого принципа оказалось нереальным, как показал опыт применения французских конституций 1791, 1795, 1848 гг., т.е. при нереспубликанских и/или недемократических режимах. В Европе независимости властей мешает сочетание министерских и парламентских постов. Она полнее осуществлена в Америке.

Однако основные условия разделения не в технике, а в функциональных особенностях властей.

Наиболее ранним и устойчивым оказалось отделение судебной власти, хотя она и производна от законодательной, а может быть, и поэтому. Однако это отделение прежде всего было основано на выделении судебных функций, исполнении закона. В этом смысле судебная власть — исполнительная. Следующим шагом

стала независимость суда, чему способствовало его подчинение закону. И только теперь и только отчасти суд стал над другими властями.

В этой связи возникает вопрос о различии закона и декрета. Закон есть, по Канту, общее решение для всех, декрет — особый акт в особых обстоятельствах. *Указ* — специфическая самодержавная форма, соединяющая закон («указ Президента») и декрет («декрет Президента»). Различие между ними сегодня нередко стирается, что означает смешение законодательства и политики, законотворчества и управления, администрирования и правления. Современный парламент нередко стремится стать органом управления. Юридические начала разделения властей уступают место единству политического процесса, который начинается с выборов и завершается действиями управления. В этом состоит переход от правления трех инстанций: монарха, знати и народа к правлению большинства. Если парламентское большинство формирует правительство и тем более к тому же большинству принадлежит глава государства, то правление и весь его процесс оказываются в одних руках и все его функции объединяются. Тогда и возникает возможность авторитаризма или диктатуры (партии или личности либо тирании большинства). Почему, однако, в одних условиях она не возникает, а в других — да! Единство политического процесса может превратиться в единовластие, а разделение властей в фикцию (тоталитарную), зависит все это от содержания политики и идеологии правящих сил и большинства — социальной базы, от сохранения или отсутствия процедурной демократии, норм смены власти и перестройки политики, процедурной дисциплины.

Из двух концепций разделения властей — Монтескье и Канта — возникает его новая теория. Она связана с именем Б. Констана. Это идея общей воли, потребности ограждать права и свободы человека. Это означает

свободу индивида от власти и свободу — право участвовать в управлении государством в интересах той же охраны прав и свобод. Т.е. участие в управлении в интересах управляемых. Следовательно, речь идет о политическом процессе формирования государства и методов управления, которые не позволяют государству посягать на независимость индивида, что ведет к пересмотру концепции суверенитета. В представительной системе реализуется на деле суверенитет народа, осуществляемого через его представителей. Суверенитет теперь означает не то, что король или народ могут что-то делать, а что «ни один индивид, ни одна группировка, ни одна ассоциация не может присвоить себе суверенность, если она ей не делегирована. Но из этого не следует, что совокупность граждан или тех, кто наделен суверенитетом, могут суверенно располагать существованием индивидов»¹⁰⁸.

Таким образом, в истории ограничения и разделения суверенитетов — вначале народа, затем — монарха в их отношениях *друг к другу*, возникло ограничение по отношению к индивиду (оно распространяется и на суверенитет коллектива). Одновременно сформировалась и понятие суверенитета личности.

Предупреждение диктата одной из властей достигается функцией «нейтральной власти» главы государства. Его задача — предупреждать и разрешать противоречия и конфликты властей, не вмешиваясь в их функции.

К этому механизму добавляется разделение власти между центром и местным самоуправлением в соответствии с принципом республиканского федерализма.

Основой этих суверенных отношений служит политическая свобода, происходящая из религиозной свободы и свободы печати (слова). Выражение этой свободы через представительство в парламенте служит формированию воли государства.

Дискуссии о правовом государстве

В немецко-прусском варианте просвещения монархии сувереном является не монарх и не народ, а государство, которое их синтезирует и превосходит. Его суверенитет не ограничен, все, начиная с монарха и кончая мелким людом — его служители и граждане — не могут противопоставить ему свои права.

Кодификация Фридриха II устанавливает достоверность закона. Поскольку государство руководствуется таким законом, по форме и в границах права, это само по себе гарантирует гражданам правильность закона и юридическую свободу, дарованную государством. Впрочем, государство может вмешиваться в дела индивида, но только если это оправдано законом. Государство также должно строго соблюдать разделение функций исполнительной и законодательной власти. Первая издает декреты в полном соответствии с «общим законом». Тем самым возникает потребность в контроле исполнительной власти и администрации, чтобы они не нарушали общие законы, изданные законодательной властью. Такой контроль может быть административным и юридическим. При этом возникает вопрос: что предпочтительнее — юридические или политические критерии и соображения? Контроль должен быть компетентным и независимым¹⁰⁹. При этом возникает проблема сочетания юридических и административных функций.

Теория правового государства в немецкой версии не содержит требования правового ограничения администрирования и юридического вмешательства самого государства. Права человека в немецкой версии целиком предоставляются ему государством¹¹⁰. Если правовое государство одно вправе применять силу (ср. Вебера), право не образует подлинного и действенного предела этой силе. Само право превращается в силу, которая не может осуществлять традиционную конституцион-

ную функцию регулирования отношений между властью и индивидом. В английской и французской культуре не только и не столько *voluntas*, но *ratio* играют основную роль.

В немецкой версии правовое государство не только образовано правом, но и служит его источником, само его интерпретирует и его дарует, но не ограничено им. Это развитие политического и правового абсолютизма. В английской концепции правовое государство – коррелят гражданского общества, продукт власти и общества, политики и социальности.

Совершенно иной опыт получил английский конституционализм: правление закона и права. Эта концепция сформулирована в XVI в., но ее истоки идут из средневековья, когда утверждалось равенство граждан перед законом и велась борьба против произвола власти. В то время как немецкая и вообще континентальная культура была ориентирована на унификацию государства и права, Англия не занималась государством, в ее традиции существовало понятие «правления» с его тремя классическими функциями, по крайней мере исполнительной и законодательной. Кроме того, всегда утверждалась независимость права и его положение на одном уровне или над правлением и подчинение власти праву.

Такая трактовка права и правления стала возможной не столько благодаря независимости судей, сколько особенности английского прецедентного *обычного* права, хранителями и пользователями которого был судейский корпус. Судьи же выступают и толкователями парламентских законов, ограничивая тем самым все силы парламента.

Крупнейший интерпретатор этой ситуации – A.V.Dicey (The Law of the Constitution, 1885). Равенство граждан и власти перед законом и независимость суда в его трактовке исключает произвол администрирования в судопроизводстве и вообще в юридической системе (в отличие от

французской). Dicey указал, что отсутствие писанной конституции в Англии означает следование реальным жизненным нормам, устоявшимся в обществе, а не предписанным законодателями.

Юридические объяснения правового государства мало говорят о главном: демократическом процессе, который в Англии шел быстрее и привел к идее главенства закона, его суверенности; во Франции он оставил следы абсолютизма в виде государственного главенства над правом, а в Германии, вплоть до конца 2-ой мировой войны, в силу ее феодальной отсталости – к полному доминированию государства и в политике, и в праве.

Сводить основной принцип конституционализма к разделению властей неверно и архаично, поскольку сам он возник в эпоху аристократического, т.е. феодального правления и еще сильного монархизма. Ныне этой основы больше нет, однако остается проблема деспотизма большинства или одной из властей. Формирование политического курса государства ныне определяется не согласием и сотрудничеством различных институциональных органов власти, которые представляют классовые интересы (прежняя система), а политическим запросом, который реализуется партиями, классовые интересы при этом не исчезают, только их различия становятся менее четкими.

Однако большинство и его партия, если они доминируют в разделенных органах, могут отказаться гарантировать права и интересы меньшинства и граждан в целом. Иначе говоря, разделение властей в демократическом обществе может оказаться недемократическим.

Кроме того, исключительная сложность современного общества требует незамедлительных и эффективных решений, которым может помешать чрезмерная сложность структуры власти. Иначе говоря, это та же проблема власти и закона, но власти части общества – большинства (что дает власть партии большинства) над

другой частью — меньшинством. Это проблема, которая переносит отношение общество — государство, народ — власть в другую сферу: одна часть общества — другая его часть и человек в отдельности. Средством, которое при этом используется, остается, как и при классовых отношениях, государство. Большинство и его партия становятся аналогом правящего класса. Тем самым остается проблема ограничения такой, демократической по типу, власти и соответствующего средства. Это закон (прежде всего, но также и процедурные механизмы).

Актуальность этой проблемы сейчас: большинство и его партии обычно консервативны.

Древние обращались к этой проблеме в их трактовках демократии и деление режимов правления на правильные и вырожденные, испорченные. Платон (законы) в полемике против испорченных форм демократии, писал: «Народ, согласно древним законам, не властелин законов, но их добровольный слуга». Аристотель («Политика») писал о демократиях, в которых господствует закон, и о таких, где господствует масса: «Это случается, когда высшая власть принадлежит прениям в народных собраниях, а не законам. Это происходит благодаря демагогам. В демократиях, где царит закон, нет демагогов, а самые высокие посты занимают лучшие граждане; там же, где законы не правят, появляются демагоги. Подобный народ, подобно монарху, пытается править самостоятельно, не подчиняясь закону, и становится деспотичным; такая демократия становится тем, чем среди монархий является тирания».

Таким образом, для греков конституционный режим — монархия, аристократия, демократия, — который не делает саму власть абсолютным законом, а ограничивает ее законом. Тем самым древние связывали закон, режим правления и общество («народ») в одну систему. Расшифровка их отношений позволяет дать ответ на вопрос: каким образом сделать ее неконфликтной? Свя-

зять власти процедурными механизмами — недостаточно, хотя тем самым связываются классы, которые представлены соответствующими властями: остаются проблемы общества в целом и отдельного человека. Кроме того, такая связь уже есть закон. Когда общество делится на большинство и меньшинство, власти, как бы они ни были разделены и связаны между собой, вынуждены следовать большинству. Тогда остается и обществу все его части подчинить закону. Но кто и как это сделает? Добровольное самоограничение народа возможно только, если общество к нему готово. Таково *гражданское* общество. Другой путь — подчинение власти государства (Макиавелли-Гоббс) и его развитию — правовому государству в немецком варианте.

«Всякое конституционное правление — это ограниченное правление»¹¹¹. «Стоит подчеркнуть, что тот факт, что самый устойчивый и самый неизменный признак подлинного конституционализма остается тем, чем он был изначально: ограничением власти посредством права»¹¹². «Каждое конституционное правление по определению есть правление ограниченное»¹¹³. То же: «Анти-теза правящего человека и рациональностью закона образует на деле одну из фундаментальных реальностей, одну из основ, на которых базируется американская доктрина разделения властей и соответственно вся американская система конституционального права»¹¹⁴.

Право, политика и государство

Две проблемы: требования человека к государству («права-свободы») и требования всеобщности к индивиду, чтобы обеспечить справедливость и соблюдение прав гражданина («права-доверие»¹¹⁵). Первая потребность открыта либерализмом, начиная с Локка, вторая — современным государством. Первый запрос ограничи-

вает права государства, второй – вызывает их расширение. «Поиск их синтеза представляется, тем самым, ключевой проблемой политической философии»¹¹⁶.

Речь идет также об античном принципе первенства полиса, общности и его столкновении с концепцией субъективности Нового времени и ее свободного проявления. Для Б.Буртуа трудность такого синтеза состоит «в трудности рационального применения субъективной свободы и субстанциальной тотальности».

Что касается Гегелевской политической философии, вызывает подозрение, в самом ли деле право служит для нас гарантией свободы, тем более, что гегелевская концепция государства по мнению многих открывает путь к тоталитаризму¹¹⁷. Правда, другие считают именно гегелевскую концепцию права и государства тем самым синтезом, который интегрирует права индивида¹¹⁸. Для Хабермаса существует этическая тотальность по модели субъективной этики и потому возникает и «сверхиндивидуальная субъективность государства, которая берет верх над субъективной свободой индивидов»¹¹⁹. Хабермас обращает внимание на возможность развить эту мысль идеей, обнаруженной в сочинениях молодого Гегеля и затем оставленной им, о коммуникативной рациональности, порывающей с монологической философией субъекта. С той точки зрения право государства может и вытеснить либерализм.

Рациональная суть гегелевского анализа: соотношение свободы и необходимости. Необходимость (а не логика Гегеля) может превратить свободу в иллюзию. От кого или от чего исходит эта необходимость? Другой вопрос: может ли сама свобода стать необходимостью и как этого добиться?

Сама проблема соотношения субъективной (индивидуальной) свободы и субстанциальности государства, видимо, неверна. *Субъектом* свободы является любой член общества – индивид, власть, государство в целом

и т.д. Все они субстанциональны, но их политический вес и функциональные роли в обществе различны и действительно нуждаются в согласовании, но на доступной сопоставлению основе: характере субъекта, его субстанциональности и т.п.

Новым в Новое время стала смена концепции индивидуальной свободы гражданина в государстве, а не свободы государства, т.е. свобода субъекта, которая не согласуется со свободой тотальности – государства, что предполагал уже Локк.

Политическая философия Гегеля – это синтез античного принципа всеобщности и современного принципа свободы субъекта.

Соответственно «право на сопротивление»¹²⁰.

Индивид, государство и право

Гегелевское политическое право претендует на синтез античного полисного начала, в котором полис представляется некоей целостностью, и принципа свободы субъекта Нового времени, речь идет о примирении двух начал – коллективного единства и индивидуализма¹²¹. Иначе говоря, это сопоставление Платона, который во главу угла ставит «подавление единичного, как исходного начала»¹²², с одной стороны с современным миром.

Отсюда и вопрос: следует ли понимать свободу как индивидуальное явление, которое приобретает коллективную форму или растворяется в государстве, либо восходит к новому качеству, которое двоятся – переходит в гарантию индивидуальной свободы (демократия) или поглощает ее (тоталитаризм), т.е. мира, который исходит из принципа первенства индивида, исходит из его единичной воли (под влиянием, в частности, Руссо), поможет поддержать ее либо подавить.

Нет сомнения, что Гегель стремился подтвердить античную концепцию целостности, реабилитировать ее в противовес атомизму и контракционизму «юснатурализма» Нового времени. Высшее право для него – не абстрактное естественное право Нового времени. Государство обладает таким правом, потому что оно само находится под воздействием высшего права мирового духа.

Либерализму (с его принципами атомизма и контрактуализма, субъектного начала) в концепции Локка противостояли различные попытки подчинить его *власти* как более сильному общественному началу. Для консерватизма это была церковь (у Ж.Де Местра), у О-Конта – знание, у Гегеля – государство. Иначе говоря, либерализм всегда сталкивался с тотальностью разного рода, противоположностью субъекту. Идею можно продолжить за счет партий, режимов, большинства разного рода и т.п.

Для либерализма индивид может находиться вне государства, поэтому он и имеет право на эмиграцию т.е. возможность уйти от него (Локка Два трактата о правлении и Послание о веротерпимости)¹²³. Отсюда же вытекает необходимость договорности, т.е. урегулированных юридических отношений *индивида и государства* (не только и не просто *общества* и государства) – условия пресловутого синтеза.

В пределах государства индивиду предоставляются широкие сферы деятельности, связанные с ограничением власти государства. Это сферы собственности, производства, политической практики, а также религиозной (см. Дж.Локк. Трактаты и Послание о веротерпимости). С этими видами активности связаны проявления индивидуальной свободы воли и индивидуального произвола и возникает вопрос о соответствии, воплощении в государстве сущности индивида у Гегеля, в какой мере они отвечают концепции гражданского общества и государства.

Либерализм защищает индивида от государства путем ограничения исполнительной власти властью законодательной¹²⁴ и разделением властей¹²⁵ и против безжалостной тиранической власти, обманывающей народ — правом на сопротивление¹²⁶.

По Гегелю, современный принцип свободы субъекта только при отказе от односторонностей индивидуализма, которые ему присущи в теориях современного юснатурализма. В частности, не может идти речи, как это свойственно абстрактным концепциям, об индивиде как о цели государства, ни как об этом его принципе и точки отправления. Речь идет и о том, чтобы не сводить государство, божество на земле, к средству, как того желает утилитаристская политическая философия. Иначе говоря, речь идет о поисках собственных источников рациональности и субстанциальности, а также произвольном соответствии ему индивидов, которые посредством маневров с договором формируют политическое сообщество. Вместе с критикой утилитаристской концепции государства, индивидуализма и контрактуализма Гегель предлагает новую идею индивида и его органических отношений с государством, а также его включения в государство.

Итак, Гегель о государстве: индивид как частное лицо не есть конечная цель государства. «Его (государства) субстанциальная сущность не состоит в защите и безопасности, жизни и имущества индивидов»¹²⁷. Согласно гегелевской критике думать иначе значит смешивать гражданское общество с субстанциональным государством, так как государство, политическое общество не совпадают с гражданским обществом и вообще возникает вопрос охватывает ли, включает ли государство общество; ибо нельзя смешивать общество буржуа с членами государства, а договорность — с подлинной этикой «величия» государства. Отсюда традиционная идея государственников: «государственность» вопреки

обществу – чувствительная проблема их соотношения. Инструментальное же, т.е. либеральное (замеч. авт.), отношение к государству лишает его этического начала. «...Этический элемент оказывается полностью за пределами государства»¹²⁸. Такое государство – «...Государство потребностей и соглашений»¹²⁹. Это государство истинно только на уровне гражданского общества конкретных личностей, которые являются их собственной целью¹³⁰, ищут удовлетворения их собственных потребностей и запросов совокупности, которую они с необходимостью образуют¹³¹.

Право, политика и закон

Закон, как мы знаем, объективированное право, формализованная и материализованная формы существования права и власти, способ их проявления. Право – абстракция, такая же, как политика. Власть – тоже абстракция. Закон – одна из форм, в которой они конкретизируются. Закон – отвлеченная норма, обобщенная в правилах общественная практика.

В отождествлении права и государства и понимании государства как юридического образования («Юридическое государство») обычно включается понимание права как средства принуждения, легитимации и легализации власти как силы и ее законного права на принуждение и насилие. Таким образом, право толкуется в двух функциях: легализации власти (государства) и насилия (его карательных функций). Оставались долгое время непризнанными его организационные и регулятивные функции, а также социальные и моральные, взаимодействующие с такими же функциями политики и власти (государства), хотя уже Гоббс указывал, что суверен, определяющий право, решает, наши действия справедливы или нет, честны и бесчестны, хороши и

дурны («О гражданине», VI, 9). Но и для него «гражданские законы» — это законы государства. «Гражданское правление» Локка основано на первенстве законодательной власти. Учредительные, организующие власть (государство) законы и функции права и есть «позитивное право». Легислатура, учреждение законов, т.е. того же государства и есть признак «политического общества» — Учреждение общества имеет не одну цель — создание власти (государства), но две: власти и закона, для чего и необходима высшая законодательная власть. В этом состоит выход из природного состояния и спасение от произвола (т.е. вольного толкования закона) и беззакония (Второй трактат, § 134 и 136).

Для Руссо эта «общая воля» может быть выражена только в общих нормах, которыми и являются законы. Эти общие нормы — законы — определяют и «политическое тело», т.е. государство, его устройство, и благодаря такому общественному (общему) договору (закону) оно и получает право именоваться республикой. Тем самым выражается и суверенитет народа — единственно легитимный. Общая воля производит и законы, и это главная гарантия от деспотизма («Общественный договор» II, 6 и др.).

Кант, следуя Руссо, считал гражданское общество результатом исходного и даже идеального общественного договора власти и суверенного народа. При этом «Единственная неизменная конституция, это та, при которой только закон суверенен и не зависит ни от какой особой личности» (Метафизика нравов. Общее учение о праве, § 52). Под «законом» он понимает такую абстрактную норму, которая обосновывает общие интересы (и следовательно, равенство), абстрактность права и закона выступает как их всеобщность и потому как залог равноправия; но это «точная всеобщность», которая может быть конкретизирована в частных конкретных случаях — иначе закон не будет применим.

У Гегеля, в его раннем творчестве вплоть до «Философии права», закон как выражение общей воли, провозглашенной, обнародованной и общественно признанной, есть высшее выражение рациональности государства, то есть точно факта, что государство выражает всеобщий интерес, самосознание организованного народа (общесоциальная концепция государства в сочетании с юридической). Государство, воля которого не выражена в форме закона, — несвершившееся государство, не достигшее состояния самовыражения, т.е. современного представительного и бюрократического государства, теоретиком и идеологом которого был Гегель.

Наиболее полная и последовательная теория идентификации права и специфической формы закона, характерной для современного государства, представлена веберовской типологией легитимной власти: различных форм традиционной власти (патриархальных и патримониальных государств или состояний), в которых право по преимуществу традиционно или «по здравому смыслу», т.е. принадлежит долегалльной власти, и в ней право все более принимает характер фиксированной нормы, т.е. переход от предсовременного к представительному и административному государству Нового времени. Легальная власть, по Веберу, образуется и осуществляется в соответствии с предзаданными законами. Она, следовательно, предназначена создавать учреждения, производящие и изменяющие законы, т.е. законодательные органы, которые дифференцируются по принципу разделения труда в судебной и административной власти. Разделение на власти создающие законы и исполняющие их приводит к преобладанию права в форме законов над всеми другими формами права. Первая предпосылка легальной власти в том, что «любое право может быть установлено рационально относительно ценности цели или отношения к ней (или того и другого) посредством соглашения либо навязы-

вания». Вторая состоит в том, что «всякое право по его природе есть космос абстрактных правил и норм, установленных намеренно»¹³².

Представление о юридической природе государства и о порождении нормативного права этим государством приводит к концепции государства и права как некоего целостного политико-юридического образования: *правового государства*. Правовое государство на протяжении столетия было именно в этом толковании достоянием юристов от французской Реставрации до немецкого Веймара в качестве образа современного государства. Это государство явилось, таким образом, результатом длительного процесса этатизации права и юридизации государства Нового времени. Имманентный процесс, не обусловленный ни социально, ни политически, ни морально, как полагали Локк, Руссо, Кант и даже Гегель. Этой концепции можно дать две интерпретации – теоретическую и идеологическую. Для Кельсена юридизация государства, его юридическое объяснение как юридического образования позволяет избежать идеологизации теории и самого государства. В идеологической интерпретации правовое государство – идеал современного государства, ограниченного правом.

Идеология нашего современного государства не осуществится без закона, созданного государством (им же и обществом осуществленным), т.е. властью, точнее политикой. Так образуется связь: политика – идеология – право – власть – закон.

Бурная история взаимоотношений политики и права не имеет конца. Они слишком тесно связаны и активно взаимодействуют. Однако демократическое общество имеет возможность гармонизировать и, главное, рационализировать правовую и политическую организацию общества в едином процессе общественного развития.

ГЛАВА VII. ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

В сознании, в общественной теории и философии и, естественно, в общественной практике политика и власть, средство ее осуществления, неизменно доминировали над экономикой.

Власть и по сей день ассоциируется обладанием, политика – с распоряжением владением, какими бы ни были его формы. Достаточно вспомнить рабовладельческое общество, в котором экономика существовала преимущественно благодаря власти над подневольной человеческой силой, которая и создавала богатство свободного общества, а власть и политика имели целью организацию внеэкономического принуждения рабов к труду, пополнение рабочей силы войнами и захватами и управление рабовладельческой экономикой.

Со временем внеэкономическое, политическое (включающее господство, физическое насилие и т.п.) принуждение к труду сменилось экономическим, но роль политики, оформлявшей законами экономические отношения, и вековая борьба за регулирование отношений труда и капитала – это тоже политика. Победы в борьбе за рабочее законодательство засвидетельствовали возможность политики играть решающую роль в сфере экономики. Как в действительности складываются отношения политики и экономики показала полуторавековая история исследования этой проблемы.

Политическая философия находится в своеобразных отношениях с проблемой взаимодействия политики и экономики. Эти центральные отношения в системе связей регулятивных средств общества занимают исключительное место в общественно-политической теории марксизма, в немарксистских концепциях их положение иное. Прежде всего, проблемы материального производства и экономических отношений уже два с лишним столетия – прерогатива политической экономики. В ее истории политическая проблематика прочно удерживается как ведущая политическая тема. Произошла лишь ее концентрация в макроэкономических исследованиях, в макроэкономике, в связи с развитием и обособлением конкретных, эмпирических микроэкономических дисциплин. Философский аспект политико-экономических учений, весьма значительный во времена Бентама, Дж.Ст.Милля, перешел в сферу социальной философии и общественной теории. Во времена формирования утилитаристских концепций в трудах Бентама и Милля возникла идея экономического благоденствия. В наше время концепция общества благоденствия разрабатывалась социальной философией и конструктивной общественной теорией. Экономическая теория обеспечивает ее экономической аргументацией¹³³. Ее истоки – сложная диалектика взаимосвязи политики как концентрированного выражения экономики и экономики как цели политики исчезает в разделении теоретического труда между всеми этими областями знания. При этом главенствующая мысль концепций и теорий политико-экономического и социально-философского рассуждения – направленное развитие, осуществляемое обществом под руководством центральной политической власти. Это не случайно, ибо именно проблема сохранения и воспроизводства общественных отношений под эгидой государства – цель экономической политики, которую осуществляет это государство.

Соответственно и задача ведущего регулятивного общественного механизма — политической власти, и экономической власти, организующей материальное производство и воспроизводство общественных отношений, находятся в центре внимания комплекса наук, изучающих связи политики с экономикой и саму экономику.

Политическая власть создает социальные условия жизнедеятельности, но не является ни ее носителем, ни непосредственным участником, однако она выступает и субъектом права, и носителем нравственного политического сознания и идеологии, творцом политической культуры. В то же время политическую власть связывают с экономикой специфические отношения власти: так как часть регулятивных механизмов (культура, мораль, этика, идеология) не имеют собственных центров власти¹³⁴, тогда как знание (наука), право, территориальная администрация и экономика имеют собственное управление, но экономическая власть (и власть знания) находится в иной, чем политическая власть сфере — в частных руках, или в приватной зоне и переходит в публичную, общественную зону. Это власть саморегулирующихся товарно-денежных отношений и в этом качестве она близка к саморегуляции диффузной микровласти, с которой она связана не только типом механизмов саморегуляции, но и генетически — характером субъект-объектных отношений, отношениями производства и обмена товарами и т.п. Из микроотношений приватной сферы и общественных отношений публичной сферы экономическая власть восходит на высший государственный институциональный уровень. Политическую и экономическую власть — две центральные власти, направляющие жизнь общества, — связывают наиболее сложные и ответственные отношения — от противостояния до тенденции к слиянию.

Политика, как только что отмечалось, и политические власти в принципе не занимаются и не могут заниматься материальным производством, не участву-

ют в непосредственном создании материальных ценностей, организации труда, не говоря уже о его технологических аспектах. Существуют определенные пределы проникновения политики в экономику и специфические формы ее воздействия на экономическую деятельность. Выход политики за пределы допустимого по общему, уже известному нам правилу ведет к разрушению экономики: применению командно-приказного управления, администрирования, жесткого и неповоротливого управления, его бюрократизации и т.д. И в итоге – к деградации производства, разрушению распределения и потребления. Поэтому в экономике всегда остается область отношений и практической производственной деятельности, которая для политика закрыта.

Тем не менее политику и экономику связывают самые фундаментальные отношения.

Однако представление о политике как о «концентрированном выражении экономики» вызывает ряд вопросов. Действительно, экономическая сфера жизнедеятельности, т.е. непосредственное материальное (промышленное и аграрное) производство определяет физическое существование человека, человека как части природы («природного тела», как говорил Маркс). Концепция ведущего экономического начала общественной жизни к тому же логично включалась в систему оппозиций (дихотомий), давно закрепившихся в сознании: тело и душа, бытие и сознание, плоть и кровь, идеализм-материализм и т.п. Она пополнилась марксовской идеей соотношения базиса и надстройки. Эта весьма плодотворная идея породила, однако, вполне естественный вопрос, что именно составляет базисные явления и отношения и что – надстроечные, а вместе с тем и бурную дискуссию 40–60-х и даже 70-х гг. XX века по этому поводу и прежде всего о том начале, которое определяет другое, одностороннее ли это движение или двустороннее и тогда какое существеннее. Признание приоритета эко-

номики (это, следовательно, базис) означает, что она определяет все другие (небазисные, т.е. надстроечные) явления, в том числе и организационные системы общества, включая и политику. Тогда и право, и культура, и мораль, и наука, и религия, не говоря уж о политике и идеологии, должны быть концентрированным выражением экономики (чего, конечно, не говорили ни Маркс, ни Ленин, но что логично). Но тогда в отношениях между направляющими общество системами нет взаимодействия, налицо лишь доминирующие базисные, экономические определяющие воздействия на все остальные сферы жизни общества. Но границы между системами все же существуют, иначе всех их пришлось бы попросту включить в экономику. Следует вопрос, где же границы между ними, т.е., опять-таки, что такое базис и надстройка? Если эта граница определяется материальными формами и отношениями, то, как мы знаем, в каждой системе они есть (даже в моральной). В то же время в сфере экономики функционируют нематериальные экономические отношения, эквивалентные другим общественным отношениям в других сферах жизни общества. Более того, в современной экономике все большее место, доходящее до половины и более объема операций и числа работников, занимает непродовольственная сфера, или сервисная экономика, которая лишь косвенно связана с производством: она его обслуживает, но не производит (в отличие от «первичной», добывающей экономики и «вторичной», обрабатывающей — это «третичная» экономика обслуживания — конструирование, транспорт, связь, хранение, реклама, информация, анализ конъюнктуры рынка и т.п.). Не меньшую роль играют в непосредственном производстве и так называемые непродовольственные сферы — науки гуманитарного цикла, медицина, социальные, политические силы и структуры и т.д. Поэтому обсуждение проблемы базиса и надстройки быстро преврати-

лось в схоластический спор об их разграничении. Его участники не могли, например, мирно поделить государство и решить, базисное ли это явление или надстроечное. Подлинная структура взаимозависимых отношений экономики и политики формулой концентрированного выражения не прояснялась, а затемнялась. Объяснялась же она очень узким пониманием политики как классовых отношений (В.И. Ленин) и экономики как исключительного занятия двух или трех оппозиционных, если не враждебных, классов со всеми их интересами. Такое толкование в самом деле позволяет их соединить простыми органическими связями зависимых функций политики, состоящих в выражении экономики, да еще в концентрированной форме. Стоило лишь замкнуть их отношения этой «бесспорно верной» формулой и она из сильного аналитического средства становится источником споров и недоразумений.

Теперь мы знаем то, что было известно давно, если не всегда: политика не сводится к регулированию отношений между классами; лишь часть функций политики и ее институциональных и неинституциональных структур непосредственно связана с экономикой, хотя это и важная часть; значительная часть политических явлений и процессов связана с экономикой опосредованно, косвенно, через социальные процессы, структуры и силы, которые непосредственно или тоже косвенно включены в экономические отношения; и политика и сама экономика определяются не односторонними отношениями (экономика — политика) и не взаимными (хотя это основа их отношений), а совокупностью всех взаимодействующих общественных систем; что политика, как и другие такие системы, независима от них и от самой экономики, хотя, конечно, относительно, но в меру этой ее автономии она может определять развитие экономики; экономика, развиваясь в отдельных странах и регионах мира при всех различиях между

ними – интернациональный процесс, общеисторический, особенно в той основе экономики, которую Маркс называл «технической базой» общества (например, техника, рынок, товарно-денежные отношения, товар, стоимость и т.п.); все своеобразное, что обнаруживается в экономических отношениях отдельных обществ, как правило, относится к ее социальной и политической, культурной, научной и пр.; а не экономической организации; политика также делится на универсальные, объективные, всеобщие явления и процессы, функции, задачи и цели, «технику» власти (словом, все, что определяет ее существование в обществе, в том числе и ее экономические функции) и специфические для данного общества действия, цели и средства, не только экономические, но и любые другие.

В результате непосредственным выражением экономики оказывается только та политика, которая продиктована конкретными и более общими, постоянными потребностями (регулировать трудовые отношения, осуществлять финансовую и кредитную политику, инвестировать в производство и исследования, управлять экономическими инфраструктурами, и, в зависимости от типа общества и государства, вмешиваться в производство – меньше в либерально-демократических государствах и очень глубоко – в авторитарных и тоталитарных).

Значительная часть политических реакций на экономические процессы и проблемы связана не с самой экономикой, а с социальными феноменами, порождениями экономических отношений – интересами правящих сил, классов, партий, стимулированием (либо подавлением) и регулированием экономической деятельности, распределения и потребления, администрирования в сферах, которые близки к экономике, подбор и расстановка кадров управляющих, законодательская деятельность (в области гражданского, трудового, хозяйственного права) и т.п.

Существуют промежуточные, связующие формы, которые соединяют экономику и политику как сферу управления жизнедеятельностью через власть, точнее, два ее вида – экономическую и политическую, через владение средствами производства и управление ими, вещами, господство в сфере производства и распределения и т.п. конкретные экономические и политические отношения, которые *придают экономической деятельности политический смысл, а политическую деятельность трансформируют в экономическую или позволяют ей получить экономическое выражение.*

Еще сложнее и двойственное проявление экономики в политике. Именно в экономической сфере формируются производительные силы общества, о которых призвана заботиться политическая мысль, осуществляются производство и распределение, складываются производственные отношения и отношения между классами, т.е. определяющие основы политики. Из экономической сферы исходят материальные ресурсы, формируются доминирующие интересы, определяются возможности экономического, а следовательно, и политического потенциала страны. Экономическая сфера жизнедеятельности, ее организация порождают соответствующую политическую систему общества, как и его социальный строй и культурный облик. На этой основе формируются экономические интересы и цели политики, например стремление ускорить экономическое развитие, реорганизовать экономику и даже перейти к новому или иному типу экономических отношений (задача социально-политических революций, реформ и современного этапа нашей истории).

Таким образом, свои важнейшие импульсы политика получает от экономической основы жизнедеятельности – ее материальной базы и социально-экономических отношений. Однако не менее фундаментальные основы самой экономики заложены в политике – имен-

но такое взаимное определение взаимодействующих систем характерно для их отношений. Вернее в этом случае говорить не об односторонней, а о круговой причинно-следственной связи таких двух начал, как политика и экономика.

Остановимся вкратце и на других связях экономики.

Не только политика, как мы знаем, но и другие системы по общему правилу связаны экономикой. Экономика, особенно современная, непосредственно зависит от сферы права и не может существовать без правового регулирования. Более того, она не может нормально функционировать без развитого общественного и индивидуального правосознания, а также морального состояния общества. Кризисы морали и правосознания (они необходимо связаны и обычно обусловлены одной более общей причиной – социальным кризисом) неотвратимо останавливают развитие экономики.

Не приходится говорить о зависимости экономики от сферы научного знания, всей инновативной системы научного и технического творчества. Революция производительных сил XX в. стала, как известно, результатом обращения отношений науки и производства: наука ныне не столько обслуживает производство (эта роль отводится так называемой прикладной и ведомственной науке), сколько реализует научные открытия и конструкторские проекты, с которых и начинается весь инновативный экономический процесс. Экономика оказывается во все большей мере «концентрированным выражением» научного знания.

Определяющую роль культуры в экономической жизни общества следует подчеркнуть, хотя она и очевидна. Речь идет не только и не столько о пресловутой культуре производства – она сама лишь производное явление более общего явления: культуры как типа ментальности поведения, комплекса социальных ценностей. Именно она и определяет гигантские экономические

процессы – развитие экономики в одних регионах мира и странах и ее отставание или специфические формы в других (Европа, Северная Америка или Африка, Германия, Япония или Ближний и Средний Восток и т.д.).

Но вернемся к отношениям экономики и политики.

Как уже говорилось, политика взаимодействует с экономикой также в двух формах – прямого участия в экономическом процессе и косвенного, опосредованного социальными процессами, отношениями и структурами.

Функционирование экономики и политики – это взаимодействие *двух автономных*, но взаимосвязанных и взаимозависимых общественных систем, общественных начал или сущностей.

В современном обществе такой тип отношений особенно очевиден. Все послевоенные годы развитие экономики определялось в первую очередь его политической организацией, выбором экономической стратегии, концентрацией внимания и сил на создании и решении программ развития.

Общий экономический подъем развитых стран и переход к развитию отстающих, бывших колониальных стран в послевоенный период – результат колоссальной работы политической и социальной мысли, появления концепций, специально посвященных проектам развития – это теории модернизации, роста (экономического, политического, социального, демографического), общественного развития, социального изменения, индустриального и постиндустриального общества и мн. др.

Особый случай решающего воздействия политики на развитие экономики – короткая, но трагическая история тоталитарных государств (Германии 30–40 гг. и СССР), которые сумели провести тотальную политическую мобилизацию общества и резко форсировать развитие производства, подчинив его к тому же политическим целям, в первую очередь – войне, милитари-

зации и гонке вооружений и особой организации ограничительного распределения. Им же принадлежит особый опыт жесткого экономического планирования. Таким образом, экономические функции политики, ее возможности определять экономический процесс несомненны.

На такой двоякой основе зависимости и автономии реально организуются отношения экономики и политики. Политика участвует в организации экономики, способствует (или препятствует) ее развитию, направляет его. В зависимости от типа общества и его политического строя государство может существенно воздействовать на экономический процесс и непосредственно участвовать в нем инвестициями, кредитами, кадрами управления, планированием размещения производства, финансово-налоговыми мерами (так называемая политика государственного вмешательства) и даже выступать в качестве собственника государственных и национализированных предприятий (типа корпораций «Рено», «Фиат» и др.). Масштабы владений госсектора только в капиталистических странах Запада настолько велики, что только некоторая часть их, которая была акционирована (т.е. приватизирована, передана в коллективное владение за несколько лет) составила 3000 предприятий – 50% предприятий Италии принадлежат государственному сектору. В целом экономика существует не помимо политики, а лишь благодаря политике, организующей и регулирующей экономическую деятельность общества. Неизменный вопрос в политике – это мера и способы политического вмешательства в экономическую жизнь человека и общества. В зависимости от решения этого вопроса различаются тоталитарные режимы с предельным глубоким включением политики в экономику, традиционные (уже не существующие в чистом прежнем виде) консервативные учения, допускавшие экономическую власть государства

(особенно его монархических и полуфеодальных форм); также и традиционный либерализм (который тоже сошел со сцены), отвергавший государственное регулирование экономики и их новые формы: неолиберализм (Америка и Европа с 30-х гг. XX в. вплоть до наших дней), стремившийся к рациональной, научно обоснованной политике регулирования экономики, и неоконсерватизм, который в 70–80-х гг. стремился ограничить влияние государства на экономику, хотя и не отказался от него совсем, главным вопросом при этом для них стал выбор между государственным (общественным) и частным владением крупными формами собственности (отраслями производства, фирмами). Опыт экономической политики XX в. свидетельствует о ее решающей роли в развитии производства при высоком уровне политических и экономических знаний и активности государства. Политическими методами регулирования кредитно-финансовой деятельности, стимулирования спроса и покупательной способности населения осуществлялась антикризисная стратегия США и Европейских стран, начиная с 30-х гг. Некогда на либеральной политико-идеологической основе сложилась концепция свободного рынка (т.е. товарно-денежных отношений) и экономической свободы, не регламентированной политическими средствами отношений товара и денег, спроса и предположения с автоматическим саморегулированием производства и потребления («невидимая рука» А.Смита). Поскольку саморегулирование не оказалось эффективным и приводило к периодическим (если не постоянным) кризисам то спроса, то предложения, то перепроизводства, то недопотребления, то к войнам за ресурсы и рынки, политическое вмешательство в экономику стало неизбежным, наряду с научным преобразованием макро- и микроэкономической теории и практики (исследования конъюнктуры, стимулирования покупательной способности населения, креди-

тования спроса и производства, их планирования и мн. др.), т.е. осуществления экономической политики в очень широких масштабах. Экономика все более становилась «концентрированным выражением» политики. Две мировые войны, гигантский кризис 1929–1931 гг. И непрекращающиеся менее разрушительные спады и кризисы показали, что такое экономика без серьезной экономической теории и без политики. В послевоенные годы XX в. на Западе бурно развивались политические и политико-экономические концепции (модернизации, кейнсианские и неокейнсианские, монетаристские концепции, теории индустриального и постиндустриального общества и множества других «новых» обществ и т.д. и т.п.). Экономика развивалась и совершенствовалась на политико-идеологической основе обновленного либерализма – неолиберализма со значительным влиянием социалистических (социал-демократических) политических идей: обобществления экономики (национализации и расширения госсектора), планирования и программирования производства, расширения социальных функций экономической сферы – известного перераспределения доходов в пользу нуждающихся, расширения фондов общественного потребления, социального страхования и т.п. В 70-х – начале 80-х гг. потенциал этой политики был отчасти исчерпан, отчасти были сознательно дискредитированы сами посылки неолиберализма под предлогом падения производительности труда на национализированных предприятиях, подкармливания бездеятельных слоев, убыточной социальной благотворительности и т.п. «Новая волна» неоконсерватизма пришла на политическую сцену с идеями деполитизации экономики и отказа от вмешательства в нее государства (в отличие от своих же классических предшественников). Однако и они, по существу, продолжают (в урезанном виде) ту же, объективно неизбежную линию на глубокое, органическое

соединение политики и экономики. Частичное разгосударствление промышленности и ограничение социального протекционизма не изменяют сути исторической закономерности: необходимого взаимодействия политики и экономики. Однако относительная автономия той и другой допускает их самые разные сочетания.

Отношения политики и экономики строятся на взаимном соответствии двух парных противоречивых начал: универсальному единообразию экономического процесса со всеми его измерениями (объективными и субъективными факторами – трудовыми навыками населения, культурой труда, уровнем образования и т.д.), законами (законом стоимости, принципами ценообразования, необходимым единством производства и потребления, отношениями спроса и предложения и мн.др.) соответствует в каждой конкретной стране, ситуации, отдельной эпохе подвижная политика, ориентированная совокупностью социальных, культурных, исторических и иных факторов (идеологии правящих сил, интересами участников общественного процесса, запросами общества и т.д.); в то же время неизменным, универсальным началом политики, ее всеобщим формам, средствам, целям и пр. соответствует постоянная динамика экономического процесса – расширенного воспроизводства, совершенствования управления и организации производственного процесса, модернизации, научного и технического творчества и т.п. Поэтому возможны два внешне противоречивых, но в действительности закономерных типа сочетаний: (1) различных социальных и политических систем (демократических, авторитарных, деспотичных, даже тоталитарных), различных режимов и форм правления (монархий, республик, архаических систем азиатского типа, либерально-демократических и пр.) с экономикой одного типа (с товарно-денежными отношениями современного рынка, частной собственностью, одними и теми же формами трудовых отно-

шений и экономического принуждения и т.д.), отчего одновременно сосуществуют на идентичной экономической основе западные демократии и государства с диктаторскими правлениями и (2) сочетание государств с одним и тем же политическим строем и с одноплановыми социальными системами или очень сходными, но с экономикой различного уровня, неодинаковой эффективностью. Тогда в одном общем регионе оказываются развитые, менее развитые и слаборазвитые страны – ФРГ и Испания, Англия и Португалия, Франция и Греция и т.д.

Лишь одно различие двух систем теоретически исключено: сочетание экономики одной формационной природы и политики и другой (например, экономики способа производства на рабовладельческой основе с внеэкономическим принуждением и политики развитой парламентской демократии в гражданском обществе и правовом государстве). Однако и это правило допускает очень значительные отклонения, ведь известны в прошлом феодальные теократические демократии (Венеция, Новгород), античные демократии, в которых зрели будущие экономические и политические отношения. А в современном мире – военно-феодальный режим нацистской Германии и его индустриальная основа.

Общий уровень политики и экономики – их нормальная историческая пропорция. Высокий уровень политики (богатство международных связей, эффективность власти, гибкость политических структур и т.п.) в таком сочетании означает и высокий уровень производства, его устойчивый рост, стабильность обеих систем, снижение социальной и экономической конфликтности и т.д.

Закономерен в целом особый тип одно-многозначных отношений экономики и политики, когда одному виду, типу, уровню экономики отвечает один из многих типов (уровней развития) политики и в обратном

соотношении — одна и та же политика региона (общественного строя, данной эпохи и т.д.) и разные уклады, типы, уровни развития экономики.

Социальные и экономические функции современного государства

Современные государственные центры власти располагают и распоряжаются исключительными по масштабам, физическим объемам материальных ресурсов, которые совместно созданы государством и частными предприятиями. Владение-распоряжение растущим научным, технико-производственным, экономическим потенциалом решительно изменяет облик макрополитической власти и ее функции. Эта сторона современной политики достаточно известна, но краткий обзор основных явлений, характеризующих развитие функций государственной власти, видимо, будет уместен в политико-философском исследовании. Государственный и частный капитализм имеет дело в развитых странах с колоссальными материальными ценностями, определенными в форме средств производства, и массами людей, занятых в различных видах производства. Валовой национальный продукт, ежегодно создаваемый производительными силами таких стран, может создать представление о масштабе деятельности власти, необходимо для приведения их в действие: для США, например, он исчислялся в 1980 г. в 2.518 млрд. долл.¹³⁵.

Доля государственного сектора общественного производства в воспроизводимом материальном богатстве (сосредоточенном, в частности, в авангардных отраслях производства, таких, как электроника, атомная, космическая техника и т.д.) достигла уже в 50-е годы в США — 13%, в ФРГ — 20%, во Франции — 42% и т.д.¹³⁶.

Развитие производительных сил, техники и науки, ее все более полное технологическое использование требует значительного роста затрат, таких инвестиций, которые нередко оказываются посильными лишь крупным монополиям и государству. В условиях роста удельного веса постоянного капитала и снижения нормы прибыли организация производства, а следовательно, и политическая функция воспроизводства – производственных отношений, специфической социальности общества – становится невозможной без непосредственного участия государства в общественном производстве, создания и расширения государственного рынка, спрос которого оказывает большое влияние на развитие экономики¹³⁷.

Особые политические задачи современное государство вынуждено решать в сфере наемного труда¹³⁸.

Важная сторона деятельности современного государства – доселе небывалый по масштабам контроль кредитно-финансовых операций, регулировании денежного обращения и банковского кредита и т.п. Посредством налогов государство увеличивает обобществление фонда прибавочной стоимости, поскольку изымает возрастающую часть ее в свое распоряжение. Государство следует в области кредитно-финансовой деятельности по пути ее интернационализации.

Важнейшей и притом прямой формой участия государства в развитии производства становится все более широкая экономическая деятельность самого государства.

Расширение государственного сектора экономики – главная форма вмешательства («участия») государства в эту систему. Прошедшая после второй мировой войны полоса национализаций в развитых европейских капиталистических странах явилась выражением именно этого расширения социально-экономической деятельности и политического управления.

Обрисованное только что развитие происходит, как известно, в условиях интенсивного научного и технико-экономического роста. Его результатом предпола-

гается в разных системах взглядов целая гамма социальных, точнее социально-политических «революций», трансформирующих капиталистическое общество, превращающих его в посткапитализм разного рода, помимо хорошо известного постиндустриального: кооперативное, альтернативное общество, зрелое, великое, технотронное, рациональное, приемлемое, изобильное и т.п.

Государство участвует не только в материальном, но и в духовном производстве. Ему в развитых странах принадлежит значительная часть индустриально организованных лабораторных исследований и конструкторских разработок либо оно так или иначе финансирует научно-исследовательскую работу.

Вмешательство и прямое участие государства вытесняет рыночные механизмы прежде всего в таких областях, как удовлетворение общественной потребности в функционировании и развитии инфраструктур (услуги, транспорт, коммунальное хозяйство и т.п.), образование, финансирование и проведение научных исследований, охрана окружающей среды, создание всех видов общественных и культурных условий для расширенного воспроизводства.

Государственное регулирование создало новые формы разрешения противоречия между производством и потреблением путем изменения структуры потребления, а не сокращения его объема (в меньшей степени). Это последнее обстоятельство немаловажно, с точки зрения исследованного Марксом единства производства и потребления. Регулируя производство, но не направляя соответствующим образом процессы потребления, государственный регулятивный механизм социально-экономического управления не смог бы осуществлять процесс воспроизводства. Отсюда политика доходов, регулирование спроса – лишь первая, значительная по масштабам, но уже ставшая традиционной формой экономической деятельности государства. К числу других

непосредственно связанных с обеспечением функционирования общественного производства средствами государственного управления (и с использованием финансов государства) относятся государственные меры, принимаемые для управления трудовыми ресурсами общества, для формирования рабочей силы, деятельности в сферах образования, здравоохранения, обслуживания, в области владения и управления, расширения наемного труда¹³⁹.

Относительно новой функцией регулирования производства государством является долгосрочное программирование и планирование. Государственное планирование развития отражает объективные потребности интенсивного обобществления в рамках отдельных обществ и за их пределами – интернационализованного производства. Экономическое планирование и программирование – попытка распространить в масштабе государства, группы государств и планеты опыт управления корпорацией (через масштаб многонациональной монополии) и на основе новых методов сбора данных и их анализа. Новое знание об обществе и природе стимулируют попытку охватить организацией и рационализировать их отношения. Отсюда новые экологические функции государства.

Социальное равновесие призвано обеспечить и экономическое равновесие (идея неоклассической экономики) или, во всяком случае, управляемость экономики, если используются динамические механизмы ее развития (идея неокейнсианства, кембриджской школы экономики и др.).

Характерная для этой концепции развития модель соотношения политики и экономики появилась на основе теории социального обмена Дж.Хоманса, которая уподобляет рыночные механизмы обмена некоторым элементам политических отношений: цены рассматриваются как нормы, рыночная регуляция цен, спроса и

предложения – как формы социального контроля, распределение прибыли – как распределение власти. Тогда, например, инфляцию можно считать нарушением нормы и т.п.

Сталкиваясь со всеми этими проблемами, политическая философия обращается к центральной проблеме исконной социально-политической философской традиции – к проблеме общего блага, решение которой признано основной задачей государственной власти. Идеология общего блага как цели государственной политики всегда была двойственной. Она неизменно питала аргументами любое политическое сознание, от искренних помыслов торжественных политических деклараций времен Французской революции и Американской войны за независимость, официальную политическую фразеологию всех времен и явную демагогию, вплоть до ее самых чудовищных извращений фашистского и нацистского типа. В прокламировании целей достижения общего блага состоит «идеологическая политика», которая давно дискредитирована, в связи с чем (в числе других причин) в послевоенные годы в западной политической философии возникло движение против идеологии в политике и вообще против «идеологии». Однако критическое отношение к идеологии общего блага не исключает этой идеи из концептуального аппарата политической философии¹⁴⁰, ибо реализация такого блага всегда может рассматриваться как идеальная цель политики, которая закономерно достигается лишь частично и столь же закономерно остается основной и общепризнанной целью политической власти, какой бы скепсис не вызывали декларации этой цели в конкретных проявлениях и в деятельности реальной власти.

Еще два обстоятельства прочно удерживают идею общего блага в политическом языке и в политической философии. Прежде всего, ни один практический политик или теоретик политики не решится провозгла-

сить целью политики нанесение вреда обществу, хотя реально именно таков подлинный результат весьма многих политических процессов. Еще важнее фактическая необходимость решения политической властью многих общезначимых задач: организации жизнедеятельности, совместной жизни различных общественных классов и групп, общественных отношений, внешнеполитических связей, устройство государственной территории, инфраструктур, общественных служб, администрации, защиты от внешних врагов и т.п. Если соответствующая деятельность власти на деле служит интересам лишь части общества, разного рода классов и групп, вплоть до отдельных лиц, действия политической власти тем не менее могут быть представлены как общий интерес. Не случайно в легитимации власти мотив общего блага всегда играет важную роль, вплоть до оправдания по существу антиобщественных, классовых политических целей – милитаризма, внешней агрессии, нарушения гражданских свобод и прав и т.п.

Концепция общего блага видоизменяется и ее содержание весьма многообразно. От «свободы, равенства и братства» она эволюционировала до разного рода конкретных форм, и каждый раз трактуется исследователями исходя из конкретной исторической ситуации и господствующей идеологии. За последние несколько десятилетий идея общего блага претерпела ряд существенных изменений. Она была предельно развита либеральной социально-политической философской теорией, пережила в ее рамках несомненный кризис и из контекста либерально-реформистской идеологии перешла в неоконсервативные разработки. Любая политическая теория считает своим правом определять, что именно в жизни общества является для него благом.

Наиболее существенные утверждения относительно общего блага как цели и содержания политики можно кратко изложить следующим образом.

Концепция общего блага исторична. Она развивается во времени, и ее формирование определяется уровнем развития самого общества, с чем нельзя не согласиться. Однако критерии зрелости политического сознания, способного осознать идею общего блага, нередко модернизируются в духе стадийальной схематики, разработанной У.Ростоу и вслед за ним – теоретиками индустриального и постиндустриального обществ. Так считается, что общества, не прошедшие доиндустриальную стадию модернизации, решают лишь задачу избавления от частных и локальных интересов и целей, формируют вместе с созданием политической общности и общие понятия политического блага. Только тогда, считает Р.Бенжамен, возникает вопрос о всеобщем социальном благоденствии и он занимает ведущее положение как задача централизованной политической власти¹⁴¹.

Несмотря на очевидную неточность этого мнения, поскольку идея общего блага существует на любой стадии так или иначе сформированного общества. Она действительно изменяется во времени, хотя зависит не от автоматизмов перехода общего от одного типа к другому, а от множества политических, социальных, экономических и культурных факторов.

Наиболее созвучна концепции общего блага идея политического счастья и утилитаристской концепции полезности, которая в конце концов переросла в социально-философскую концепцию благоденствия и завершилась комплексной политической и социально-экономической теорией общества всеобщего благоденствия. В рамках этой общей теории были разработаны теории частных и коллективных благ, причем эти последние признаются материальным эффектом, который производит правительство для общества¹⁴².

Политическая концепция общего блага дала жизнь целой линии социально-философских и политико-экономических исследований и концепций – маргиналис-

тских теорий экономической полезности, различных теорий экономической политики неокейнсианского направления. Они далеко выходят за пределы политики, хотя все основаны на ее принципиальной установке: создать общество, в котором были бы осуществлены экономические интересы его граждан.

Экономические интерпретации концепции общего блага также выходят за пределы политической философии¹⁴³. Важна, однако, идейная связь философской политической мысли с новыми, порожденными ею отраслями знания и концепциями. К ним принадлежат также и выделившиеся из философии теории равенства, справедливости, свободы и других социальных и политических ценностей, которые включены в понимание блага человека и общества. К концепции общего блага примыкает идея оценить в определенных понятиях жизнь человека как ее образ, уровень, качество и т.п. Эволюция этой идеи известна: от количественных материальных оценок к качественным, в которых преобладают социальные, культурные, духовные критерии¹⁴⁴.

Государство, таким образом, не только вынуждено ходом общественного процесса брать на себя ранее несвойственные ему функции. Оно оказывается политическим центром, к которому обращены растущие притязания общества. В этой ситуации и формируются цели, средства институциональной власти, осуществляются ее функции. Она определяет отношения государственной макровласти с ее аппаратами, а также пресловутый кризис власти, которым так много занимается современная западная философия.

Таким образом реально решается проблема присутствия господства или, точнее, политики и власти в экономике в рациональных границах их взаимодействия. Решение это пришло во второй половине XX столетия вместе с новой промышленной революцией, революцией производительных сил, науки и техники, которые

более не вмещались в структуры частного, коллективно-го, корпоративного обладания материальными и тем более нематериальными ценностями знания, которые не могли к тому же обеспечить расширенное воспроизводство этих ценностей, создать новые экономические отношения, отвечающие новой реальности. Поэтому сразу же после второй мировой войны развернулась конкуренция между суперсобственником – властью, государством – гиперпредпринимателем и частным (все более коллективизированным) капиталом. Соперничество это протекает с переменным успехом то в пользу государства, то против него под лозунгами борьбы против этатизма («меньше государства!»), но определяется не идейными соображениями, а эффективностью производства в государственных секторах (в том числе национализированных после войны) и частных (акционерных).

Впрочем, идеология политико-экономических отношений определилась в полной мере в этот период и привела к смене всех ее важнейших направлений: формированию неолиберализма – идеологии общественного развития и государственного вмешательства и неоконсерватизма – идеологии этатизма и одновременно приватизации, ограничения государственного патернализма и сокращения социальных расходов. Произошел курьезный обмен политическими знаменами: неолиберализм отказался от исконных трактовок безгосударственной экономической свободы и заимствовал у классического консерватизма идею властной аристократической государственности. Консерватизм, в свою очередь, перенял у классического либерализма апологию частного предпринимательства. Обе идеологии оказались в итоге различимыми лишь в синусоиде их социальных предпочтений.

Между тем именно в социальной проблематике разыгрывались самые существенные события политико-экономической коллизии века: отношения с обществом,

борьба за условия труда и эксплуатации. Соперничающие стороны не враждовали, вместе наступали и пятились, но действовали в разных направлениях.

Частные и корпоративные предприниматели стремились наладить отношения со средними классами при поддержке социал-демократических, социалистических и других умеренных левых партий. Появились известные теории «народного капитализма», распространения («распыления») собственности и пр. Борьба за гражданские права 60-х гг. в США, студенческое и молодежное движения, волнения 1968 г. в Европе послужили социальным фоном попыток наладить партнерство труда и капитала на Западе. Но гораздо существеннее стимулировали эти попытки реальные преобразования в экономике, охваченные теориями общественного развития, социального изменения и постиндустриального общества: новое качество жизни, изменение структуры самой экономики (развитие ее «третичных» и «четвертичных» отраслей, т.е. сервисной экономики), экономики высоких технологий, требующих высокопрофессионального труда ученых и рабочих — «нового класса» профессионалов во всех областях деятельности.

Государству же в этой новой ситуации предстояло решить извечный вопрос о его отношениях с обществом: сумеет ли и пожелает ли оно умерить их взаимное отчуждение, создаст ли с ним подлинно демократические партнерские отношения или попытается доминировать. Последний путь, который привел к тоталитаризму, отпадал. 11 января 1944 г. президент Ф.Д.Рузвельт обратился к конгрессу с политической декларацией, своего рода «Биллем о правах», в котором сформулировал новую стратегию государства: экономическую свободу человека от бедности и гарантию его социальных прав. Это был сигнал к созданию через несколько десятилетий так называемого «социального государства». Странное название — любое государство в принципе соци-

ально. Но то была и в самом деле его новая социальность, политическая и экономическая прежде всего гарантиями социальных прав человека, пусть даже минимальных.

Такой результат социального развития включал и решение проблем этатизма: никакого полного огосударствления экономики, а следовательно, гиперполитизации и идеологизации общества, но неперенное участие государства в экономической жизни страны.

Порядок и безопасность

Охрана порядка, внутреннего и внешнего мира, будучи одной из важнейших функций государства, органично входит и в представление об общем благе. Это едва ли не основные его ценности. Безопасность к тому же — гарантия или, вернее, залог воплощения и сохранения общего блага. Гаранты безопасности в свою очередь — государство, режим и политика страны и само общество.

В теории общего блага эта простая мысль, однако, вызывает разногласия, такой известный французский философ, например, как Жюльен Фрейнд полагает, что идея общего блага упускает из вида проблему безопасности и защиты¹⁴⁵. Но что верно, то это нередкое для теории разделение двух начал «общего блага». Оно прослеживается как в истории политической философии, так и в современных социально-философских теориях. Так все теории благоденствия индустриального, постиндустриального общества, любого «иногo» будущего планетарного или национального общества основаны на презумпции мира, достигнутой безопасности. Даже теории кризиса и катастроф — это теории *внутреннего* кризиса, или кризиса благополучия и согласия. Лишь концепции экологического кризиса включают фактор

нарушения всемирной экологической и экономической безопасности. По-видимому, общественной и политической теории трудно сочетать идею развития и процветания с идеей борьбы за внешнюю безопасность. И в самом деле, ни одна концепция развития, в том числе и политического, и общего блага, разработанная в послевоенное время, не содержит гарантий внешней безопасности. Попытку включить их в контекст общего блага делает, как уже отмечалось, лишь глобальная экология. По-видимому, самой общей причиной этого разделения может быть тот факт, что именно мир, не война, составляет сущностную основу благополучия и развития. Не случайно, как отмечает Э.Вель, «все утопии, все модели совершенного государства предполагают его изоляцию, расположение на некоем удаленном от всяких соседей острове... идеал предполагает, следовательно, решенной первую из всех проблем – проблему внешней политики»¹⁴⁶.

Другой, более частной, но важной причиной такого выбора может быть разделение позиций между общественно-политической теорией и военно-стратегической, для которой «общим благом» все послевоенные годы была гарантия безопасности при агрессивной внешней политике и целого комплекса теорий господства и навязанного либо направленного насилия. Существует также определенная связь между либеральной ориентацией концепций внутренних аспектов общего блага и право-консервативной – внешнего аспекта в терминах безопасности. Во всяком случае, кризис теорий внутреннего блага, то есть и кризис либерализма, оставил проблематику безопасности правым. Это обстоятельство целиком объясняется содержанием самой концепции безопасности, построенной как функция политики государства.

В более общей интерпретации идея безопасности как первейшего общего блага, гарантирующего согласие и благоденствие также хорошо известна политичес-

кой философии. Ее придерживались Макиавелли, Лейбниц¹⁴⁷. В наше время решение проблем мира, разоружения выдвигается как высшее общее благо, глобальное благо человечества, условие внутреннего блага – развития и благоденствия (как можно было бы наименовать решение внутренних проблем развития).

Понятие общего блага соединяет внутреннюю и внешнюю политику государства.

Не приходится сомневаться, что внешняя безопасность, как и все прочие ее виды, – одна из важных политических функций государства, и она непосредственно связана с экономикой страны. Государство – заказчик оборонным предприятиям. В отношениях с ними пределы необходимого, желаемого и допустимого могут не совпадать, если государство склоняется к милитаризации страны и ее экономики. Тогда государственная политика не может избежать искушения военно-политического могущества с его логикой гонки вооружения. Тогда государство развращается сознанием своего могущества, идет на расширение чисто затратных отраслей экономики и нарушение ее основного закона – равновесия производства и потребления, которое возвращает производству его затраты. Безопасность как общее благо превращается в общее социальное зло. В этом зле есть и серьезный моральный аспект: развращение оружейников, создающих все новые виды смертоносного оружия, эксплуатирующих государство и общество ради его производства и готовых поставлять свою продукцию любыми, – в том числе безответственным и просто преступным режимам. Поэтому особая задача политики безопасности – ее рационализация и соблюдение меры.

ГЛАВА VIII. ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Современная политика, политика эпохи массовых процессов — это тоже массовый процесс, порожденный ее демократизацией и новыми задачами управления, организации общества и государства. Это новое качество политики сближает ее с культурой, которая всегда была и вечно будет по самой своей природе массовым процессом. Подлинный смысл такого понимания культуры нам и предстоит кратко обрисовать, чтобы выяснить отношения культуры и политики, однако сразу же предупредим вполне возможный вопрос о роли так называемой «массовой культуры» в этих отношениях. В самом деле, в зрелом индустриальном обществе массовых процессов возникла новая модальность культуры со стандартизацией форм и стиля жизни, поведения, труда, культурных запросов, с нивелировкой культурных запросов и т.д., включая и стереотипы политических интересов, взглядов, предрассудков и благих побуждений. Весь этот процесс не может не отразиться на возникновении пресловутой «политической культуры» (термин, предложенный Алмондом и Вербой в 1956 г.). Однако подлинного смысла культуры и ее связей с политикой все эти инновации не объясняют. Попробуем их представить в более полном и традиционном свете, не претендуя, разумеется, построить каноническую теорию культуры.

Культура — одна из самых близких к политике общественных систем, не потому, однако, что существует феномен так называемой «политической культуры», есть ведь и производственная культура, и культура умственного труда, философская, исследовательская культура и другие ее формы, т.е. культура той или иной деятельности, поведения, общения. Идя этим путем перечисления фактов, мы и пришли к уже известному нам представлению о культуре как об организационной и регулятивно-контрольной общественной системе, подобной политике. Но в отличие от нее и подобно морали культура сама по себе не субстанциональна, не материализуется самостоятельно и объективируется носителями культуры. Таким образом возникают формы культуры, объективированные в идеальных ценностях (достоинство, терпимость, общительность и т.п.), в чертах характера, поведении и особенно явные в произведениях искусства.

Эти запечатленные в материальных формах явления культурного сознания чрезвычайно близки к политике, более того, они могут быть предельно политизированы и еще более того — служить средством существования политики. Таковы письменность, изобразительное искусство всех видов (живопись, скульптура, графика), музыкальное творчество — от романсов и песен до опер (целого жанра «политических» опер крупнейших композиторов, таких, как Доницетти, Верди, Мусоргский, Римский-Корсаков и мн.др.), драматического искусства и, конечно, литературы, известно также неполитическое отражение интеллектуальной культуры в предметах быта, туалета, архитектуры и т.п. («материальная культура» археологов).

Нас, однако, интересует социальность культуры как способ организации совместной жизни людей и управления ею. Культура не институционализируется как организационная система, в отличие от политики, и не имеет центров власти, хотя ее объективированные в

социальном материале формы можно рассматривать как источники или даже локальные центры влияния (библиотека, театр, музей, кинотеатр). При всех оговорках культурная организация интимнее и тоньше политики и при том не менее действенна, чем она, образуя специфическую культурную ткань, модальность самой политики. Поэтому прежде чем ближе подойти к их связи, позволим себе остановиться на организационных функциях культуры несколько подробнее.

Репрессивные и освобождающие функции культуры

Социальная организация означает выбор между свободой и несвободой, она основана, иначе говоря, на той или иной форме добровольного или вынужденного принуждения. Культура помогает сделать необходимый выбор и принуждает к нему. И так как такой выбор весьма не прост, культура сводит его, особенно на ранних этапах социальной организации, к упрощенным коллективным формам, к коллективному выбору; ибо свобода выбирать, как и любая свобода, как известно, — это бремя самостоятельных решений. Культура — это умение их принимать, исполнять и нести за них ответственность.

Подчинение — это бегство от борьбы, от самовыражения, это — самоотгораживание, спасение от самостоятельности, требующей самовыражения, обнаружения собственной воли, уход от сравнения с другими.

Древняя, доисторическая традиция — это строгая регламентация сознания и поведения культурной нормой, жизнь оформляется как техника совместной жизни, совместного труда, войны и т.п. Символическая запись, код этой культуры тоже техничен — это строгая система обрядов, ритуалов, праздников, оформления в движении и такте отношений реальной жизни — рож-

дения и смерти, труда и войны, актов власти и политики образным нормативным ритуалом соответствующего порядка, объединяющего людей для соответствующих действий и обязывающих их принять в них участие. Регламент этой культурной символики служит и регламентации самого реального действия. В него включается и политический регламент, также очень строгий: восшествие на престол, вступление в должность, обряд посвящения, приближения к властвующей особе и т.д. Алгоритм такой культуры означает устранение свободы, предупреждение свободы мысли и действий. Человек освобождается от выбора, он свободен только с готовностью принимать необходимость.

Культура, политика и сама свобода подобного рода продиктованы необходимостью, которая в свою очередь обусловлена скудными возможностями, существованием без возможности выбора, необходимостью спланировать ради выживания. Всякое превышение конкретной нормы, путь к изобилию, хотя бы относительному, означали движение к выбору, к альтернативам, к свободе от нормативных ограничений, к разнообразию, к культуре как богатству возможностей и к подлинной политике, столкновению мнений и выбору решений. Это переход от очень низкого организационного уровня к более высокому, от статики — к динамике общественного и политического процесса и от природной коллективности к коллективности нового типа, включающей многообразие, основанной на этой динамике.

Если примитивная коллективность исключает противостояние человека — человеку, человека — массе и власти, то культура развитой коллективности как раз состоит в выборе отношений между сторонами, из которых и формируется политика. Близкая к природным началам человека массовидная коллективность апеллирует к внешней, надчеловеческой, внесоциальной аргументации своего существования, и эта тенденция ус-

тойчиво сохраняется в более развитых культурах. В политике она стабильно выражается во враждебности к политическому, международному окружению вместе с культурной, этнической ксенофобией. Тяготение к изоляции, автаркии в политике сочетается с сознанием собственного культурного своеобразия, особой культурной исключительности, естественно, и с национальной и т.п. Природность, особенность такого рода особенно легко легитимируется космосом, богом, историей, предопределенностью и предназначенностью общей судьбы. Общество, уходящее от примитивного коллективизма, отходит и от подобных детерминаций. Вместе с тем ее распад освобождает индивидуальную природность, все виды оппозиций в обществе и вражду между людьми, группами, сословиями, классами, народом и властью. Отпадает двойное подавление свободы – свыше и самой коллективностью. Состояние разрушенной природной цивилизации предшествует возникновению новой цивилизации, новой коллективности, организованной государством, и новой культуры, формирующейся в движении человека из массы к его превращению в индивида и личность. Проблемой культуры становится теперь отношение культуры коллектива и культуры индивида, возникновение гражданского общества многих культур. В политике этому процессу отвечает появление государства Нового времени, новой политики, вытесняющей родовые отношения, привязанности, предрассудки – обезличенными отношениями людей, профессионально занятых политикой. Возникает поэтому и проблема культуры политического труда, проблема новой политической культуры. Ее формирование прошло в Европе через эпоху культурной и политической борьбы, острых конфликтов промежуточной цивилизации новых форм подавления и господства с его двойкой организацией – не через коллектив только, но и непосредственно направленного на человека, выхо-

дящего из коллективности. Вместе с тем она порождает новую коллективность, коллективность относительно свободы выбора, организованной на новых политических и культурных началах. Одновременно преодолевается и особенно жестокий деспотизм переходной цивилизации, дисциплинирующей крайне поляризованное общество. Тем самым преодолеваются, по крайней мере частично, прежние, и примитивные, и более развитые репрессивные функции культуры, ее организующие, нормативные и контрольные функции реализуются новыми средствами динамической политической и культурной стабилизации общества, принимающего свободу выбора индивидом его приобщения к коллективной культуре, как и к избранному им направлению политики. Процесс такого рода совершается не без кризисов и культуры, и политики. Его культурная перспектива, как полагал Маркс, – воспроизводство первого типа целостной цивилизации, но преобразенной, в которой в полной мере реализуется культура как сложная система посредующих связей между людьми. Неразличимость человека в коллективе как средство самозащиты сменяется такой новой политической организацией общества, при которой оно освобождает культурную организацию коллективности от защиты индивида и берет ее на себя.

Такие моральные элементы культуры, как совесть, порядочность, способность общаться, взаимодействовать, сознавать вину, искуплять ее, диктуются не только и не столько коллективом, общей культурой, политикой и властью, но и самим индивидом как его способность к самопознанию, самооценке, самокритике и самосовершенствованию.

Самоорганизующаяся, всепроникающая социальность культуры обнаруживает сильные сдерживающие, репрессивные функции, нормативные, регламентирующие.

Политика может глубоко влиять на культуру, раз­рушать, создавать ее, формировать, изменять ее фор­мы, прививать определенные культурные традиции и т.п. Но культура неотвратимо контролирует политику. Это одно из определяющих начал политической деятельно­сти как и всякой другой.

В этой связи напомним общие функции культуры — передача культурного наследства в пространстве и во времени; сплачивающие общество, определяющие гос­подствующий тип человека и коллектива; восстано­вительные, сохраняющие общество в эпохи кризисов и потрясений; ресурс развития человека и общества; ме­ханизм передачи духовных ценностей во времени (куль­турного наследства), другим общностям; культурные заимствования (ее интернациональные функции).

Итак, культура не менее императивна, чем полити­ка, и с большим правом может быть объяснена как *спосо­б жизни* (выражение Б.М.Парамонова), форма и со­держание совместного, общественного существования людей, их совместной жизни и деятельности. Культура — это почва развития, *питательная среда* обществен­ных процессов, она переживает их и определяет, как их канва. Культура — важнейший связующий материал, соединяющий *природное начало* человека («природное тело») и его общественное начало, подвергнутые пере­работке сознанием (от лат. cultus, обработанный).

Культура — это *терапия общества*. Она дисципли­нирует его, обуздывает инстинкты и необдуманные по­рывы, культура — это подавление эмоций. Она обеспе­чивает возможность бесконфликтного общения, созда­ет климат этого общения, избавляет от индивидуальных и коллективных неврозов, стрессов. Такое начало куль­туры — это «*культурное сознание*», но оно должно про­явиться, иначе она останется фактом сознания. Поэто­му культура — это не только сознание, но и поведение, деятельность и ее результаты, духовные и материаль­ные, социальные и политические.

В отличие от морали культура не имеет абсолютных норм, универсальных принципов, таких критериев, как справедливость, равенство, добро, благо, совесть и т.п. Но и у нее есть общие для разных культур ориентиры, *эталоны качества*, принятые в той или иной культуре и общие для относительного большинства культур. Они близки к моральным качествам. Культура — это такое поведение, которое позволяет устроить совместную жизнь людей, их труд и общение наилучшим образом, создать определенный образ жизни, удобный и эффективный для всех. Объединение наиболее развитых культур позволяет создать цивилизацию как совокупность наиболее значительных культурных образцов и социальных, материальных, познавательных основ культуры. Поэтому существуют объединяющие культуры критерии *цивизованности* («цивилизованная экономика»), или вышедшее из употребления понятие «цивильности», приятности, обходительности.

Культура, таким образом, достояние общества, его коллективное достояние. Но она существует и обнаруживается, функционирует только в сознании и поведении отдельного человека, однако она с необходимостью коллективизируется. Существует поэтому и массовая культура, культура отдельных групп (элитарная культура), культура может поляризоваться.

Человек живет в обстановке культурного господства коллективной культуры и подчиняется ее образцам. Это и ограничивает его свободу, и дисциплинирует его. Культурные стандарты — это школа, воспитывающая человека, они — основа приобщения к культуре (аккультурации). Но человек нашего времени может выбирать культурные образцы, так же, как и политические ориентации. В свободе такого выбора осуществляется *важнейшая* связь политики и культуры и формируется особая *политическая культура*: способ ориентации человека и коллектива (общественной группы, класса, работников политического учреждения).

Не существует всеобщей, одной для всех эпох и народов политической культуры. Но есть ряд общих признаков, положений, принципов, связывающих культуру и политику. Они определяют: облик политических отношений в обществе, характер политического *общения* (руководителя и подчиненного, чиновника и гражданина, членов политической организации, например парламента, тон и атмосферу политических собраний, дискуссий, стиль работы и т.п.); отношение к политике общества, степень участия граждан в политической жизни общества и формы такого участия (пассивные, активные, мирные, агрессивные), такие явления, как отчуждение, безразличие либо борьбу за или против властей и их решений и т.д.

Бытие и функции политической культуры

Культура – феномен сознания, специфический духовный регулятор, модус организации человеческой жизнедеятельности, в котором аккумулирована предшествующая история человечества, усвоенный им в прошлом и в настоящем жизненный опыт. На индивидуальном уровне культура выступает как мера овладения человеком своих отношений к самому себе, к обществу, к природе.

Как уже отмечалось, культура, сохраняя свою атрибутивность, характеризует все другие регулятивные механизмы общественной и личной жизни.

Экономическая или правовая санкция за отступление от признанной обществом или его частью культурной нормы могут возникнуть как следствие осуждения во мнении либо со стороны органов управления. Авторитет общественного контроля определяется и утверждается причинами идеально-духовного характера – оценкой со стороны других членов общества, собственной культуры.

Культура дает представление о том, как люди занимаются политикой, почему они участвуют в политической деятельности или реагируют на нее так, а не иначе, каковы социально-политические качества людей, участвующих в политике. Формы, способы и содержание практической политической деятельности людей выступают как предмет теоретического анализа.

Исследование политической культуры позволяет полнее раскрыть ряд новых аспектов, тенденций в диалектике субъективного и объективного в политическом процессе. Известно, что он сильно подвержен влиянию личных качеств его субъектов. Одна и та же цель в политике может быть осуществлена разными средствами, выбор которых во многом будет зависеть от культурных характеристик политического деятеля. Характер его общей и политической культуры в значительной степени определяет выбор цели, разработку политического процесса, его социальную цену. Он в состоянии даже модифицировать изначальный характер политического замысла.

Отсюда следует, во-первых, что мера возможной в данных условиях общей и политической культурности, как и сама политическая культура – объективна при том, что, во-первых, субъективны проявления политической культуры ее носителями, во-вторых, что она меняется в процессе исторического развития общества в целом и регулирующих этот процесс организационных сфер – политической и других, в-третьих, что мера политической культурности, оставаясь объективной, вместе с тем различна для различных людей и обществ.

Как уже отмечалось выше, политическая культура, как и любая культура, существует как диалектическое единство деятельности сознания, формирующего политические знания, убеждения, взгляды, чувства, и политической практики, опредмеченной в политических актах, в политической речи, политическом письме и т.п.

В межгрупповых, межнациональных отношениях и т.д. она имеет, следовательно, идеальные (духовные) и материальные формы бытия.

Очень важно различать уровень развития и содержание политической культуры. Таким образом, высокий уровень политической культуры данного социального субъекта вовсе не означает, что она отличается демократизмом, гуманизмом, либо гегемонистскую, шовинистическую, миролюбивую или беллигенную, милитарную, порождающую войну, политическую культуру международного сотрудничества и взаимопонимания или конфронтации и т.д.

Национальную политическую культуру в известном смысле можно сравнить с языком. Подобно грамматике и лексике, которые определяют языковое общение, она предписывается некоторыми эталонами политического поведения и совокупностью базисных культурных ориентаций, предписывающих нормы этого поведения, общие для данного общества. Такие ориентации определяют их нормы, представления о целях политической деятельности и средствах их осуществления, стимулируют данную форму политического поведения, так как они складываются в национальном самосознании и самосознании соответствующей эпохи.

Базисные культурные ориентации образуют нечто вроде грамматических правил национальной психологии и культуры в области политического поведения. Они подобны выбору слов или построению фразы живого языка общения. Такие ориентации также мало говорят о содержании политической культуры, как грамматика — о содержании. Они зато дают представление о стиле речи или письма.

Таким же образом мы подойдем к политической культуре. Постараемся далее объяснить ее общественное бытие посредством более детального анализа этих двух феноменов: политики и культуры.

Они обладают характерным свойством проникать в общественное сознание, составлять одну из его сфер, окрашивать также сферу морали и идеологии. Их регулятивные функции также представляют собой элемент коллективной самоорганизации и самоуправления; сферы права и администрации, которые управляются институциональными центрами соответствующей власти. Это, разумеется, не означает, что сферы морали, культуры, идеологии не испытывают управляющего воздействия центров (хотя ни культура, ни другие подобные ей начала сознания и поведения полностью предписываться не могут). Речь идет об отсутствии собственных центров такого управления и соответствующих аппаратов власти (министерство культуры в этой роли так же парадоксально, как и министерство любви Оруэлла). Уже упоминавшийся механизм саморегулирования самой культуры заменяет отсутствующие центры власти. Сферы морали, культуры, идеологии не автономны, но самоуправляемы.

Саморегулирование в этих сферах обеспечивается развертыванием общественного процесса, историческим становлением общества, их развитием, тонкой капиллярной, по выражению М.Фуко, тканью общения, общественных отношений, классовых, групповых, личных интересов, национальными структурами общества и т.д.

Соотношение политики и культуры трудно оценить помимо их взаимодействия с моралью, хотя сферы этих двух последних начал не совпадают или совпадают именно как функции взаимного регулирования. Так в сферу культуры входят познавательные процессы, процессы общения и другие, свойственные сфере морали, о которых можно утверждать, что они нравственны или безнравственны, отличаются качествами порядочности, искренности или их антагонистами и т.п. В тех областях или процессах, где культура тождественна морали либо регулируется моральными принципами, возника-

ют особые качества *культурности и нравственности*. Эти позитивные установки общественного и индивидуального сознания, воплощающегося (это неперемнное условие), объективирующиеся в поведении. Культурность — это, так сказать, наиболее интимная морально ориентированная зона или форма культуры. Она относится к наименее управляемым извне и наиболее саморегулятивным общественным явлениям. Формирующаяся таким образом культура находится под двойным воздействием процессов самоорганизации, куда входит ее спонтанная передача и произвольное воспроизводство, и направленное воздействие со стороны других регулятивных сфер и механизмов общества (идеологии, политики и т.д. вплоть до экономических отношений и условий жизни общества). Таким же двойственным путем самоорганизации («самообразование») и организации складывается и политическая культура, хотя путь этот еще сложнее — он дополняется соотношением культуры с политикой, со всем комплексом специфических для нее отношений.

Каждая организационно-регулятивная сфера контролируется обществом, и этот контроль также двойной — со стороны предназначенных для этого институциональных форм власти и со стороны массовых процессов самоорганизации. Контроль — составная часть организационно-регулятивных процессов. Механизмы такого контроля хорошо известны. Это контроль общественного мнения, коллективного суждения, самоконтроль, который проверяет адекватность поведения принятым нормам, и т.д. Он включает и санкции за отступления от норм и традиций и определяется объективными условиями функционирования политики в данном обществе и его культурой.

Объективная и субъективная детерминация культуры определяется не непосредственно классовыми или общественными либо индивидуальными целями и ин-

тересами. Культура, как и мораль, определяется факторами иного рода, которые уже упоминались выше: традициями, исторически сложившимися формами общения, нормами общежития. Политическая культура соединяет оба вида детерминации воедино таким образом, что характеризует способ решения политических проблем и достижения политических целей и в конечном счете существенно влияет на само решение политических задач.

Сочетание интересов, планов и целей их реализации с методами, формами, ценностями культуры и морали образует облик субъекта политики, ракурс его социального мировидения. Уже говорилось о принципиальной связи политики, идеологии культуры, составляющих сферы организации и регулирования жизнедеятельности общества, специфической социальности естественноисторического процесса. Теперь мы можем говорить о конкретном выражении в политической культуре политики, культуры, идеологии, морали. Именно их слияние в феномене политической культуры и составляет ее суть и объясняет смысл ее функционирования.

Феномен «политической культуры» вводит в методологию философско-социологического исследования политики и политической действительности проблему существования и развития человека как «политической личности», как продукта всего предшествующего и нынешнего развития данной политической общности и вместе с тем – как ее деятельного субъекта, который порождает политические отношения и, в свою очередь, определяется ими.

Политическая культура – один из факторов общего цивилизационного процесса. Она формирует отношение человека и коллектива, класса, общества в целом к его социальной и политической жизни, содержанию, сущности, характеру, целям, политике, характеру государства, политическим и общественным событиям, за-

конам, механизмам, формам и средствам функционирования и осуществления политики и деятельности политической власти и ее методов, классов, субъектов и носителей политики.

Являясь зеркалом, отражающим коллективный и индивидуальный, исторический и актуальный социально-политический опыт, политическая культура, как уже отмечалось, обеспечивает преемственность определенных норм (эталонов) и форм политического поведения. Она создает нормативный «каркас» политического процесса, определяет самоуправление политической деятельностью участков этого процесса.

Политическая культура непосредственно влияет на характер и формы, способы становления, функционирования и изменения политической системы, направленность политических интересов, стандартов и вовлечения граждан в политический процесс. Политическая культура во многом определяет стабильность или нестабильность политической системы.

Эволюция политической культуры органично связана с развитием социального содержания теории и с развертыванием самого общественного процесса. Вся многовековая борьба за демократию, за создание правового общества есть одновременно процесс становления политической культуры, адекватной требованиям и достижениям общественного прогресса. Идея демократической децентрализации социально-экономического управления и общественного самоуправления неосуществима без интенсивного развития политической культуры общества.

История гласности в последние годы убедительно показала, как важна восприимчивость человека и политика, рядового гражданина и руководителя к идеям и проблемам демократии. Само понимание демократии, знакомство с ней, с ее механизмами — это достояние политической культуры. Если, следовательно, и де-

мократия с ее процедурами и механизмами – выборными, информационными и иными – требуют борьбы за нее, то это означает, что идет процесс политического воспитания и самовоспитания общества, процесс овладения им новой для него политической культурой.

Заметим, что усвоение политической культуры, по-видимому, не достигается принуждением, если речь не идет о его скрытых формах. В то же время она передается и прививается на чуждой политической и социальной почве.

Если политическая культура существует благодаря тому, что она может быть объективирована, опредмечена, то возникает вопрос, в какой мере и какое содержание этой культуры объективируется. Содержание ее определяется содержанием политики, которую разделяет носитель политической культуры, а также той идеологии, той морали и, наконец, культуры, которые присущи ему как члену определенного общества, класса, представителю своего времени, участнику характерных общественных событий. Иначе говоря, политическая культура наполняется всем общественным содержанием конкретного исторического времени. Уровень политической культуры – это измерение ее интенсивности, насыщенности ее этим содержанием, техники ее проявления, вплоть до проявления личных качеств человека.

Так, например, отношение к гласности, принятие ее как инструмента демократии или отклонение будет характеризовать соответственно более или менее развитое политическое сознание и политическую культуру, причем такая оценка может относиться и к индивиду, и к классу, и к обществу в целом. Более высокий уровень политической культуры обнаружит не пассивный свидетель гласности, а ее активный участник. Однако все эти оценки, само собой понятно, не говорят о содержательной стороне этого отношения. Оно выяв-

ляется, когда обнаруживается отношение этого коллективного или индивидуального носителя политической культуры к существу обсуждающихся проблем.

Отметим теперь, что общих положений о многообразии содержания и форм политической культуры недостаточно для формирования ее теории и практических целей. Они конкретизируются в ее реальном опыте.

Очевидно и значение теоретического исследования политической культуры. Одна из его целей – показать возможность специфического типа политической культуры того или иного общества. Наш анализ призван служить своего рода введением к такому исследованию. Само же оно возможно лишь как итог обширных полевых социологических изысканий, которые, следует надеяться, будут предприняты. Но чтобы полнее обосновать их осуществимость, целесообразно остановиться на вопросе: возможна ли вообще специфическая политическая культура отдельного общества или, как принято говорить, национальная политическая культура. Речь при этом пойдет, конечно, в первую очередь о стране с ее историей и проблемами и уже потом о национальной специфике этой истории, о национальной окраске общественных явлений.

Универсальность этих общих оценок еще весьма мало говорит о реальности национальных особенностей политической культуры, если ограничиться только ими. Подлинный облик национальной культуре придает ее политическая и идеологическая конкретизация на примере реального общества.

Остановимся в этой связи на средствах формирования политической культуры британского общества и прежде всего на роли политических исследований, весьма практически ориентированных в этом смысле.

Один из видов объективации культуры, в том числе и политической, – личная и коллективная манера вести себя, тип поведения и общения, отношения к окру-

жению, который и называется культурностью. Политическая культурность как и политическая культура включает и политическую позицию, политические, правовые знания, и моральные принципы, также, как убежденность в сочетании с терпимостью, вниманием к оппонентам, наконец, рациональные идеологические установки и мировоззрения, позволяющие не смешивать друзей и врагов, не стремиться к вражде *неоправданной*, не культивировать неприязнь и т.д. Политическая культурная личность или общественная группа свободна от предрассудков и комплексов, предвзятых мнений, догматизма. Культурность, таким образом, – это самое непосредственное проявление культуры в политике.

В то время как политическая культура с тем или иным содержанием постоянно присуща политической жизни общества, политическая культурность – явление преходящее. Она возникает и развивается в периоды расцвета политической культуры с высоким содержанием в периоды уравнивания общественного развития, созидательных реформ и переоценок исторического опыта и распадается в эпохи безвременья, политических кризисов. Естественно, культ личности, беззаконие, репрессии не сочетаются с политической культурностью. И наоборот, развитие демократии, гласности, открытость общества в полной мере невозможны без сформированной политической культурности.

Заключение

Казалось бы, нет сферы жизни человека и общества, которая не была бы ближе к политике, чем идеология. Стоит, однако, вспомнить, что до 1812 г., когда в кортесах (местном парламенте) испанского города Кадикса появилось слово «идеолог», ревнитель свободы, не существовало даже самого понятия идеологии. Это, впрочем, не означает, что и не было до этого никакой идеологии, вернее, различных «идеологий», т.е. умонастроений приверженцев какой-либо системы взглядов на общество, отношения людей, их будущее, выбор политического режима и т.п. Такие взгляды, как всем понятно, существовали всегда, подобно тому, как всегда существовали и *партии*, т.е. группировки сторонников какой-либо политики и власти, дворцовой интриги, иначе говоря, *часть* (от французского *partie* или английского *party*) общественной группы, класса, общества, приверженцы лидера: «партия королевы Елизаветы» в отличие от «партии королевы Марии» (имеется в виду борьба Елизаветы Английской со Стюартами). Между тем это понятие впервые получило юридическое признание лишь в 1832 г., когда в Великобритании вышел первый в истории закон (Reform Act), разрешающий политические партии (первоначально только аристократических и буржуазных слоев), хотя партии *вигов* (либерального направления) и *тори* (консерваторов) были известны давно. Известно, кроме того, деление общества и группировка людей по социальными, экономическим, культурным признакам. Иными словами, не только объединение людей и их политическая, правовая, экономическая, культурная, моральная и иная организация, но и их дифференциация средствами тех же систем, которые их сплачивают.

Общество не может быть абсолютно однородным, так же как и люди по природе своей не одинаковы. Дифференциация неизбежна и даже необходима, она представляет один из факторов социальной динамики. Это своего рода механизм сепарации инициативных, авангардных групп общества, новаторов, инициаторов преобразований, активной части социума от более аморфной и менее динамичной коллективности, и, хотя этот процесс отнюдь не бесконфликтен, его противоречия и сами по себе составляют движущую силу социальной динамики при условии, что она ведет к эволюции общества, а не к его революции. Речь, конечно, идет о демократическом обществе, в котором не господствует ни большинство, ни какое-либо меньшинство при том, что правит всегда именно меньшинство.

Новым явлением конца ушедшего века, во всяком случае с переходными режимами, стала новая основа политической дифференциации, дополняющая ее традиционные социальные основания — экономические, классовые, идеологические, а во многом и вытесняющие их культурные различия разных частей общества. Она существовала и прежде в различиях революционного Парижа и контрреволюционной Вандеи, Москвы и Петербурга и крестьянских масс Тамбовщины и Украины. С истиранием резких классовых и социальных различий культурные различия перестали отличать условия, классы, центры и периферию. Политические и идеологические разногласия пролегали не между этими слоями и классами, а сквозь них, разделяя более развитую, эволюционировавшую культуру от менее продвинувшейся и более консервативной. В итоге политическая дифференциация возникает и развивается в последовательности: культура — идеология — политика. Так образуется политический облик общества. Дифференцируют общество все системы, и, отмеченную только что цепь взаимосвязей можно было бы продолжить.

Дифференциация общества – такая же имманентная функция социальных систем, как и организационное объединение общества. Речь идет не о порождении общественного неравенства и даже не об отношениях большинства и меньшинства в социуме¹⁴⁸, а о функциональном смысле дифференциации: разделении профессий, интересов, привязанностей, управляющих (меньшинство) и управляемых (большинство), авангардных, интеллектуальных, быстрее и активнее развивающихся групп и замедленных, отстающих, консервативных либо просто реакционных (ср. феномен фундаментализма), маргинальных, противоправных и т.п. Развитие путем дифференциации общества и выделения его системообразующих факторов описал Т. Парсонс по схеме: 1) неудовлетворенность существующим положением; 2) экспериментирование в поисках выхода из ситуации; 3) переход к более развитым единичным формам; 4) образование новых коллективных структур; 5) создание правовых и иных норм для удержания новообразований¹⁴⁹.

Так формируется новая социальная динамика современных больших систем: их организационные функции включают более сложный механизм социальной интеграции – использование дифференциации общества как средства его развития и ориентира социального конструирования.

Примечания

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Отметим сразу, что политика и власть – двуединая общественная сущность, что они связаны круговой причинно-следственной зависимостью, и власть – это средство осуществления политики, способ ее существования, так же как политика – содержательный и функциональный смысл власти (см.: *Кравченко И.И.* Введение в исследование политики. М., 1998). Поэтому в дальнейшем, рассматривая проблемы политики, мы будем иметь в виду и проблемы власти, не всегда обязательно упоминая о ней.

ГЛАВА I

- ² См.: *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen mit, eines Rede über des Zeitaltes der Neutralisierung und Entpolitisierung. München; Leipzig, 1932; *Freund J.* Essence du politique. P., 1965. P. 25, 36, 37 и др.; Фрейнд отмечает, но без связи с идеей Шмидта, и функционирование в обществе рассматриваемых здесь систем.
- ³ Подобная атрибутивная формула может породить представление о некой специфической морали, отличной от того, что, собственно, представляет собой мораль (ср. также «экономическая мораль», идеологическая и т.п.).
- Нечто подобное уже произошло с понятием политической истины – не подлинной, а превращенной, специфической истины, политической мистификации.
- ⁴ Такое обобщенное понимание политики, как видно, отвечает ее классическому, исходному толкованию в античной Платоновской и Аристотелевской традиции «общего, общественного дела» («политейя») полисного государства.
- ⁵ См.: *Кравченко И.И.* Введение в исследование политики. М., 1998, с анализом концепции М.Фуко и др. авторов.
- ⁶ Мысль различать «сообщество» или «общность» от «общества» – высшей степени развитой формы совместной жизни людей – принадлежит Ф.Тённиссу: см.: *Tönniss F.* Gemeinschaft und Gesellschaft. Frankfurt am Mein, 1987 (первое издание книги вышло более чем на сто лет раньше).
- ⁷ Как известно, этому условию уже отвечали античные демократии. За его реализацию велась и еще ведется многовековая борьба.
- ⁸ Ср. мысль Гоббса о рождении политики при выходе из

«естественного состояния» насилия и произвола, создании договорных отношений с государством и образовании его партнера – гражданского общества.

⁹ В определение не включены такие интегративные признаки, как этническая общность (общество может быть разнорасовым), территориальная общность (общество может быть дислоцировано в географическом пространстве, как, например, США или имперские конгломераты недавнего прошлого, различные диаспоры), культурная общность (не только во многонациональных, но и однонациональных обществах культурное многообразие может не создавать культурного единства) и общность языка (признак скорее национальный и то не всеобщий, ср. сосуществование единого литературного или государственного языка и диалектов, языковых меньшинств).

¹⁰ См.: *Кравченко И.И.* Введение в исследование политики.

¹¹ Именно так воспринимал Гоббса Лео Штраусс, непосредственно сопоставлявший тексты этих двух философов (см.: *Strauss L.* The political philosophy of Hobbes: Its basis and its genesis. Chicago, 1962).

¹² Несмотря на сохранение реликтов германской военной и племенной демократии. У нее до того, как чочевые германские захватчики осели на землю, были свои функции: выбор царя, решение племенных проблем и т.п.

¹³ Что закономерно, так как никакая технология власти не может обеспечить правление большинства. И в эпоху расцвета античной демократии выбирали правителей, суд вершили в Афинах по очереди небольшими группами, а администрацией ведали должностные лица.

¹⁴ Знаменитая «борьба за инвеституру», которая началась в X в. и завершилась компромиссом лишь в XII столетии (конкордат 1121 г.).

¹⁵ Речь идет о статусном определении государства, т.е. государства как особого политического статуса. Эта терминология шла от схематики статусного общества Средних веков и Возрождения: различению членов сообщества и социальных групп по положению, месту в жизни, статусу. Латинское определение status в XVII в. было присвоено государству. От него произошли, как известно, французский термин *Etat*, испанский *Estado*, итальянский *Stato*, немецкий *Staat*, английский *State*. Иногда полагают, что новое понятие ввел Макиавелли. В его труде о Государе (1513 г.) действительно трижды встречается понятие *stato*, но не в значении «государство». Ввел это понятие Гоббс почти полутора веками позже («О гражданине», 1642 и «Левифан»,

1651 г.). Жан Боден в «Шести книгах о республике» (1576–78 гг.) еще того термина не знает.

16 В народной коммуне – совет народа, совет старейшин и его глава *capitatus populi*.

17 Королевская власть охотно опиралась на провинциальные парламенты – они помогали собирать налоги, управлять подданными и проводить политику короны.

ГЛАВА II

18 См.: *Schmitt C.* Dictatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitetsdenkens bis zum proletarischen Klassenkampf. München, 1921; *Coblen A.* Dictatorship. Its history and theory. L., 1939; *Rostor C.* Constitutional dictatorship. Princeton, 1948; *Dorso G.* Dictatura, classe politica e classe dirigente. Firenze, 1948; *Friedrich C.J.* Constitutional dictatorship and military government // Constitutional government and democracy. Boston, 1950; Moore B.Jr. Social origin of dictatorship and democracy. Boston, 1965; *Ullmann W.* Principles of government and politics in the Middle Ages. L., 1961.

De Maistre J. Considération sur la France, 1796; *Treitschke W.* Politik, 1897; *Autoritarian politics in modern society* / Ed. by S.P. Huntington e.a. N.Y., 1970.

Turk Austin T. Political criminality: The defiance and defense of authority. Beverly Hills etc., 1982; Аренд Х. Истоки тоталитаризма. М., 199 ; *De Felice R.* Interpretation of fascism. Cambridge e.a., 1977; *Hara E.P.* La idea de totalitarismo y la libertad tificadora. Bogota, 1976; *Schapiro L.* Totalitarianism. N.Y., 1972; *Barber B.* The conceptual foundations of totalitarianism // Totalitarianism in perspective / Ed by Friedrich, c.j., Curtism., Barber B. – Pall-Mall, 1969; *Brzezinski L., Friedrch R.I.* Totalitarianism, dictatorship and democracy, N.Y., 1965; *Арон П.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993; *Talmon I.* The origins of totalitarian democracy. N.Y., 1960.

Vigor S. Pour un authentique régime libéral ou comment échapper à la dictature. P., 1977; Власть и демократия. Зарубежные учения о политической науке / Под ред. П.А.Цыганкова. М., 1992; *Camac Y.* Le juste pouvoir. Essai sur les deux chemins de la démocratie. P., 1984; *Burdeau G.* Traité de science politique. P., 1976; *Dahl R.A., Tuffe E.K.* Size and democracy. – Stanford (Cal.), 1974; *Burdeau G.* Démocratie. Neuchatel, 1966 и мн. др.

19 См., в качестве примера: *Easton D.* The political system. N.Y., 1953; *Lees J.D.* The political system of the United States. L., 1983; *Industrielle Gesellschaft und politisches System: Beiträge zur politischen Sozialge*

- schichte. Festschrift für Fritz Fischer / D.Stengmann (Hrsg.). Bonn, 1978; *Топорнин Б.Н.* Политическая система социализма. 1972; Политические системы современности. М., 1978; Политическая система развитого социалистического общества. Л., 1979 и мн. др.
- 20 См.: *Bodin J.* Six livres sur la république. 1576–78.
- 21 Трудно не вспомнить в этой связи представление о государстве как о машине, «чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 39. С. 75).
- 22 Конституционное движение на самом деле старше. Вспомним, что уже в конце XVII в. Локк и Шефтсбери разработали конституцию английской колонии Каролина.

ГЛАВА III

- 23 Как «центры социальной жизни» рассматриваются, также ведущие общественные отношения, например товарная форма экономики. Отсюда идея пространственных отношений в системе общество – природа может быть обобщена до понятия системообразующей «центральности» – формы отношений в системе, складывающихся вокруг «доминирующего и порождающего центра» (см.: *Bihar A.* Essai sur le concept de théorie sociale // *L’homme et la société*, 1979. № 1/54. P. 104.)
- 24 Автор опирался на оригинальную и содержательную статью *В.С.Черняка* «Оппозиция арифметики и геометрии в античной философии и математике» // *Научный прогресс. Когнитивный и социально-культурный аспекты.* М., 1993. С. 27-45.
- 25 Кстати сказать, феномен забывания очень хорошо иллюстрирует память о быстро изменяющихся ценах: обычно запоминаются предпоследние, остальные исчезают из памяти. Для воспроизведения совсем давних цен требуется своего рода историческое открытие, что-то похожее на воспоминание о датах основания городов или рождения героев.
- 26 Мы не можем останавливаться здесь на проблемах относительности астрономического времени и единиц его измерения, неравномерности и самой природы времени, о чем рассуждают темпорологи. К каким бы выводам и открытиям они ни пришли, функциональное время от этого не изменится.

ГЛАВА IV

- 27 См., в частности, цитированную книгу автора.
- 28 Отметим здесь некоторые работы на эту тему: *Elster J.* Studies in rationality and irrationality. Cambridge, 1984; *Elster J.* Studies in the

- subversion of rationality. Cambridge, 1985; *Касавин И.Т.* Рациональность в познании и практике. М., 1989; Рациональность как предмет философского исследования. М., 1995; Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1996. См. также библиографию в следующих сносках.
- 29 Назовем из многих работ об утопии: *Goodwin B., Taylor K.* The politics of utopia. A study in theory and practice. L., 1982; *Kateb J.* Utopia and its enemies. N.Y., 1963; Buckminster Fuller R. Utopia or oblivion. N.Y., 1969; *Friedmann G.* Utopies réalisables. P., 1975; *Toffler A.* Future shock. N.Y. etc., 1970.
- 30 *Кравченко И.И.* Политика, наука и утопия // Драма обновления. М., 1990. P. 305–329. В период критики социализма и марксизма появилась многочисленная, но весьма традиционная по теоретическому уровню антиутопическая литература, нередко весьма низкого качества и с ограниченной целью: отвергнуть утопию, но не анализировать ее происхождение.
- 31 К сожалению, я могу указать здесь на мои собственные статьи (кроме приведенной выше): Рациональное и иррациональное в политике. Утопические аспекты политической мысли // Вопросы философии, 1996. № 3. С. 3–17; Политическая мифология: вечность и современность // Вопросы философии, 1999. № 1. С. 3–18.
- 32 О том, что касается политики в этом смысле, могу сослаться на мою статью: Рациональное и иррациональное в политике.
- 33 Neurath O. Die Verirrte Cartesius und das Auxiliere Motiv // Gesammelte philosophische und methodologische Schriften. Vol. 1, 1981. Ps. 57 etc.
- 34 См.: *Stratégie de l'utopie. Colloque organisé du centre Thomas More par Pierre Futer et Gérard Raulet.* P., 1979.
- 35 Отсюда *надежда* как преодоление равнодушных мгновений опытом предвдительно продуманного поведения, благодаря чему и сам опыт приобретает некое утопическое качество, связывающее его с надеждой. Опыт и есть, таким образом, надежда. Э.Блох, как известно, создатель философии надежды (*Das Prinzip Hoffnung*), оказавший несомненное влияние на современную западноевропейскую философскую и особенно теологическую мысль, в частности на созданную Ю.Мольтманом «Теологию надежды».
- 36 *Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. Bd. I. Fr./M., 1968. S. 5.
- 37 *Ibid.* Bd. II. S. 1619. Точность эта не бесстрастна. Переживание мгновения делает утопию эмоциональной, исполненной ожиданием.

- 38 Ibid. Bd. 1. S. 725.
- 39 Ibid. S. 726.
- 40 Ibid. S. 348; *Bloch E.* Philosophische Aufsätze zur objektiven Phantasie. Fr./M., 1969. S. 598-621 ff.
- 41 Только из наиболее известных работ можно назвать: *Ferguson J.* Utopias of the classical world. – Ithaca (N.J.), 1975; *Erasmus Ch.J.* In search of the common good: Utopias experiments past and future. N.Y., 1977. *Goodwin B.* Social science and utopia: Nineteenth-century models of social harmony – Hassockhs, 1978. IX, 220 p. и мн. др., в том числе большое число работ о европейской и американской утопии.
- 42 Монографии и статьи, посвященные утопии, публикуются в очень большом числе. См., в частности: *Negley G.* Utopian literature: A bibliogr. with a suppl. listing of works influenced in utopian thought. Lawrence, 1977 и др.
- 43 В числе работ об утопии см.: *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств. М., 1973; *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982 и др.
- 44 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 117.
- 45 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2 изд. Т. 23. С. 189.
- 46 *Гегель Г.Ф.* Соч. Т. 6. М., 1939. С. 202.
- 47 Там же. С. 205.
- 48 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2 изд. Т. 46. Ч. 1. С. 47.
- 49 Идеал предполагает не только определенные цели, но и способы и средства их достижений.
- 50 К.Гримм, которому принадлежит эта формулировка антиутопической исследовательской программы, предлагает правила «рационального познавательного действия». Среди них независимые от какой-либо ситуации правила, приближающиеся к требованиям вариативности осуществляемой программы («ориентация на альтернативы действия»), максимализации вероятности достижения цели («соображения выгоды при отборе альтернатив»), опоры на фундаментальную концепцию или теорию процесса («использование аргументирующей функции языка») при принятии решения и др. К ним К.Гримм добавляет зависимые от ситуации правила: согласование отбора и использования эмпирического знания – от целей познавательного действия, от «онтологического знания» (то есть от действительности, познаваемой в интересах проекта). Налицо, таким образом, относительно слабая попытка обеспечить целеполагание выполнением процедурных правил осуществления проекта (*Grimm K.* Rationale Erkenntnispraxis: Jenseits von

- Verifikationismus, Falsifikationismus und methodologischen Anarchismus. Zu einer regulären Theorie nutzenoptimierender Erkenntnis. Fr./M., 1979).
- 51 См., например: Материальная диалектика и системный подход / Под ред. Ильина В.В. И Гушина Д.А. Л., 1982 (Проблемы диалектики, вып. X).
- 52 Такого рода конструирование близко к конструированию с целью получения знания. Ср.: «Конструирование характеризует движение мышления в соответствии с внутренней логикой развития предмета, оно есть раскрытие необходимых, закономерных связей предмета, получения нового, объективно истинного знания» (*Кедровский О.И.* Методы построения теоретических систем знания: Диалог философа и математика. Киев, 1982. С. 138. См. также с. 161-162).
- 53 См.: *Эйби У.Р.* Введение в кибернетику. М., 1959. С. 293.
- 54 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 1. С. 288.
- 55 Не идя далее в этом анализе, отметим, что в нем намечены все варианты взаимоотношений между государством и обществом: неподлинное сознание обособленной сферы, о которой только что шла речь, то есть отражение всеобщих интересов народа, которому противостоит самосознание обществ, прямо противоположное государственному, либо отражение нецелостного, неразвитого «публичного сознания». Тогда и выделяется абстрактная идея государства, которая опредмечивается, по Гегелю, в самом государстве, что, как отмечал Маркс, является бессмыслицей, но осуществляется в действительности, порождая превращенные формы политического сознания, политические мифы и утопии.
- 56 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 1. С. 271.
- 57 Там же. С. 273.
- 58 Там же. С. 271-272.
- 59 Там же. С. 272.
- 60 *Ricoeur P.* La liberté et l'ordre social. Neuchâtel, 1969. P. 62.
- 61 «...Большая часть политического мышления в основе своей нормативна и с необходимостью неverifiedируема» (*Goodwin B., Taylor K.* The politics of utopia. Op. cit. P. 21).
- 62 Существуют различия между ними и немаловажные. И политика, и прогнозирование служат в конечном счете одной объективной необходимости управления общественным процессом, развитием общества. Но если политика и есть управление, то прогнозирование оценивает и предсказывает изменение объекта управления и его будущие состояния или возникновение в итоге

целенаправленных действий новых объектов. Оно же может иметь своим предметом неуправляемые объекты (например, природные), чего, по-видимому, не может политика.

- 63 Сам по себе системный характер объекта и его окружения, как известно, весьма детально и дифференцированно учитывается прогностикой, особенно их элементные структуры. Для разработки и анализа политического проекта и выявления в нем возможных утопических тенденций представляют интерес применяемые в прогностике системные дихотомии: деление элементов на подвижные и статичные, необусловленные и обусловленные, независимые и зависимые, внутренние и внешние и т.п., в оценке отношений между которыми возможны теоретические и методологические ошибки. Характерен и показан для политики прогностический подход к отношениям между элементами в закрытой системе прогнозируемого (политического) объекта и эндогенными изменениями в ней, между элементами окружения и между окружением и объектом, которые рассматриваются в этом случае как открытые системы (с экзогенными изменениями объекта).
- 64 Такими процессами могут быть, например, биосферные изменения, в том числе и антропогенные, скажем, нарушения теплового баланса атмосферы и т.п.
- 65 См.: Проблемы общей и социальной прогностики. Вып. 1. М., 1968. 140 с. и другие выпуски серии; *Кокошин А.А.* Прогнозирование и политика. Методология, организация и использование прогнозирования международных отношений во внешней политике США. М., 1975, работы по прогностике И.В.Бестужева-Лады и др.
- 66 Субъективное в действиях власти может означать не только субъективно-рациональное, но и эмоциональное, эмотивное начало, которое способно сильно модифицировать весь политический процесс.
- 67 См., например: *Цвиркун А.Д., Островская Т.М.* Модель динамического распределения ресурсов при программно-целевом методе планирования развития сложных систем // Моделирование и оптимизация сложных систем управления. М., 1981. С. 160–166.
- 68 См., например: *Hajek P., Havranek T.* Logic, statistics and computers // Logic in 20th century. Milano, 1983. P. 66 e.a.

- 69 Для этого есть полное основание. Существует ряд развитых дисциплин и обширная литература, позволяющая провести соответствующее исследование. Но это тема специальной работы, и здесь она, к сожалению, не осуществима.
- 70 Такова, например, тема обширных исследований социологии досуга, целых социологических направлений в Европе и Америке (школа Ж.Дюмазедье и др.): проблема рационального использования досуга, т.е. нерабочего времени (скажем, занятия человека, его культурного развития, воспитания молодежи), перемещается в «пространство» незанятого времени в связи с распространением безработицы и неполной занятости.
- 71 Специальный интерес представляют при этом исследования в области теории вероятности, моделирования, теории систем, управление и др. Литература в этой области весьма обширна, достаточное представление о круге ее проблем дает работа Ю.В.Сачкова «Введение в вероятностный мир». М., 1971, 208 с.
- 72 По принципу классификации невозможного Дж.Сартори выделяет возможную утопию, но невозможную относительно невозможного (обусловленную средствами реализации) и абсолютно невозможную практически, но логически мыслимую (*Sartori G. La politica. Logica e metodo in scienze sociali. Milano, 1979. P. 165–170*).
- 73 К актуальной (политической) утопии применимы многие классификации, которые можно использовать для анализа и других видов утопии: по направлению исторического времени (ретроспективная и проспективная утопии); по социально-идеологической специфике – прогрессивная, регрессивная, гуманистическая, реакционная; по характеру образования – объективно и субъективно обусловленная; по содержанию, о чем уже говорилось (социальная, политическая и др.); по степени вероятности по месту образования в политическом процессе – на его исходном этапе (образования власти), при определении общей цели и частных целей, осуществлении проекта и т.д.
- 74 Эта aberrация ведет, как отмечает Дж.Сартори, к «серьезному экивоку: подмене раздвижения границ идей отсутствия пределов».
- 75 К ним относятся, например, известные требования ограничить экономический рост, потребление, потребности, экспансию в природу, предложения свертывать производство до «нулевого».
- 76 *Goodwin B., Taylor K. Op. cit. P. 9.*
- 77 Условие ее возникновения достаточно верно диагностировал К.Маннгейм: «Состояние сознания является утопическим, когда оно не находится в соответствии с состоянием действительности, внутри которой оно возникает...» (*Mannheim K. Ideology and utopia. N.Y., 1936. P. 173*).

- 78 *Goodwin B., Taylor K. Op. cit. P. 28.*
- 79 Сама возможность рационализации утопии рассматривается как довод в пользу признания ее позитивных функций (См.: Touraine A. *Production de la société. P., 1973; Ladrière J. Vie sociale et destinée. Gamboux, 1973 и др.*)
- 80 Классическая социальная утопия и современная дистопия тоже, как известно, обладают многими признаками рационального проекта. В них обрисовано упорядоченное (в позитивном и негативном смысле) общество, его организация продумана в деталях, принципы ее разумны (в дистопии они сознательно изображены лишь внешне отвечающим требованиям разума) и т.д. Вне рационального оказывается, однако, сама возможность создать подобное общество. Политическая утопия, которая мыслится не как утопический, а как реальный проект, рационализируется полностью: от исходной гипотезы до путей ее реализации и образа будущего.
- 81 Гитлер (да простит читатель столь отвратительный пример) упорно верил, во всяком случае уверял, что победа не уйдет от него, лишь стоит заменить неверных и бездарных генералов более преданными и ревностными.
- 82 На такой основе могут возникать индивидуальные и массовые невротические состояния сознания, отличающиеся, как известно, упорными, порой отчаянными попытками реализовать заведомо утопический план, со слепой верой в его осуществимость. Таким неврозом было охвачено население средневековой Европы, снаряжавшей крестоносцев в походы, руководство гитлеровской Германии в период второй мировой войны, а под его воздействием — и значительная часть ее населения и т.д.
- 83 Примером могут служить различные леворадикальные, бунтарские движения протеста, молодежные, студенческие и т.п.
- 84 При этом, естественно, не исключается идейная и культурная преемственность, питающая механизм формирования концепций и на ее основе — взаимодействие доминантных идей. Так идея благоденствия (весьма древняя и утопическая сама по себе) в предвоенных течениях общественной мысли в Европе и Америке питала либеральную утопию всеобщего благосостояния в современном капиталистическом обществе (ср., например, идею благоденствия, сформулированную перед войной У.Липпманом — Lippman W. *The good society, 1937*). В свою очередь лейбористский и либеральный «вельфаризм» питался идеями утилитаризма.
- 85 *Stratégie de l'utopie. Op. cit. P. 47.* Политический идеал этой либеральной утопии близок к традиционной утопии прошлого

Платона, Мора, Кабэ, социалистов-утопистов, тоже описывавших фиксированное общество.

86 Ibid. P. 46.

ГЛАВА V

87 См. обзор литературы на эту тему *Б.Г.Капустина* в статье «О политической морали» // Вопросы философии, 2001. №№ 1 и 2.
88 См., в частности: *Winters F.X.* Politics and etics. Patterns in partnership. N.Y. etc., 1975; *Schnefer A.* Die Moral in der Politik: Zur Selbstbestimmung im revuluzionärenhist. Prozess. – В., 1983; *Ethics, the social sciences, and policy analysis* / Ed. by Callahan and Jennings B. N.Y.; L., 1985; etc. *Vers une éthique politique: L'Étique face à l'ingouvernabilité du monde actuel* / Ed. par G.Markoff. P., 1987.

89 Мысль, которую сам Макиавелли объяснял неспособностью народа жить в условиях демократии и необходимостью сильной власти дисциплинировать общество и решать политические задачи.

90 Именно так обычно трактуют пресловутый «макиавеллизм» – как отказ от моральности в политике.

91 См.: *Schmitt C.* Der begriff des Politischen. Bonn, 1963. Op. cit. Речь идет о понимании политики как конфликта, выбора из бинарного отношения друг-враг одной из сторон этой оппозиции, а именно отношений с врагом, которые и составляют специфическую сущность политики, отличающей ее от всех других общественных сущностей (экономики, права, культуры и пр.), что и определяет автономность политики.

92 См.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 1982.

93 *Гоббс Т.* О гражданине // Избр. произведения. Т. 1. М., 1964. *Его же.* Левиафан // Избр. произведения. Т. 2, М., 1964.

94 *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или Принципы политического права // *Руссо Ж.-Ж.* Избр. соч. Т. 1. М., 1961.

95 См. цит произведения. Г.Гоббса.

96 *Кант И.* Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М., 1969. С. 149; другие его произведения.

97 Стоит по этому поводу вспомнить о таком парадоксе современной цивилизации, вовсе не совместимом с представлениями о морали, как постоянный рост насилия и жестокости в истории Нового и Новейшего времени наряду с прогрессом созидательных сил, культуры, духовной и материальной жизни наиболее развитой (евро-американской) части мира (а может быть, и вследствие ее развития).

- 98 Так, кстати говоря, в политике возникают невыполненные или вообще невыполнимые обещания. Сделанные в момент искреннего, как говорится, благородного порыва, они либо оказываются необдуманно и неосторожно, либо обдумывание не вызывает желания такие намерения выполнять (речь, конечно, не идет о заведомо ложных обещаниях). Обещания, надо добавить, и тем более невыполненные и несбыточные, — это особая политическая процедура, а порой и настоящий бич политической жизни партии, государства, различного рода властей и лидеров.
- 99 *Гегель Г.В.Ф.* *Философия права.* М., 1990. С. 152, 153.
- 100 Не забудем житейского, но нравственно крайне важного, в политике тоже, понятия двуличности, или двуличия: безнравственности человека, который не прошел цивилизационный процесс, не преодолел противоречия двух начал, а примерил их к себе.
- 101 См.: *Фрейд З. Я и Оно.* Л., 1924.
- 102 Контрольная категория нравственности, связывающая, между прочим, классическую философию (как и другие понятия — культуры, цивилизации и пр.) с психологией Фрейда. См. «Философию права» Гегеля: «...Совесть — это глубочайшее внутреннее одиночество, пребывание с самим собой, в котором исчезает все внешнее и всякая ограниченность, полное уединение в себе самом. Человек в качестве совести уже не скован целями особенности, и совесть его тем самым — высокая точка зрения, точка зрения современного мира, который впервые дошел до этого сознания, до этого погружения в себя» (*Гегель Г.В.Ф.* *Философия права.* С. 178).
- 103 Долг в той же ситуации цензора не раз анализировался классиками, в частности и Кантом: «Основоположение... долга — это то, что разум повелевает субъекту (как он должен поступать) прямо, стало быть объективно» (*Кант И.* *Метафизика нравов.* С. 134).
- 104 Мы не будем здесь развивать дальше, следя за эволюцией самого Фрейда, эту его мысль (его идеи сублимации и др.).
- 105 См.: *Фрейд З.* *Тотем и табу.* М., 1923.
- 106 Ср.: *Фрейд З. Я и Оно.*

ГЛАВА VI

- 107 См. изданную Норберто Боббио и Матеуччи фундаментальную работу «*Dizionario di politica*».

- 108 *Benfaun Constant*. Cours de politique constituyinnelle. P., 1818 – 1820.
- 109 *Rudolf von Gneist*. Der Rechtsstaat. 1872.
- 110 *Georg Ellinek*. System der subjektiven öffentlichen Rechte. 1892.
- 111 *Mcylwain*. H. Constitutionalism and the changing world (1917–1937). N.Y., 1939.
- 112 Ibid.
- 113 Ibid.
- 114 Corwin. Ed. The «higher law», Background of American constitutional law. Ithaca, 1955.
- 115 См.: *Ferry L*. Philosophie politique. Т. 3. P., 1985. P. 26-39. См. также: *Bourgeois B*. La peuseé politique de Hegel. P., 1969. P. 81.
- 116 Этот синтез – в центре философии права и свободы Фихте. См.: *Renaut A*. Le systéine du droit. Phylosophie et droit daus la perscé de Fichte. P., 1986.
- 117 См.: *Поннер К*. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т II.
- 118 *Werl E*. Hegel et l'Ebat. P., 1950. P. 32.
- 119 *Habermas J*. Le discours philosophique de la modernité. P., 1988. P. 49.
- 120 См.: *Локк Дж*. Второй трактат о правлении // Локк Дж. Соч.: в 3 т. Т. 3. М., 1988. §§ 120-121, 214–223.
- 121 Вопрос: можно ли сопоставить таким образом *коллективность* (коллективизм) и *индивидуальность* (индивидуализм), т.е. можно ли отождествить государство с коллективностью и понимать целостность (тотальность) как коллективность или государство стоит над коллективом (надколлективно) как и наиндивидуально?
- 122 *Leçons pour l'histoire de la philosophie*. La philosophie grecque. Т. 18. P., 1972. P. 293.
- 123 См.: *Локк Дж*. Два трактата о правлении, книга вторая, § 121 // Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М., 1988. См. также: *Кант И*. Метафизика нравов. Цит. изд. § 50.
- 124 *Локк Дж*. Два трактата о правлении. § 134.
- 125 *Монтескье Ш.Л*. О духе законов, кн. XI, гл. 6 в точной авторской формуле «равновесия властей» (а не их разделения).
- 126 *Локк Дж*. Два трактата о правлении. § 212, 213 и 222.
- 127 *Гегель Г.В.Ф*. Философия права. § 248, прим.
- 128 Там же.
- 129 Там же. § 183.
- 130 Там же. § 184.
- 131 Ibid.
- 132 *Weber M*. Wirtschaft und Gesellschaft. Köln; Berlin, 1964.

ГЛАВА VII

- ¹³³ См., например: *Preston P.W. Theories of development. L., etc., 1982. XIII, 296 p.*
- ¹³⁴ См. схемы центров власти в упоминавшейся книге автора «Введение в исследование политики».
- ¹³⁵ См.: *Gaddis D.L. Strategies of containment. A critical appraisal of postwar american national security policy. N.Y., 1982. P. 359.*
- ¹³⁶ Политическая экономия современного монополитического капитализма. Т. 1. С. 371. Расширение государственного сектора экономики — главная форма вмешательства («участия») государства в систему «свободного предпринимательства». Уже в 70 гг. доля государства в национальном богатстве США составляла свыше 20% (из них 2/5 приходилось на товары военного назначения). Государство занимало 18,4% совокупной рабочей силы (*Previtt K., Verba S. Principles of American government. N.Y., etc., 1875. P. 7*). Государству принадлежало свыше 20% инвестиций в структуре капиталовложений (Economic report of the president, transmitted to the Congress, febr. 1974, together with Annual report of the Council of economic advisers. Wash.; Gov. print off., 1974. P. 249). Удельный вес жалования государственных служащих в общем фонде заработной платы составлял свыше 20% (ib. P. 274). Около 30% всей электроэнергии поступали потребителям с государственных электростанций. 2/3 научно-исследовательских и конструкторских работ в США финансировались за счет федерального бюджета (*Hirsch W.L. The economics of state and local government. N.Y., etc., 1970. P. 8*). Развитие государственно-монополистического капитализма в ФРГ сказалось уже к началу 60-х гг. В 1960 г. федеральное правительство владело 40% угольной, горной и сталелитейной промышленности, 62% электротехнической, 72% алюминиевой, 60% кредитных учреждений и целиком центральными банками (*Liberman S. The growth of European mixed economics 1945–1970/ A concises study of the economic evolution of six countries. N.Y., etc., 1977. P. 186*).
- ¹³⁷ Значительную часть этого рынка представляют собой заказы на производство вооружения, роль которых в экономике и обществе — это растрата производительных сил.
- ¹³⁸ «Более двух третей из 10 млн. новых рабочих мест, созданных между 1960 и 1970 гг., возникли благодаря расширению правительственных заказов, половина из них непосредственно оплачивалась из общественной кассы (особенно государственной и местной) и половина косвенно из частных источников,

образованных правительственными заказами». Учитывая расходы населения и его участие в расходах на общественные нужды, следует считать, что «более 100 млн. человек, половина с лишним американского народа, ныне зависит в получении своего каждодневного хлеба от средств, пущенных в оборот для общественных нужд» (*Piel G. The acceleration of history. N.Y., 1972. P. 356–357*).

- ¹³⁹ Расширение наемного труда (в процентах от экономически активного населения очевидно из сравнения данных за двадцать лет: в США — в 1950 г. — 70,4%, в 1970 г. — 89,9%, в ФРГ соответственно — 70,8 и 82,8%, в Англии в 1951 г. — 87,8%, в 1970 г. — 90,1%) (Политическая экономия современного монополистического капитализма. Т. 1. С. 211). В целом в капиталистической Европе уровень наемного труда достиг в 1978 г. 85%.
- ¹⁴⁰ Идеологичность идеи общего блага как цели политики выявилась в самом отдаленном прошлом, утопический и научный социализм это показали в самые ранние времена ее расцвета. Современные политические философы модернизируют ее. В начале двадцатого столетия, пишет Г.Ионеску, идеологическая политика стала во все большей мере неадекватным средством регулирования совместной жизни людей в индустриальном обществе и оказалась дисфункциональной (см.: *Yonescu G. Politics and pursuit of happiness. An inquiry into the involvement of human beings in the politics of industrial society. L., 1984. P. 2–45*).
- ¹⁴¹ См.: *Benjamin R. The limits of politics. Collective goods and the political challenge in postindustrial societies. Chicago, 1980*.
- ¹⁴² *Ibid.* P. 11.
- ¹⁴³ Развитый математический аппарат, которым они оснащены, присущий им концептуальный аппарат весьма специальные, и это делает их отраслью экономической науки.
- ¹⁴⁴ См.: *Fromm E. To have or to be? N.Y., 1976; King A. Science, technology and the quality of life. Turbidge Wells, 1972; Qualité de la vie, vie de la qualité. Toulouse, 1977 etc.*
- ¹⁴⁵
- ¹⁴⁶ *Weile E. Philosophie politique. P., 1956. P. 140.*
- ¹⁴⁷ Lerbuz, Lebbre à M. de Palarsean: «Мое определение государства или того, что у латинян называли *республика*, таково: это большое общество, цель которого общая безопасность. Следовало бы пожелать людям чего-то большего, чем безопасность, а именно благополучия, и к нему надо стремиться, но по крайней мере безопасность — это главное и без нее благо исчезает».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹⁴⁸ Дифференциация большинства и социальных меньшинств – объективный процесс: общество не может жить и развиваться как некая монолитная целостность, ибо оно в принципе неоднородно и суть его дифференциации в качестве и функциональных свойствах меньшинств: будут ли они развивающимися и развивающими или тормозящими развитие.
- ¹⁴⁹ *Parsons T.* The social system. Glencoe (ILL), 1951. P. 482-483.

Оглавление

Введение	3
ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА И ИХ ОТНОШЕНИЯ	6
Функциональные характеристики больших общественных систем	7
Функциональные и языковые воплощения атрибутивных отношений больших общественных систем	13
Место политики в ряду других систем	15
Общество и общественные системы	18
Управление и самоуправление, организация и самоорганизация в предобщественных сообществах	30
ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА. КОНКРЕТНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИКИ	34
Номинальная характеристика политических режимов	36
Нормативная политическая система современного общества западного типа	39
Государство и общество. Отношения политического и социального	53
ГЛАВА III. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ПОЛИТИКИ	59
К общей теории функциональных пространств и функционального времени	59
Геометрия трехмерного публичного пространства и демократического политического пространства	62
К общей теории функциональных пространств. Их политический смысл	65

Время природы и время политики	70
Движение политического времени	75
Особенности политической памяти	78
Пределы политической памяти	79
Пространственно-временной континуум в истории и политике	79
Измерение пространства и времени	82
ГЛАВА IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА	83
К новой теории утопии в жизни человека и в политике	84
Политический процесс в проекте и в действительности	92
Понимание и познание	94
Цели политики и политического процесса	95
Ошибки политики и утопия ошибок	100
Политика и власть как деятельность в политическом процессе	112
Управление и регулирование в политическом процессе	115
Эффективность политического процесса. Реальность и иллюзии	122
Рациональность и иррациональность технологии политического процесса	127
От осознания присутствия – к построению теории	128
Рациональность и иррациональность в утопии и в политике	135
ГЛАВА V. ПОЛИТИКА И МОРАЛЬ	141
Мораль, политика и этика	143
Моральность политики	144
Начала политического и морального сознания в подсознании	154
Нравственный реванш. Разгадка макиавеллизма	163

ГЛАВА VI. ПОЛИТИКА И ПРАВО	167
Из истории отношений и коллизий	
политики и права	170
Правовое ограничение власти в Новое время	173
Дискуссии о правовом государстве	179
Право, политика и государство	183
Индивид, государство и право	185
Право, политика и закон	188
ГЛАВА VII. ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА	192
Социальные и экономические функции	
современного государства	207
Порядок и безопасность	217
ГЛАВА VIII. ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА	220
Репрессивные и освобождающие функции культуры	222
Бытие и функции политической культуры	228
Заключение	238
Примечания	241

Научное издание

Кравченко Игорь Иванович
БЫТИЕ ПОЛИТИКИ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник *В.К.Кузнецов*
Технический редактор *А.В.Сафонова*
Корректор *Т.М.Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.10.01.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 08,09. Уч.-изд. л. 11,05. Тираж 500 экз. Заказ № 025.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Т.В.Прохорова*
Компьютерная верстка: *Ю.А.Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14